Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 80 № 5 2021 Сентябрь—Октябрь

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским Выходит 6 раз в год ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993 Подписной индекс по объединенному каталогу "Пресса России" 70354

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук

Главный редактор член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва)

Релакционная коллегия

член-корр. РАН В.Е. Багно (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. Хенрик Баран (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН Ю.Л. Воротников (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. Марчелло Гардзанити (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд, филол. наук С.И. Гиндин (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН А.В. Дыбо (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук А.И. Жеребин (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук Т.Г. Иванова (г. Москва, Россия), акад. РАН Н.Н. Казанский (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук В.Л. Коровин (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук Л.П. Крысин (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН А.Б. Куделин (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН А.М. Молдован (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук А.Ч. Пиперски (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН В.А. Плунгян (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. Александр Строев (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция) акад. РАН С.М. Толстая (ИСл РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук Е.В. Халтрин-Халтурина (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. Герд Хентшель (Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург, Германия), проф. Чжэн Тиу (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР). Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64 электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com Сайт журнала: https://oifn.jes.su

[©] Российская академия наук, 2021

[©] ФГБУН ИМЛИ РАН, 2021

[©] Редколлегия журнала "Известия РАН. Серия литературы и языка" (составитель), 2021

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk

SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language

Volume 80 No. 5 2021 September—October

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky Publication frequency 6 issues per year ISSN 1605-7880

Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993 Subscription code in the Catalogue of the Russian periodicals issued by "Russian Post" is 70354

The Journal is produced under the aegis of The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences

Editor-In-Chief

Vadim V. Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philol.), The A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), Henryk Baran, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), Cheng Tiu, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), Anna Dybo, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Marcello Garzaniti, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), Sergei Gindin, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), Elena Haltrin-Khalturina, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Herd Hentschel, Prof., Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Oldenburg, Germany), Tatiyana Ivanova, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), Nikolai Kazansky, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), Vladimir Korovin, Scholarly Editor, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), Leonid Krysin, Deputy Editor-In-Chief, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Alexander Kudelin, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, Executive Editor, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), Vladimir Plungian, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Alexander Stroev, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), Svetlana Tolstaya, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Yury Vorotnikov, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Aleksei Zherebin, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia) Olga I. Lukashenko (Managing Editor)

Address for Correspondence:
Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: https://oifn.jes.su

[©] The Russian Academy of Sciences, 2021

[©] The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2021

[©] Editorial Board of "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language" (editing and composing), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021, Том 80, Номер 5

Mutando mutanda: Заметки об аномалиях В. Б. Крысько
О семантической непрерывности: поле 'толкать' в славянских языках Т. И. Резникова, А. Ю. Шерстюк
Морфосинтаксис новогреческих пространственных наречий в диахронической перспективе <i>А. В. Яковлева</i>
"Окаянные дни" И. А. Бунина в историческом контексте: между реализмом и гиперреализмом <i>Паола Чони</i>
Русская судьба басенного творчества Джона Гея Д. Н. Жаткин, Н. С. Футляев
Русский Пратчетт (на материале переводов романа "Monstrous Regiment") <i>М. В. Цветкова, А. Н. Кульков</i>
"Герой" или "антигерой"? (Проблема героя в творчестве М. Горького начала 1920-х годов) <i>Н. Н. Примочкина</i>
Автобиографическое "Я" в повести Скитальца "Этапы": сопоставление вариантов <i>Чэн Лян, М. В. Михайлова</i>
О метрическом репертуаре стихотворений Г. Р. Державина в прижизненном собрании сочинений (опыт статистического анализа)
<i>Е. А. Пастернак</i>
Рецензии
<i>Артемова О.Г.</i> Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза / Научн. ред. А.А. Кретов. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. (Серия: Библиотека маркемологии. Т. 4). 596 с.
<i>О. М. Карпова</i>
О. П. Ермакова

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language. 2021, Volume 80, Issue 5

Mutando mutanda: Notes on Anomalies V. B. Krysko
On Semantic Continuity: the Domain of 'Pushing' in Slavic Languages
T. I. Reznikova, A. Yu. Sherstyuk
Morphosyntaxis of Modern Greek Spatial Adverbs in a Diachronic Perspective
A. V. Yakovleva
"Cursed Days" by I.A. Bunin in Their Historical Context: Between Realism and Hyperrealism
Paola Cioni
The Russian Fate of John Gay's Fables
D. N. Zhatkin, N. S. Futljaev
Russian Pratchett (Based on Translations of the Novel "Monstrous Regiment")
M. V. Tsvetkova, A. N. Kulkov
"Hero" or "Antihero"? (The Problem of the Hero in the Works of M. Gorky in the Early 1920s)
N. N. Primochkina
The Autobiographical "I" in Skitalets's Novelette "Stages": Comparison of Editions
Cheng Liang, M. V. Mikhailova
To the Metric Repertoire of G.R. Derzhavin in His Lifetime Collected Works (An Essay in Statistical Analysis)
E. A. Pasternak
Reviews
Artemova, O. G. Language Keys to English Literature from Shakespeare to Fowles / Sci. Ed. A. A. Kretov. Voronezh, Nauka-Unipress, 2020. (Ser. "Library of Markemology". Vol. 4.) 596 p. [In Russ.]
O. M. Karpova
Granovskaya, L. M. Russian Vocabulary of the Civil War. 1918–1920. Moscow, Flinta, 2020. 72 p. [In Russ.]
O. P. Yermakova

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017124-9

Mutando mutanda: Заметки об аномалиях

© 2021 г. В. Б. Крысько

Доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом древнерусского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2 vbkrysko@yandex.ru

Резюме. В статье анализируются некоторые примеры из памятников ранней славянской письменности (древнерусских и древнеболгарских), которые в научной литературе рассматриваются как уникальные исключения либо ранние инновации: редупликация местоимения *ты* и звательная форма в роли подлежащего в Повести временных лет, употребление глагола *течи* (*тещи*) в каузативном значении, использование винительного момента в древнейшей болгарской надписи, форма именительного падежа множественного числа существительного *убицца* по **o*-склонению в древнерусской надписи XII в. Обращение к более широкому кругу источников и к письменной традиции текстов показывает, что предполагаемые аномальные формы либо представляют собой регулярные образования, либо демонстрируют искажение текста.

Ключевые слова: древнерусский язык, древнеболгарский язык, Повесть временных лет, эпиграфика, письменная традиция, архаизмы и инновации.

Благодарность. Работа выполнена в рамках проекта № 17-29-09015 офи_м, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований.

Для цитирования: *Крысько В.Б.* Mutando mutanda: Заметки об аномалиях // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 5—20. DOI: 10.31857/S241377150017124-9

Mutando mutanda: Notes on Anomalies

© 2021 Vadim B. Krysko

Doct. Sci. (Philol.), Professor,
Head of the Department of Old Russian
at the V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
vbkrysko@yandex.ru

Abstract. The article analyzes some examples of ancient Slavic (Old Russian and Old Bulgarian) writing which in the scholarly literature are considered as unique exceptions or early innovations: the reduplication of pronoun $t\bar{b}$ and the vocative form of the subject in the Tale of Bygone Years, the use of the verb techi (teshchi) 'run' in a causative meaning, the use of the accusative of time in an Old Bulgarian inscription, the *o-stem nominative plural form of the * \bar{a} -stem noun ubiitsa in an Old Russian inscription of the 12th century. Attention to a wider range of sources and to the written tradition to which these texts belong reveals that the alleged anomalous forms either represent regular formations or demonstrate a distortion of the text.

Key words: Old Russian language, Old Bulgarian language, The Tale of Bygone years, epigraphy, written tradition, archaisms and innovations.

Acknowledgments: This study was funded by the RFBR, project No. 17-29-09015 ofi m.

For citation: Krysko, V.B. *Mutando mutanda: Zametki ob anomalijah* [Mutando mutanda: Notes on Anomalies]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 5, pp. 5–20. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017124-9

Most of the ghosts aren't ghosts, and the few that may be won't do you any harm.

Gilbert K. Chesterton. The Man With Two Beards1

I

В Повести временных лет (ПВЛ) под 6595 (1086/1087) г. описывается убийство владимиро-волынского князя Ярополка Изяславича, ср. текст по древнейшему списку — Лаврентьевскому (Π , 1377 г.)² с некоторыми разночтениями по более поздним спискам той же редакции — Радзивиловскому (P) и Академическому (A) конца XV в. — и представляющим другую редакцию Ипатьевскому (M, около 1425 г.)³ и Хлебниковскому (X, XVI в.)⁴:

мрополкъ же сѣде володимери. и пересѣдев мало дни. иде звенигороду. и не дошедшю юму града. и прободенъ бы(с) \hat{w} проклатаго нерадьца. \hat{w} дьмвола наоученьм. и \hat{w} злыхъ члвкъ. Лежащю $^{\Gamma}$ и ту $^{\Gamma}$ [PA ем 8] на возѣ саблею с кона прободе и. м(с)ца. номмбра. въ 8

Не вдаваясь в детали этой трагической истории⁵, ограничимся анализом последних слов умирающего князя. В большинстве исторических, литературоведческих и даже лингвистических работ, где текст ПВЛ печатается по упрощенной орфографии и с введением современной пунктуации, реплика Ярополка обычно выглядит так: "Охъ, тот мя враже улови" [5, с. 88]; [1] либо "Охъ, тот мя вороже погуби" [6, с. 242];

[7, с. 19] — и переводится на современный русский язык следующим образом: "Ох, поймал меня враг тот" [5, с. 226], "Ох, погубил меня враг тот" [6, с. 243], "Ох, уловил меня этот враг!" [8, с. 203], "Ох, настиг меня этот враг!" [1]. Тем самым имплицитно предполагается, что враже / вороже (по формальным признакам бесспорный вокатив) – это форма подлежащего, т.е. имен. падеж, а тот – указательное местоимение, согласованное с враже / вороже. Вполне эксплицитно тот(ъ) было ассоциировано с местоимением то в работе Н.П. Некрасова [9, с. 141] — и эта трактовка повторяется в Национальном корпусе русского языка [10]. Употребление звательной формы ("кличного відмінка") "у функції підмета" (подлежащего) на примере данного (единственного) контекста постулируется для древнерусского языка в академической "Истории украинского языка" [11, с. 33]⁶ (см. также [18, с. 50]); эта интерпретация опирается на богатый материал украинского фольклора, приведенный еще А.А. Потебней, типа "Сизеньки голубчику Та седить на дубчику" [19, с. 72]; [18, с. 48-49], и отражающий "может быть и сознательное употребление звательного падежа как более сочного вместо именительного" [19, с. 72]. По-видимому, как подлежащее рассматривал форму враже и Г.О. Винокур: «Ср. в летописи предсмертный возглас изменнически убитого Ярополка (под 1086 г.): "Охъ, тотъ мя враже улови", где слово враже означает "дьявол" в применении к убийце» [20, с. 54]⁷.

Тем не менее устоявшаяся трактовка вызывает определенные трудности, обусловленные

¹ "Большинство привидений — вовсе и не привидения, а те немногие, которые, возможно, и подлинны, совершенно безобидны" (Г.К. Честертон. Человек о двух бородах, пер. Е. Фрадкиной).

 $^{^2}$ Рукопись РНБ, F.п.IV.2, цитируется по цифровой фотокопии [1].

³ Рукопись БАН, 16.4.4, цитируется по цифровой фотокопии, сделанной И.М. Ладыженским для СДРЯ.

⁴ Варианты PAX здесь и далее приводятся по [2]. Выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках. Комментарии помещаются в квадратные скобки, реконструируемые буквы — в угловые скобки, нечитаемые буквы и фрагменты слов обозначаются многоточием в угловых скобках. Два и более слов, к которым приводятся разночтения, выделяются знаком Γ 1.

⁵ Убедительная, на наш взгляд, реконструкция исторических обстоятельств преступления предложена в [4, с. 59—66].

⁶ Правда, на той же странице как вокатив рассматриваются, вслед за словоуказателями к изданиям Успенского сборника [12, с. 507, 516, 645] и Изборника 1076 г. [13, с. 938, 1049], и формы дат. пад., используемые наряду с имен. и род. при междометии о в функции восклицания [14, с. 85]; [15, с. 18]; [16, с. 147–148] (ш плачю и бижнию не на добро бывающю [12, с. 317]), и имен. пад., воспринятый без учета дистантно расположенной связки в составе сказуемого (боуди... Чадо... снъ... наслъдьникъ [13, с. 272–273]; ошибочные трактовки исправлены в словоуказателе к новому изданию Изборника [17, т. II, с. 195, 303]).

⁷ Заметим, что неучет формы *вороже*, использованной в этом контексте в "Ипатьевской" редакции ПВЛ, ставит под вопрос другой вывод автора: "Неприятель, смотря по контексту, может означаться как словом *врагъ*, так и словом *ворогъ*, но дьявол как ненавистник и погубитель рода человеческого обозначается только словом *врагъ*" [20, с. 54].

именно уникальностью отмеченных выше употреблений: тот (ъ) остается раритетным примером редупликации тъ в ПВЛ (см. [10]; [21]) – так что лемматизация всех форм этого местоимения под начальной формой тот в словоуказателе О.В. Творогова [3, с. 697] скорее вводит в заблуждение⁸; номинатив вороже отделен от стихометрически обусловленных употреблений типа Плаче, плаче молодий козаче несколькими веками, тогда как использование этой зв. формы в естественной для нее функции обращения находит ряд подтверждений в древнерусской письменности [23, с. 62-63]; наконец, непонятно, почему враг (убийца Нерадец или дьявол, см. ниже) анафорически назван "тем", - в предыдущем изложении о нем речи не было.

Очевидно, осознавая ненадежность указанных интерпретаций, А.А. Шахматов специально обратил внимание на "зват. враже" и предложил для восклицания Ярополка минимальную конъектуру: "охъ, то ты мя, враже, улови" [24, с. 261]. Слабость этой конъектуры состоит, однако, в том, что она предполагает искажение по всем спискам более чем обычной — и при этом не энклитической — формы имен. пад. местоимения 2-го лица ты.

Между тем, анализируемый контекст допускает вполне удовлетворительное объяснение без каких бы то ни было эмендаций и постулирования аномальных форм — и эта трактовка была предложена крупнейшим немецким славистом, выдающимся исследователем Повести временных лет Лудольфом Мюллером. В словоуказателе к летописи Мюллер и его коллега Барбара Грёбер отнесли написание тот к лемме "ТО ТИ, ТОТЬ, ТОТь, ТОТ, ТОТ" со значениями "da, jetzt, nun, also, wahrlich" ('вот, сейчас, ныне, итак, поистине'); правда, при этом форма оулови сохранила – видимо, в русле традиционной интерпретации – определение "Аог. 3." [25, с. 815, 817, 863]. Абсолютно корректен, напротив, немецкий перевод, из которого однозначно явствуют, во-первых, статус том как указательной частицы (т.е. тоть с утратой еря в позиции перед энклитикой, ср. обычные для позднедревнерусской письменности написания типа б*лжат ма* СбЧуд XIV, 116a [26, т. I, с. 225], он же, мил ся дъеть и т.п.), во-вторых, единственно верное понимание аористной формы как 2-го л., в-третьих, интерпретация враже как обращения: "Ach, da hast du mich zugrunde gerichtet⁹, mein Feind!"

[27, с. 245] 'Ох, вот ты меня (и) погубил, мой враг!'¹⁰. В современном русском переводе древнерусского текста представляется уместной архаичная форма враже без притяжательного местоимения — причем более вероятной кажется соотнесенность этого обращения не с безвестным Нерадцем¹¹, а с дьяволом: недаром летописец подчеркнул, что князь был убит *\vec{w}* дыволом наоученым и *\vec{w}* злыхъ чявъ 'наущением дыявола и злых людей'. Использование частицы тоть 'вот (и)', выражающей "завершение... предшествующего состояния" [29, с. 729], в данном контексте вполне оправданно: далее летописец сообщает, что убитый князь Ярополк,

многы бѣды приимъ без вины. изгонимъ \hat{w} братьм своєм. wбидимъ разграбленъ. прочее ['наконец'] и смрть горкую примтъ (\mathcal{J} , 696—в) [3, стб. 206—207].

Другие примеры из ПВЛ, приведенные Л. Мюллером под леммой "ТО ТИ", не всегда однозначны. Иногда, на наш взгляд, то ти, переданное им по-немецки как "da", правомернее было бы рассматривать не как отдельную лексическую единицу, а как сочетание местоимения то 'это' с частицей mu 'a, же, ведь':

и ре(ч) има кань. $mo\ mu\$ ва(м) право повѣдали (\mathcal{I} , 60а) [3, стб. 178] '... $a\$ э $mo\$ вам правильно сказали',

либо, чаще, как сочетание частицы mo 'вот' с местоименной энклитикой mu 'тебе, у тебя, к тебе и т.п.':

али ти лихо е. да то mu^{12} съдить. снъ твои хрь(с)тныи с малы(м) братомъ своимъ хлѣбъ ъдучи дъдень. а ты съдиши в своемъ а w се са ради. али хочеши тою оубити а то ти еста (Л, 846) [3, стб. 254] '...так вот (же) сидит подле тебя сын твой крестный... то вот они у тебя оба' (ср. [6, с. 475]); и гласта ему исакъе то ти [ЛРА лакуна; X + e(c)] х(с)ъ. падъ. поклониса ему (И, 716) [30, стб. 184] 'вот перед тобой',

либо, наконец, как сочетание наречия *то* 'тогда' с энклитическим дат. пад. *ти*:

 $^{^{8}}$ О других, более ранних примерах подобного удвоения см. [22, с. 180-181].

⁹ Перевод основан на версии большинства списков — *погоуби*.

 $^{^{10}}$ Как зв. интерпретирована форма вороже из $\emph{\textbf{\textit{H}}}$ и в [10], хотя $nory \delta u - \kappa$ ак 3-е л.

¹¹ У нас нет полной уверенности в корректности написания этого слова с прописной буквы, т.е. в статусе его как личного имени: на фоне таких отглагольных существительных с суффиксом -ьць, как водьць, ловьць, любьць и мн. др., нельзя, думается, исключать интерпретацию нерадьць как производного от нерадити 'относиться без внимания', ср. более позднее нерадьтель 'человек, не заботящийся о выполнении своих обязанностей, своего долга' [28, вып. 11, с. 263]; при такой трактовке Ярополк был "пронзен проклятым предателем (нарушившим свой долг)".

¹² В немецком переводе не отражено: "...so lasse deinen Patensohn... sitzen" [27, с. 363].

кимни же разъграбиша дворъ путатинъ. тысачь(с)кого. идоша на жиды. и разграбиша α . и послашаса паки кимне к володимеру глюще. поиди кнаже киеву. аще ли не поидеши. то въси α ко много зло оу(з)двигнетьса. то α не путатинъ дворъ ни соцькихъ. но и жиды грабити. и паки ти поидуть. на α тровь твою и на бо α и на α манастыръ. и будеши α вътъ имълъ кнаже. α и манастыръ разъграбать (α 102 α г) [30, стб. 276] '... α тебя не (только) Путятин двор...'¹³.

Статус *тем* (и тем более *тем*) как частицы представляется несомненным в контекстах:

wлег же посмѣаса и оукори к%десника. река momu [momb (U, 15B); в U лакуна] неправо глють волсви. но вса ло(ж) е(с) (P) [3, стб. 39; 30, стб. 29] `Bom, неверно говорят волхвы... $'^{14}$; и бB оу фрослава кормилець. и воевода. именемь буды. нача оукарати болеслава гла. да momu прободемъ трBскою черево. твое тольстое (U, 48U) [3, стб. 143] `A u0 (u0) проткнем... $'^{15}$ 0.

Во фрагменте:

wлегъ же... не восхотъ ити къ братома своима... стополкъ же и володимеръ рекоста к нему. да се ты ни на поганым идеши с нама. ни на думу. $^{\Gamma}$ тоготь и 1 [\mathcal{I} то; PA ино 'тогда'] ты зло мыслиши на наю. и помогати хощеши поганымъ (\mathcal{I} , 84в, \mathcal{X}) [30, стб. 220] —

тоть имеет значение союза 'итак, следовательно'.

Целый ряд примеров с *тоти* зафиксирован в берестяных грамотах — в значениях частицы 'вот' (№ 384, 959, 989, 1004, 1005, 1006), наречия 'итого, всего' (293, 644, 675, 835, 1004), союза 'итак' $(776)^{16}$. В то же время в грамоте № 531 (нач. XIII в.) *тоте* /тот'/ выступает, как мы полагаем, в значении 'тогда, в таком случае':

оже боудоу люди при комо боудоу дала роукоу за зате mome а во вине 'если будут свидетели, при ком я поручилась за зятя, тогда вина на мне' —

т.е. здесь мы имеем дело с наречием *momu / momь*, которое документируется уже в XI в. (в сочетании с частицей *же* и в соответствии с греч. $\tilde{\imath}$ с 'потом, затем'):

Они же [бесы] рѣша ємоу [праведнику]. по истинѣ имате т́ вешти. вельми противлаюштаса намъ... Стоє причаштениє. и чьстьный крьстъ. и стоє хрьштениє. Тоть же въпраша ихъ бжии. члвкъ гла. которааго же отъ трии тѣхъ боле боитеса [17, т. I, с. 584—585; т. II, с. 69] 'И тогда спросил...'¹⁷.

Наречное употребление *тоти* имеет место, очевидно, и в следующем контексте из ПВЛ:

и ре(ч) стополкъ. се взъ готовъ оуже. и вста стополк(ъ) и ре(ч) ε вму володимеръ. *тоти* брате велико добро створиши землъ русскъи (J, 93в) [3, стб. 277], —

для которого перевод "…Da tust du, Bruder, ein großes Gutes dem Russischen Lande" [27, с. 304], где da= 'тогда, таким образом', представляется более адекватным, нежели 'Это ты, брат, великое добро сотворишь земле Русской' [5, с. 256]; [6, с. 289], где mo выступает как первый винительный в обороте "двойной винительный", однако mu остается без соответствия.

Другие примеры наречия *тоть* в значении 'тогда, в таком случае' отмечены в смоленских грамотах XIII в.:

оулюбить [смолянин] своею волею нести желѣзо *тыть* его вола [34, с. 516]; Аже роусинъ коупить. оу латинеского члыка. товаръ. а възмъть к собъ. *тоть* латинескомоу. не взати товара наоуспать; аже самъ въсхочете. *тыть* идѣть; аже не слоушають старосты. *тоть* можеть на него дѣткого [sic] приставити [34, с. 566—567]¹⁸.

¹³ В немецком переводе, вопреки трактовке в словоуказателе, "Sie plündern *dir...*" [27, с. 329].

¹⁴ В немецком и русском переводах *тоти* оставлено без соответствия [27, с. 42]; [5, с. 156], что косвенно свидетельствует в пользу интерпретации его как частицы.

¹⁵ В немецком переводе, в отличие от словоуказателя, *ти* передано посредством "dir", а *то* осталось без соответствия [27, с. 177], так же и в русских переводах: "Проткнем тебе колом брюхо твое толстое" [5, с. 200]; [6, с. 187]; такое игнорирование *то* наряду с плеонастическим совмещением в одной фразе личного и притяжательного местоимений 2-го л. (*тебе твое*) снижает надежность трактовки.

¹⁶ В нескольких контекстах, отнесенных к союзу *то ти* в словоуказателе к берестяным грамотам [31, с. 807], определение семантики и синтаксической функции последовательности *то ти* не представляется возможным из-за их фрагментарности (грамоты № 737, 812, Ст. Р. 12, 820), а в предложении: оже ли не присълеши то ти въ полы (№ 915) — и *то*, и *ти* являются, по нашему мнению, местоимениями: 'если не пришлешь, это тебе наполовину (дороже станет)'.

¹⁷ Это наречие вызвало существенные затруднения у публикаторов и исследователей Изборника: в издании 1965 г. *тъ мест.*" [13, с. 1029] – т.е. воспринято как редуплицированное тът с вокализацией и меной редуцированных; в издании 2009 г. дано как отдельная лемма "тътъ жє? мест.", снабжено восклицательным знаком и эмендировано (под вопросом) как *таже [17, т. II, с. 288]; У.Р. Федер восстанавливает на месте тоть же – вероятно, на основе варианта тоже в списке конца XV – начала XVI в. — либо **Тоже** (на глаголице), либо **То же** (на кириллице) и подверстывает данную последовательность к лемме "**то** *съюз*" [32, т. 2, с. 216; т. 1, с. 223]; следует заметить, что для тоже, в отличие от таже, "Словарь старославянского языка" не фиксирует ни значения времени или следования, ни параллели εἶτα [33, т. IV, с. 418, 468] — однако в древнерусских памятниках наречие тоже 'тогда; потом' засвидетельствовано множеством примеров [28, вып. 29, с. 389].

 $^{^{18}}$ Примеры из списка A грамоты 1229 г. почему-то не отражены в словоуказателе к последнему изданию под леммой "[тотн] част." [34, с. 732]; в латышской части издания дан правильный перевод — наречие tad 'тогда' [34, с. 380, 422].

Как наречие, так и частица *тоти* представлены в Русской правде, ср. соответственно:

искавше ли послоуха и не налѣзоуть. а истьца [в др. сп. истець] начьнеть головою клепати. *тоти* имъ правьдоу желѣзо [35, с. 31] 'Если, поискав свидетеля, не найдут, а истец станет обвинять в убийстве, тогда им для выяснения истины пройти испытание железом'; *тоти* оуроци смърдомъ. wже платать кназю продажю [35, с. 39] 'вот (каковы) расценки для смердов, когда они платят князю штраф'.

В Киевской летописи, продолжающей ПВЛ в составе Ипатьевского списка, *momu / momь* может быть выделено в нескольких значениях — в качестве частицы и союза:

а whъ же киевъ собъ. и ѣще надъ тѣмь. и туровъ и пинескъ оу мене \ddot{w} налъ. momu изаславъ ма тѣмь примбидилъ (U, 155в) [30, стб. 429] 'вот (?')'; и ре(ч) ему петръ кѣже крстъ еси къ брату своему. къ изаславу и къ королеви цѣловалъ. \ddot{w} ко ти все оуправити. и с нима быти. momu оуже еси съступилъ крстъного цѣлованию (U, 166б) [30, стб. 462] 'следовательно'; и текоша [убийцы Андрея Боголюбского] позоровати его wже нетутъ. идеже его \ddot{w} тошли [sic] оубивше. и рекоша momb е¹⁹ погибохомъ (U, 207г) [30, стб. 587] 'Ну вот мы и погибли!'²⁰.

Несколько примеров *тоти* зафиксировано в древнерусском переводе "Пчелы". В словоуказателе к последнему изданию они недифференцированно сгруппированы под леммой то "в сост. союза то ти" [39, т. II, с. 338], однако, на наш взгляд, союз тоти" (итак, следовательно' выступает в трех примерах (ср.: не нази ли родихомъса на се житью; тоти разоумно юсть. подобно ти роженью и конець приюти [39, т. I, с. 128,30—129,1, а также 142,13; 185,27], а в остальных пяти — наречие тотда, в таком случае' (ср.: Аще бы знамению оумоу было [в др. сп. далее юже] много молвити, и скоро, и часто, тоти ластовиць [в др. сп. -цѣ] оумнѣише всѣ(х) быша были [39, т. I, с. 310,19, а также 278,5; 194,26; 231,24; 246,21].

Вполне бесспорный пример частицы *тоть* причем в позиции перед формой вин. пад. местоимения 1-го л., как и в речи Ярополка, — обнаружен в расшифрованных нами совместно

с И.М. Ладыженским экстратекстах (маргиналиях) Иова (Иева) — писца галицко-волынского Паренесиса Ефрема Сирина 1269—1281 гг. (РНБ, Пог. 71а). Внизу листа 78 об. практически до полной нечитаемости (невооруженным глазом) затерта запись:

тоть ма wпечали петръ сии r(c)днъ мои без вины сту<п>a<(т)> не могу ни пера держати 'Вот (как) меня этот Петр, господин мой, безвинно огорчил: ни ходить не могу, ни пера держать'.

В написанной явно с досады заметке имеется в виду, несомненно, тот самый заказчик рукописи, тиун Петр, о котором в "официальной" выходной записи (л. 329-329 об.) говорится в "тоне напряженно-восторженном" (если воспользоваться выражением Е.В. Тарле) – в частности, сообщается, что он стротшеть сит книгы с<ъ> многомь тщань ϵ м<ь> на вс Λ дни милуга мастера, — а на того, кто его не похвалить, призывается wнафома (см. [40, с. 644-645]). Другая неосторожная (а потому тоже стертая, даже более тщательно) запись также начинается с тоть, да еще и дважды: писец приступил к излиянию своих чувств, написав *тоть* ϵ (ср. выше восклицание убийц князя Андрея: тоть е погибохомъ), затем прервался, но потом на той же строке все же продолжил – и именно этот текст (который мог бы прояснить тоть е в Киевской летописи), видимо, по зрелом размышлении, уничтожен:

тоть κ пр<...>²¹ петръ сии. не дасть ми \tilde{w} пуста. оу(же) не могу. истомилъ ма (л. 282 об.)²².

Таким образом, наречие / частица / союз *тоти* / *тот* достаточно широко употреблялись в восточнославянской письменности древнейшей поры, прежде всего при передаче прямой речи, что свидетельствует об их разговорном статусе. В основе наречия *тоти* лежит, как мы полагаем, соединение отместоименного наречия *тоти* тогда; так; в таком случае (ср. лит., лтш. *tad* тогда) с частицей *тоти* по образованию аналогичного наречию *се* теперь,

 $^{^{19}}$ Над e — вероятно, усилительной частицей [36, т. IV, с. 513]; [37, т. 6, с. 7] — приписаны буквы *сме*, добавление которых превращает исконную форму аориста *погибохомъ* в аномальное образование со связкой.

 $^{^{20}}$ В контексте: и ѣще ваю есмь оустагываль. а вы мене не слушаета то ти ни мнѣ еста не оуправила еже рекша но бЃви (U, 155г) — в издании А.А. Шахматова [30, стб. 430] *томи* напечатано слитно, а в издании И.С. Юрьевой — раздельно, причем в словоуказателе отнесено к союзу *томи* [38, с. 227, 790]. Думается, *том* является здесь местоимением 'это', а U частицей 'ведь': 'ведь это вы не мне не сделали того, что обещали, а Богу'.

²¹ Около 20 букв не поддаются дешифровке.

 $^{^{22}}$ Другой экстратекст — запись на 1-м листе Жития Саввы Освященного (РНБ, Q. 106) — начинается, вопреки публикации в [41, с. 165], не словом To, а словом 8mo 'итак', так что помещение соответствующей цитаты в [28, вып. 30, с. 74] в статью $\mathbf{тotu}^2$ неуместно (попутно заметим, что распределение цитат и их грамматическая и семантическая квалификация в статьях $\mathbf{тotu}^1$ и $\mathbf{тotu}^2$ требуют существенного пересмотра).

сейчас; тогда; так 23 , обычно тонут в море других *то* и упускаются из виду, хотя его существование, на наш взгляд, доказывается, в частности, такими контекстами, как 24 :

то (ж) слышавше пльсковици, како приве(д) каросла(в) пълкы. оубоювшеса то(г). възаща миръ съ рижаны. $\Pi H XIII_2$, 104 об. — 'тогда'; то [осквернение] ре(ч) [епископ Нифонт] юсть юже съ причащаниюмь. съ женою цъловати(с)... или и гоиломь прикоснутиса. индѣ не (в) само просто въврещи. а то сѣма изидеть. *КН 1285-1291*, *529-530* (Вопрошание Кирика) – 'тогда'²⁵; глющема има [Сильвестру и Замврию]. то и быкъ тъ приведенъ бы(с) многыми моужи держимъ. (ἰδού 'вот') ГА ХІV₁, 2166 – 'тогда'; [рассказ Григория Двоеслова] твиса ен [Фарсилле] дѣдъ мон филикъ... гла. гради ко в сию обитель свъта прииму та. и то немощь трасавичнаю прию ю. ПрЮр XIV_{2} , 2536 — 'тогда'; аже холопъ крадеть кого любо. то г(с)ну выкупати. любо выдати с кимъ будеть кр(а)лъ... но өже будеть [в др. сп. боудоуть] с нимь кралъ. и хоронили и *mo* вси(х) выдати. $P\Pi p$ cn. XIV_2 , 21-22 – 'тогда'; и ре(ч) [блудница] веде [т.е. вѣдѣ] рай. и муку. гла жи старець то чему Дша многы члвч(с)кы погубила юси. *Пр 1383*, *133в* – 'в таком случае'.

Ввиду чрезвычайной многозначности то оно в адвербиальном употреблении подвергалось различным расширениям - в первую очередь с помощью (до сих пор загадочного) $-z(z)\partial a$, но также посредством десемантизированной частицы ти (первоначально 'же, и'), результатом чего и явилось возникновение новой лексической единицы – наречия тоти, на основе которого развились союз и частица. Десемантизации -ти способствовало наличие варианта с нулевой ступенью чередования тоть (ср. уже в Изборнике 1076 г.), который, ввиду весьма ранней фиксации, едва ли можно интерпретировать как результат редукции конечного безударного гласного, но логичнее рассматривать в одном ряду со столь же ранними аблаутными вариантами коли / коль и толи / толь. В синтагматическом плане десемантизация -ти/-ть находит выражение в присоединении к тоть частиц же и е. В позднедревнерусский период, после редукции конечных

безударных, связанной с падением редуцированных, первоначальное *тоть* /тоть / и вторичное *тоть* /тот / < *тоть* / < < / > < < *тоть* / < < *тоть* /

Таким образом, и употребление вокатива в роли подлежащего, и редупликация местоимения *т* в Повести временных лет оказываются лингвистическими фантомами, рассеивающимися в свете лингвистических фактов.

П

В обоих изданиях нашего "Исторического синтаксиса" [42, с. 258]; [43, с. 291] при рассмотрении двойственного некаузативно-каузативного употребления одних и тех же глаголов наряду с примерами типа гънати путь / гънати прахъ приведена и уникальная конструкция, в которой глагол течи (тещи), в отличие от обычного использования в значении 'идти', выступает в роли каузатива: Аще на похоть око течеть ны [44, с. 193]. Эта цитата, почерпнутая из фрагмента Паренесиса Ефрема Сирина (слово 46-е [45, с. 156]) в составе Троицкого сборника XII–XIII вв. (РГБ, Тр. 12, л. 193 об.), была включена нами – без внимания к важному разночтению – и в 29-й выпуск "Словаря русского языка XI-XVII вв." в качестве последнего, 12-го значения глагола течи:

12. Кого. Побуждать, возбуждать. Аще на похоть око течеть [Ефр.Сир. 1 , 36. XIII—XIV вв.: скъкъщете] ны, търпѣние възьмъще, удържимъ чювьствие, и абие отбѣжить насъ (ἐὰν... ἡμᾶς γαργαλίξη). (Поуч.Ефр.Сир.) Сб.Тр. 1 , 193. XII—XIII вв. [28, вып. 29, с. 340].

Наконец, наш пример вошел в арсенал типологических исследований:

Aš'e na poxot'-Ø ok-o teč-et' ny. if on lust-SG.ACC eye-SG.NOM run-PRS.3SG we.ACC 'If our eye(s) incite(s) us to lust.' (lit. 'runs us to lust') [46, c. 618].

Сейчас, после многих лет занятий переводной славянской письменностью, приступив к редактированию XIII тома Словаря древнерусского языка (С—Т), мы пришли к выводу о том, что изолированное каузативное употребление глагола течи (тещи) является фикцией.

Греческий глагол γαργαλίζω 'щекотать' и существительное γαργαλισμός 'щекотка' — обычно в переносных значениях 'раздражать, возбуждать' и 'раздражение, возбуждение' — в известных нам славянских источниках переводятся лексемами копосати (Пандекты Никона Черногорца) [26, т. IV, с. 263], ласкърдовати, ласкърдие (Слова Григория Богослова) [26, т. IV, с. 391], острити [47, с. 330]; [48, с. 83], раждизати [49, с. 568]; [26, т. X, с. 101], скъкътати, скъкътание, оскъкътати (Лествица, Житие Нифонта, Житие

²³ В [26, т. XI, с. 97—98] соответствующие употребления оговорены, но отнесены к частице *се* "в роли нар.", хотя частица безусловно вторична по отношению к наречию; в [28, вып. 24, с. 7] наречный статус "частицы" *се* явствует только из дефиниций — 'здесь', 'там', 'тогда', 'теперь', 'так'.

 $^{^{24}}$ Далее цитируется находящийся в процессе редактирования материал XIII тома Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.).

²⁵ Непосредственно за этой фразой следует загадочное *то ти несть тако*, где с чисто грамматической точки зрения *то выглядит как подлежащее при несть*, а *тако* — как часть составного именного сказуемого, согласуемая с *то*; возможный перевод — 'И это (все приведенные выше случаи) вот что', т.е. 'И в этих случаях вот что следует делать'.

Андрея Юродивого и др. [26, т. XI, с. 247]; [28, вып. 13, с. 101; вып. 24, с. 221]; [50, с. 189])²⁶. Именно глагол скъкътати, родственный совр. щекотать и толкуемый в словаре А.Х. Востокова – причем с цитатой из Ефрема Сирина! – как "щекотанием возбуждать" [51, т. II, стб. 172]²⁷, фигурирует в нескольких рукописях, содержащих, полностью или частично, текст древнеболгарского перевода Паренесиса: в колексе XIII-XIV вв. РГАДА, Тип. 38, 36а - скъкъщете, в списке 1377 г. БАН, 31.7.2, 84 – скокчеть²⁸, в рукописи XIV в. РГБ, Тр. 7, $75\Gamma - c\kappa \kappa \omega m m$, в сборнике XIV/XV вв. РГБ, Рум. 357, 259 об. – скокъчеть [ъ исправлено из о]. На фоне этих вариантов, демонстрирующих, с одной стороны, вполне обычную параллель к γαργαλίζω, которую естественно реконструировать как *скъкъщетъ, с другой – отсутствие эквивалента для формы око (в полном соответствии с греческим: ἐὰν εἰς ἐπιθυμίαν γυναικὸς ἡμᾶς γαργαλίζη 'если возбуждает (scil. враг, дьявол) нас на страсть к женщине²⁹), конструкция око течеть в Троицком сборнике предстает как результат искажений: писец, прочитав начальное c как o, переосмыслил

последовательность ско- как око (либо, наоборот, воспринял неопределенно-личное предложение как двусоставное с подлежащим око и поэтому посчитал c ошибкой), а ставшее бессмысленным -къчеть заменил на "нормальную" форму течеть; впрочем, учитывая долгий путь от перевода творений Ефрема Сирина в Первом Болгарском царстве до эксцерпирования их в древнерусском сборнике рубежа XII–XIII вв., можно предположить и промежуточное звено между -къчеть и течеть - форму *тъчеть, от глагола тъкати в значении 'тыкать, колоть, перен. подстрекать'. (Следует заметить, что в процессе бытования текста в рассмотренной фразе возникали и другие варианты: так, в Рум. 357 похоть заменено мн. числом похоти, в Тр. 7 на похоти превратилось в находиті, а в Пог. 71а, 122г на месте скокщеть появилось хощет [59, с. 226; 21].)

Так текстология, придя на помощь грамматике, в очередной раз показала ненадежность выводов о языке книжной письменности, не опирающихся на анализ рукописной традиции.

Ш

Древнейшая датированная славянская надпись — Крепченская 921 г., с 1977 г. неоднократно публиковавшаяся выдающимся болгарским эпиграфистом К. Попконстантиновым, начинается словами:

Во всех изданиях первое слово надписи, сокращенное методом per litteram superpositam (ср. [61, с. 107]), раскрывается как форма вин. пад. лѣто, причем высказывалось мнение, что перед нею отсутствует предлог въ [62, с. 18]. Недавно Р. Кривко подробно обосновал, со ссылками на наш "Синтаксис" [43, с. 73-76], беспредложный статус этой формы [63, с. 172], с уверенностью определив ее как «древнейший известный в славянской письменности и уникальный в болгарской эпиграфике пример беспредложного употребления "винительного момента"» [63, с. 181]. При всей лестности указанных ссылок вынуждены их дезавуировать. Венский славист отметил, что написание лф(т) с выносной т в принципе допускает "и другую возможность реконструкции: $n^{+} < a > - c$ родительным времени", — но отмел эту возможность ввиду отсутствия соответствующих примеров в древнеболгарской эпиграфике, знающей только сочетания (хотя и немногочисленные) с предлогом **въ** + вин. пад. [63, с. 172]. Необходимо, однако, подчеркнуть, что в отличие от беспредложного родительного времени лита, пусть

²⁶ Для скокъщу в контексте: Азъ есмь иже въ блудъ тѣхъ скокъщу [51, т. II, стб. 172; 52, т. III, стб. 400; 28, вып. 24, с. 221] – параллелью является причастие γαργαλίζων [53, с. 63], т.е. форма на -у, очевидно, восходит к болгарскому причастию на - А (греческий источник установлен по [54. с. 29]). Отмеченная в [55, с. 542] параллель γαργαλίζω – въдвеселити вызывает сомнения, так как греческий и славянский тексты толкований к Книге пророка Иезекииля, приведенные в издании [56, с. 188–189], слишком явно различаются, cp.: καὶ οἱ χρηστότεροι λόγοι, καὶ ψευδεῖς ὄντες, πρὸς καιρὸν μὲν τὴν ἀκοὴν γαργαλίζουσι '... слух щекочуτ' - τακοжε и лъжаа словеса, въ ча(с) въдвеселать слышжшжа. Любопытному переосмыслению существительное γαργαλισμός подверглось в переводе Огласительных поучений Феодора Студита, вообще изобилующем самыми разнообразными ошибками: в контексте (о дьяволе) πέμπων τὰ κατὰ τῆς ψυχῆς τόξα, τοὺς γαργαλισμούς, τοὺς ἐμπυρισμοὺς τῶν ἡδονῶν 'ποсылая стрелы на душу, возбуждения, пожары наслаждений' переводчик воспринял τούς γαρ- как артикль и частицу γάρ, передав их посредством ово бо, в форме ἐμπυρισμούς вычленил предлог є є в' и смешал (вследствие итацизма) корень πῦρ 'огонь' с πεῖρα 'испытание, искушение', получив εε искушеннъмь, а оставшийся - кажется, ни с чем не сообразный — кусочек -γαλισμούς домыслил как причастие пакоста, вполне уместное при описании козней дьявола: ово бо пакоста въ искушеннъмь сластолюбьи (РГБ, МДА, ф. 172 (I), № 52, л. 159г).

 $^{^{27}}$ У А.Х. Востокова дана не совсем корректная лемма **скокътати**, тогда как у Ф. Миклошича — уже правильное **скъкътати** [57, с. 852].

 $^{^{28}}$ Фотокопию этого отрывка любезно прислала нам М.В. Корогодина.

²⁹ В переводе XIX в. "Если раздражает в нас похоть к женщине, то, употребив в дело терпение, преодолеем чувство, и враг тотчас убежит от нас" [58, с. 152].

и в крайне ограниченном объеме, но все же представленного в старославянской письменности [64, с. 219], а в древнерусской засвидетельствованного десятками примеров (ср. хотя бы хрестоматийное того ль(т) коли альбрахть. в бока ризкии *оумьрлъ* в Смоленской грамоте 1229 г. [34, с. 563], а также данные [10]), аккузатив лѣто в нашем материале по винительному момента (т.е. в оборотах типа лермонтовского Такой-то царь, в такой-то год) вообще не фигурирует. Думается, написание **лъ**(т) в надписи 921 г. отражает и не винительный, и не родительный падеж, а третью, весьма архаичную форму, которая в древних славянских памятниках нередко выступает в значении времени, - местный падеж. Надстрочная т, являющаяся "древнейшим сохранившимся выносным написанием в славянской палеографии" [63, с. 171] и надписанная над ѣ, несомненно означает саму т и следующую гласную — но не отличную от предшествующей 🕏 (как при возможных прочтениях Λ ts<a> и Λ ts<o>), а идентичную ей, как и в других очень частотных орфограммах, первичных, как мы полагаем, для данного типа сокращений, — $\Gamma \Lambda A(B) = \Gamma \Lambda A B A$, $C \Lambda A(B) = C \Lambda A B A$, $T O(\Gamma) = T O \Gamma O$, $O E(Y) = T O \Gamma O$ рече и т.п. Темпоральный локатив летт в несвязанном употреблении хорошо известен в значении 'летом', ср. зимъ и лътъ 'зимой и летом' в Изборнике 1076 г. [26, т. IV, с. 462]; [65, с. 139, $[140]^{30}$, а в значении 'в год' по вполне понятным причинам используется исключительно с определением - 'в тот (этот) год', ср., вероятно, ориентированное на разговорный узус словосочетание томь льтъ в Саввиной книге (Ин 18. 13) в соответствии с дативом летоу томоу в других евангелиях [66, с. 186]; [67, с. 271], демонстрирующим регулярный для старославянского книжный эквивалент греческого генитива. Хотя скудный древнеболгарский материал, в отсутствие летописей, не может напрямую сравниваться с древнерусским, однако, как представляется, отличие между древнейшей обнаруженной надписью и более поздними эпиграфическими памятниками, где функцию обстоятельства времени выполняет сочетание въ лъто [63, с. 172], отражает такое же варьирование между разными беспредложными формами и эволюцию от беспредложных к предложным способам обозначения времени, какие явственно обнаруживаются, например, по спискам Повести временных лет, ср.: семъ же льть и ватичи побъди (И, 32б) [30, стб. 69] vs. в семъ же льть $(\Lambda, 26)$ [3, стб. 81], сем же ль(m) придоша прузи. августа въ ·ā· днь (Л, 94в) [3, стб. 279]

vs. тогоже льта (И, 96б) [30, стб. 255]; томь(ж) *лъ(m)* ведена передъслава дщи стополча. в угры. за королевичь. августа. въ кã днь. томже ль(т). приде митрополить никиоорь в русь (Л, 94в) [3, стб. 280] vs. в томже льть... Тогоже льта (*И*, 96в) [30, стб. 256], – а порой и в одном списке, ср. правку в И, 94в [30, стб. 250], где первоначальный мест. пад. томже льть исправлен на несколько аграмматичное (в) тъмже лътъ. Всего, по данным [10], в ПВЛ по Ипатьевскому списку беспредложный локатив льть 'в (тот, этот) год' встречается — главным образом в составе устойчивого сочетания томьже льть — 10 раз (включая только что рассмотренный случай правки)³¹, в Киевской летописи и в Новгородской І летописи – примерно по 100 раз, в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку – 12 раз, однако уже в Галицкой и Волынской летописях XIII в. ни разу³². Регулярным синтагматическим "спутником" мест. падежа, обозначающего год, является сочетание род. пад. от названия месяца + 65 + (такой-то) дьнь - полный аналог оборота,реконструируемого для Крепченской надписи: мф<смцф> октобра вь <третии / патыи / осмыи ж>е <на де>сате дьн<ь> [63, с. 173].

Предложенная трактовка избавляет нас от необходимости принять уникальное, абсолютно изолированное употребление вин. падежа — и в то же время, со значительной долей вероятности, предоставляет в распоряжение исследователей древнейший пример темпорального локатива, еще не ограниченного в своем функционировании сочетаниями с определением томь (же) / семь.

IV

Недавно открытая надпись об убийцах князя Андрея Боголюбского на стене Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, которую ее издатели датируют 1175 г. [68, с. 94], является важнейшим историческим источником; с историко-линг-вистической точки зрения, однако, ее информативность не столь велика. Тем не менее А.А. Гиппиус и С.М. Михеев полагают, что в контексте:

си с8ть 8биїци великаго кназа анъдрѣа –

"для исторической морфологии русского языка важна словоформа [8]би $\ddot{\imath}$ иu — один из древнейших примеров вытеснения исконной флексии -n

³⁰ Аналогичные примеры из памятников других славянских языков и вывод о бесспорно праславянском статусе беспредложного локатива времени см. [66, с. 102, 150, 303].

³¹ Более древний Лаврентьевский список в [10], к сожалению, не обработан.

³² Ср. вывод В.Н. Топорова: "Очень интересно... наблюдение над б/пр. лок. времени в летописях. Под конец летописного повествования их становится все меньше и меньше, тогда как б/пр. род. времени появляется все чаще, пока не становится решительно преобладающим" [66, с. 23].

именительного и винительного падежей множе- $*\bar{a}$ -основного иконоразбици 34) [26, s.v.], а в наших ственного числа мягкой разновидности а-склонения новым окончанием -и, заимствованным из твердого варианта" [68, с. 76]. Правда, сопоставительный фон, на котором рассматривается эта инновация, в статье несколько искажен: если самый ранний пример неисконного вин. пад. мн. ч. на -и в книжной письменности – действительно милостыни из Изборника 1076 г., то следующий по древности – рабыни – зафиксирован не "в новгородском Пантелеймоновом евангелии конца XII в.", а в Милятином евангелии [69, с. 182]; [70, с. 149], которое его исследователь и издатель Г.А. Мольков ранее датировал первой половиной XII в. [71, с. 47], а теперь — третьей четвертью XII в. $[72, c. 294]^{33}$. Не вполне убеждает также безоговорочное отнесение надписи, процарапанной на стене переславского собора, к числу источников, отражающих язык Северо-Восточной Руси: автору этих строк пришлось на своем веку повидать немало надписей разной провениенции, среди которых была, например, и метровая инскрипция на скале в г. Ганноверш-Мюндене "ВСЕ КОЗЛЫ МЕНТЫ", которую едва ли можно расценивать как образчик нижнесаксонского диалекта.

Однако анализируемый текст вообще не может привлекаться ни для обоснования, ни для опровержения тезиса, согласно которому процесс "закреплени[я]... инновационных форм на -и... активно шел уже в XII в." [68, с. 76]. Даже современных форм типа молотобоец – (Василий) Болгаробойца, демонстрирующих морфологическое варьирование в производных с суффиксом -ьиот корня δu - (на -o-ступени), кажется, было бы достаточно для того, чтобы усомниться в принадлежности формы $86u\ddot{i}uu$ к основам на $*\bar{a}$. Что же касается древнерусского языка, то уже в "Материалах" И.И. Срезневского, судя по "Index a tergo", представлены образования господооубииць, человъкооубищь и братооубищь [73, с. 294] — правда, первое из них при обращении к первоисточнику, Пандектам Антиоха, оказывается сомнительным, так как вин. мн. въ господооубиица (еіс τούς κυριοκτόνους) вполне может относиться и к $*\bar{a}$ -основной парадигме. В III и IV томах Словаря древнерусского языка (СДРЯ, 1990-1991) выделены лексемы господооубииць, дътооубииць (но рядом — ошибочное дътооубиица) и plurale tantum иконоразбиици (впрочем, частично с формами

"Поправках" к первым томам Словаря число образований *o-склонения на -бииць было расширено за счет исправленных лемм блоудооубицць, богооубииць, братооубииць [74, с. 180, 181]³⁵; в V и VI томах (2002, 2000) нашли отражение *моужеоубициь*³⁶ и отьчеоубищь; в "Обратном словнике" к СДРЯ [75, с. 249], составленном на основе опубликованных томов, исправлений к ним и картотеки Словаря, помимо перечисленных, фигурируют также лексемы *първооубицць* (вошедшая затем в IX том), оубицць (см. [74, с. 209]) и человъкооубицць (см. s.v. дътооубииць); в X т. отмечено слово самооубииць (так уже в [28, вып. 23, с. 50]), а в Дополнения к I–X тт. включена лемма моужьоубииць [26, т. XI, с. 731] (в более раннем списке — ПНЧ н. XIII, 976 моужеоубииць). Картотека СДРЯ документирует довольно активное использование существительного оубииць - наряду с композитами - в таком популярном своде правил монашеской жизни, как Пандекты Никона Черногорца, ср.: оубищи насъ wканьныхъ преwканьнии (ПНЧ н. XIII, 64а−б – οί φόνιοι); иродоу... бы не клатиса штиноудь и ο y δ u u u μ ρ δ ω τ u π ρ ρ κ ο y (Τ α м ж e, 78 δ - φ ο ν ε ύ ς); иина какам зелим дающе оубицци соуть и ти (ПНЧ 1296, 31 об. — фоу ϵ \acute{v} трі α і); что судиши *оубиццю* 37 . или любодъицю. и гробы Ѿкоповающи [так!]. ли кому когда \ddot{w} безаконьны(х) (ПНЧ к. XIV, 106г; в греческом мн. ч.: τούς φονεῖς); и оубо оубищь исповѣда (Там же, 1166 - δ... φονεύς); и хулници. льстиви же. и оубищи суть (Там же, 178в — фочоі). Несколько раз имен. мн. оубиици встречается в проложной версии Сказания о Борисе и Глебе: и приспъша оканьнии оубищи немл(с)твии звърине (ПрЮр XIV₂, 8б = ПрП XIV–XV (1), 7г); и се придоша оубищи послании й поганополка (Пр 1383, 123в-г); и ѿидоша оубицци злыи

³³ Петербургский лингвист обнаружил еще несколько примеров, которые могут быть интерпретированы как результат взаимодействия твердого и мягкого вариантов, - род. ед. одежди, им.-вин. мн. кънигъчии, а также кнази [71, с. 39, 42].

³⁴ В [28, вып. 6, с. 222] статья **иконоразбиецъ** иллюстрируется недвусмысленно $*\bar{a}$ -основной формой мест. мн. O иконоразбиицахъ. Напротив, совершенно корректна статья млатобиецъ [28, вып. 9, с. 87], содержащая примеры из старорусских памятников.

³⁵ Лемма **братоубиецъ** приведена уже в [28, вып. 1, с. 324].

³⁶ Статья должна быть дополнена эмендированным чтением: ороужых треб8 ють. емоуже оубиици [ПНЧ н. XIII, 486 трѣбоують. и моужеоубиицѣ]. (ἀνδροφόνοι) $\Pi H Y \kappa$. XIV, 26 ϵ . Далее используются сокращенные обозначения древнерусских источников, принятые в [26].

³⁷ Трактовка этой формы как дат. пад. при глаголе *соудити*, регулярно управлявшем как дативом, так и аккузативом [43, с. 165], очевидна ввиду последующих однородных дативов. Тот же контекст цитируется в Мериле праведном: Что судиши оубищю и любодъю. и гробы копающю [76, с. 122]. Благодаря обнаружению данного текста в Пандектах его источник, остававшийся до последнего времени неопределенным [45, с. 238], разъясняется.

	ед.	MH.
им.	моужьоубииць ПНЧ 1296 wчеоубиюць ПНЧ 1296 оубииць ПНЧ к. XIV моужеоубиюць ПР 1383, ПНЧ к. XIV моужеоубииць ПНЧ к. XIV дътооубииць ПНЧ к. XIV, ЖВИ XIV—XV самооубиець ПНЧ к. XIV самооубииць ПНЧ к. XIV человъкооубииць ПНЧ к. XIV члвкооубииць ПНЧ к. XIV млатобиець Библ. Генн. 1499 г.,	Иконоразбиици КЕ XII оубиици ПНЧ н. XIII, ПНЧ 1296, ПНЧ к. XIV, ПрЮр XIV ₂ , Пр 1383 блудооубиици ГБ к. XIV моужеоубиици ГБ к. XIV, ПНЧ к. XIV дътооубиици Пч н. XV (1)
дат.	Лекс. полоно-словен. 1670 г. оубиицю ПНЧ н. XIII, ПНЧ к. XIV, МПр XIV,	бооубиицемъ ПНЧ к. XIV го(с)оубиицемъ ПНЧ к. XIV
вин.	на братооубиица СкБГ XII, ГА XI V_1	co(c)oyonagono IIII I K. AII v
твор.	съ братооубиицемь ПА XI	

(Там же, 123г)³⁸. В целом материал исторических словарей и Картотека СДРЯ демонстрируют широкое употребление однозначных **o*-основных форм в нескольких релевантных позициях с XI по XVII в., ср. таблицу выше.

Наконец, судя по данным [77, с. 180], образования на -вииць зафиксированы и в канонических старославянских памятниках: в Мариинском евангелии (Ин 8. 44) — номинатив ед. ч. чкооубиицъ (vs. -ца в Зографском и Ассеманиевом евангелиях), в Супрасльской рукописи — им. мн. бооубиици [SJS, IV: 878; I: 130].

Все эти формы, чередующиеся с $*\bar{a}$ -основными существительными³⁹, вписываются в общую картину варьирования морфологического рода у nomina agentis с суффиксом -ь μ -, которое затрагивало и такие пары, как кръвопиица — кръвопииць, любодющи $_{\rm M}$ и прелюбодей — любодющи $_{\rm M}$ [74, с. 205, 209], убоица — убоиць [28, вып. 31, с. 35, 39].

Нельзя не признать: в исторических словарях нередки ошибки, и мы по мере сил стараемся их исправлять. Тем досаднее, когда очевидные достижения лексикографов остаются невостребованными в работах по исторической грамматике и источниковедению. Средневековая письменность Slavia Orthodoxa велика и обильна, и исключительное внимание лишь к отдельным, в принципе периферийным, явлениям этой письменности неизбежно ведет к обеднению наших представлений о языке древних славян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Лаврентьевская летопись. 1377 г. Электронное представление рукописного памятника. URL: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/
- 2. The Pověst' vremennykh lět: An interlinear collation and paradosis / Comp. and ed. by D. Ostrowski; ass. ed. D.J. Birnbaum; senior cons. H.G. Lunt. Pt. 1–3. Harvard: Harvard University Press, 2003. (Harvard Library of Early Ukrainian Literature; X/1.)
- 3. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. (Полн. собр. рус. летописей; І.)
- 4. *Литвина А.Ф.*, *Успенский Ф.Б.* Династический мир домонгольской Руси. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020.
- 5. Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. 2-е изд. СПб.: Наука, 1996.
- 6. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб.: Наука, 2000.
- 7. *Савельев В.С.* Речевое поведение князей "Повести временных лет" в сходных ситуациях // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 2. С. 9–24.
- 8. Повесть временных лет / Сост., примеч. и указатели А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А.Г. Кузьмина. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014.
- 9. *Некрасов Н.П.* Заметки о языке "Повести временных лет" по Лаврентьевскому списку летописи. СПб.: Тип. Имп. АН, 1897. (Сб. OPЯС: LXV/4.)
- 10. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/new

³⁸ В [28, вып. 31] статья **убиецъ**, к сожалению, отсутствует.

 $^{^{39}}$ Ср. в одной синтагме: и оубицѣ. и оцмъ оубиици (ПНЧ к. XIV, 202г).

- 11. Історія української мови. Морфологія. Київ: Наук. думка, 1979.
- 12. Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подг. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М.: Наука, 1971.
- 13. Изборник 1076 года / Изд. подг. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. М.: Наука, 1965.
- Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves.
 T. V: La syntaxe. Paris: Klincksieck, 1977.
- 15. *Hock W.* Das Nominalsystem im Uspenskij Sbornik. München: Peter Lang, 1986. (Slavistische Beiträge; 202.)
- 16. *Hock W.* Das große O! Omega bei Anruf, Anrede und Ausruf im nachklassischen Griechisch und im Kirchenslavischen // Darъ slovesъпу: Festschrift für Christoph Koch zum 65. Geburtstag. München: Otto Sagner, 2007, 135–153. (Specimina Philologiae Slavicae; 146.)
- 17. Изборник 1076 года. 2-е изд., перераб. и доп. / Изд. подг. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Голышенко. Т. I—II. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- 18. *Бевзенко С.П.* Історична морфологія української мови. Ужгород: Закарпат. обл. вид-во, 1960.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.
 Т. IV, вып. 1: Существительное. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Член. Союз. Предлог. М.: Просвещение, 1985.
- 20. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959.
- 21. Манускриптъ: Славянское письменное наследие. URL: http://mns.udsu.ru, http://manuscripts.ru
- 22. Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь. М.: Азбуковник, 2020.
- 23. *Гиппиус А.А.* Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 47—71.
- 24. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг.: Археографическая комиссия, 1916.
- 25. *Gröber B.*, *Müller L.* Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik. 4. Lief. München: Wilhelm Fink, 1986. (Handbuch zur Nestorchronik; III.)
- 26. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–. М.: Рус. яз. – Азбуковник, 1988–.
- 27. Die Nestorchronik / Ins Deutsche übersetzt von L. Müller. München: Wilhelm Fink, 2001. (Handbuch zur Nestorchronik; IV.)
- 28. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М.: Наука Азбуковник, 1975–.
- 29. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.

- 30. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. (Полн. собр. рус. летописей; ІІ.)
- 31. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- 32. Кънажии идборьникъ да въдпитание на канартикина / Изд. от У.Р. Федер. Велико Търново: Унив. изд-во "Св. св. Кирил и Методий", 2008. Т. 1–2.
- 33. Slovník jazyka staroslověnského. I–IV. Praha: Academia, 1958–1997.
- 34. *Иванов А.*, *Кузнецов А.* Смоленско-рижские акты: XIII в. первая половина XIV в.: Документы комплекса Moscowitica Ruthenica об отношениях Смоленска и Риги. Рига: Латв. гос. ист. архив и др., 2009.
- 35. *Карский Е.Ф.* Русская правда по древнейшему списку. Л.: Изд-во АН, 1930.
- 36. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1986–1987.
- Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1—. М.: Наука, 1974—.
- Киевская летопись / Изд. подг. И.С. Юрьева.
 М.: ЯСК, 2017.
- 39. "Пчела": Древнерусский перевод / Изд. подг. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. Т. 1–2.
- 40. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис Летопись Лаврентьевская). М.: Индрик, 2002.
- 41. *Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М.: Наука, 2000.
- 42. *Крысько В.Б.* Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М.: Индрик, 1997.
- 43. *Крысько В.Б.* Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. 2-е изд. М.: Азбуковник, 2006.
- 44. *Popovski J., Thomson F.J., Veder W.R.* The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva lavra) N 12): Text in transcription // Полата кънигописьная. 1988. № 21–22.
- 45. Каталог памятников древнерусской письменности XI—XIV вв.: (Рукописные книги). СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
- 46. *Letuchiy A*. Historical development of labile verbs in modern Russian // Linguistics. 2015. 53/3. P. 611–647.
- 47. *Молдован А.М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000.
- 48. Книга нарицаема Козьма Индикоплов / Изд. подг. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина. М.: Индрик, 1997.

- 49. Скитский патерик: Славянский перевод в принятом тексте и в реконструкции глаголического архетипа / Изд. У.Р. Федер. Amsterdam: Pegasus, 2012. (Pegasus Oost-Europese Studies; 14.)
- 50. Гръцко-църковнославянски речник / Съст. от И. Христов въз основа на Речника на църковнославянския език от архимандрит д-р А. Бончев. Атон: Зографски манастир, 2019.
- 51. *Востоков А.Х.* Словарь церковнославянского языка. Т. 1–2. СПб.: Тип. Имп. АН, 1858–1861.
- 52. *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка: Репринт. изд. Т. I—III. М.: Книга, 1989.
- 53. Дурново Н.Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе // Древности: Труды Славянской комиссии Имп. Моск. археол. о-ва. 1907. Т. 4, кн. 1. С. 54–152.
- 54. Справочные материалы к Словарю русского языка XI—XVII вв. Указатель источников. Словник (прямой). М.: ЛЕКСРУС, 2020.
- 55. *Илиева Т*. Старобългарско-гръцки словоуказател към Книгата на пророк Иезекиил. София: Кирило-Методиевски научен център БАН, 2013. (Старобългарският превод на Стария Завет; 3.)
- 56. Книга на пророк Иезекиил с тълкования / Изд. е подг. от Л. Тасева, М. Йовчева; подбор на гр. текст Т. Илиева. София: Кирило-Методиевски научен център БАН, 2003. (Старобългарският превод на Стария Завет; 2.)
- 57. *Miklosich F*. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae: Braumueller, 1862–1865.
- 58. Святой Ефрем Сирин. Творения. Т. 1. М.: Изд. отдел Моск. патриархата, 1993.
- 59. Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers. Bd. 1 / Hrsg. von G. Bojkovsky. Freiburg i. Br.: Weiher, 1984. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; XX.)
- 60. Попконстантинов К. Отпечатъци в българската писмена традиция // Звучат лишь Письмена: К юбилею Альбины Александровны Медынцевой. М.: Институт археологии РАН, 2019. С. 367–397.
- 61. *Vajs J.* Rukověť hlaholské paleografie: Uvedení do knižního písma hlaholského. Praha: Orbis, 1932.
- 62. *Wójtowicz M.* Najstarsze datowane inskrypcje słowiańskie: X–XIII wiek. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2005.
- 63. Кривко Р. К прочтению древнеболгарских надписей Крепченского скального монастыря // Diachronie Ethnos Tradition: Studien zur slawischen Sprachgeschichte. Festgabe für Anna Kretschmer. Brno: Tribun EU, 2020. С. 163–184.
- 64. *Вечерка Р.* Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского

- языка. Прага: Изд-во Чехословацкой АН, 1963. C. 183—223.
- 65. *Григорьева А.Д.* К отношениям предложности и беспредложности локатива в древнерусском языке // Доклады и сообщения Института русского языка. 1948. Т. 1. С. 127–156.
- 66. *Топоров В.Н.* Локатив в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- 67. *Бауэр Я*. Беспредложный локатив в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага: Изд-во Чехословацкой АН, 1963. С. 263—285.
- 68. *Гиппиус А.А.*, *Михеев С.М.* "Убийцы великого князя Андрея": Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // Slověne. 2020. 9/2. С. 63–102.
- 69. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М.: Университетская типография, 1907. (Переизд.: Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004.)
- 70. *Иорданиди С.И.*, *Крысько В.Б.* Множественное число именного склонения. М.: Азбуковник, 2000. (Историческая грамматика древнерусского языка; Т. І.)
- 71. Милятино евангелие: Рукопись РНБ, Г.п.І.7. Лингвистическое издание. Указатели. Исследование / Подг. Г.А. Мольков. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018.
- 72. Мольков Г.А. Формирование орфографических систем в древнерусской письменности XI начала XIII века: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: ИЛИ PAH, 2020. URL: https://iling.spb.ru/dissovet/theses/molkov/thesis.pdf
- 73. Indeks a tergo do Materiałów do słownika języka staroruskiego I.I. Srezniewskiego / Oprac. I. Dulewicz, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniak. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1968.
- 74. *Крысько В.Б.* Поправки к I–IV томам Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.) // Russian Linguistics. 1998. Vol. 22, No. 2. C. 179–213.
- 75. Лопушанская С.П., Шептухина Е.М. Обратный словник. 3-е изд. М.; Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 2002. (Словник-индекс и обратный словник к Словарю древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 2.)
- 76. Мерило праведное по рукописи XIV века / Изд. под набл. и со вступ. ст. М.Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- 77. *Ribarova Z*. Indexy k Staroslověnskému slovníku. Praha: Slovanský ústav AV ČR; Euroslavica, 2003.

REFERENCES

1. Lavrent'evskaja letopis'. 1377 g. Elektronnoe predstavlenie rukopisnogo pamjatnika. [The Laurentian

c. 5-20

- Chronicle. 1377. Electronic Presentation of a Handwritten Monument]. URL: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/ (In Russ.)
- 2. The Pověst' vremennykh lět: An Interlinear Collation And Paradosis. Comp. and ed. by Ostrowski, D.; ass. ed. Birnbaum, D.J.; senior cons. Lunt, H.G. Pt. 1–3. Harvard, Harvard University Press, 2003. (Harvard Library of Early Ukrainian Literature; X.1.) (In Engl.)
- 3. Lavrent'evskaja letopis'. 2-e izd. [The Laurentian Chronicle. 2nd ed.]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury Publ., 2001. (Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]; I) (In Russ.)
- 4. Litvina, A.F., Uspenskij, F.B. *Dinasticheskij mir domongol'skoj Rusi* [The Dynastic World of Pre-Mongol Rus']. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2020. (In Russ.)
- 5. *Povest' vremennyh let*. 2-e izd. [The Tale of Bygone Years. 2nd ed.]. Ed. by Likhachev, D.S. St. Petersburg, Nauka, 1996. (In Russ.)
- 6. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Old Rus']. Vol. 1. St. Petersburg, Nauka, 2000. (In Russ.)
- 7. Saveljev, V.S. *Rechevoe povedenie knjazej "Povesti vremennyh let" v shodnyh situacijah* [Speech Behavior of the Princes of the "Tale of Bygone Years" in Similar Situations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija* [Bulletin of the Moscow State University. Series 9. Philology]. 2010, No. 2, pp. 9–24. (In Russ.)
- 8. *Povest' vremennyh let* [The Tale of Bygone Years]. Ed. by Kuzmin, A.G., Fomin, V.V. Moscow, Institute of Russian Civilization, Native Country, 2014. (In Russ.)
- 9. Nekrasov, N.P. Zametki o jazyke "Povesti vremennyh let" po Lavrentjevskomu spisku letopisi [Notes on the Language of the "Tale of Bygone Years" According to the Laurentian Chronicle]. St. Petersburg, Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1897. (Collection of the Department of Russian Language and Literature; LXV/4.) (In Russ.)
- 10. Nacionalnyj korpus russkogo jazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: http://www.ruscorpora.ru/new (In Russ.)
- 11. *Istorija ukrainskoi movy. Morfolohija* [History of the Ukrainian Language. Morphology]. Kiev, Naukova dumka, 1979. (In Ukr.)
- 12. *Uspenskij sbornik XII–XIII vv.* [The Assumption Collection of the 12th–13th Centuries]. Ed. by Knjazevskaja, O.A., Demjanov, V.G., Ljapon, M.V. Moscow, Nauka, 1971. (In Russ.)
- 13. *Izbornik 1076 goda* [Izbornik of 1076]. Ed. by Golyshenko, V.S., Dubrovina, V.F., Demjanov, V.G., Nefedov, G.F. Moscow, Nauka, 1965. (In Russ.)
- 14. Vaillant, A. *Grammaire comparée des langues slaves*. T. V: *La syntaxe*. Paris, Klincksieck, 1977. (In French)

- 15. Hock, W. *Das Nominalsystem im Uspenskij Sbornik*. München, Peter Lang, 1986. (*Slavistische Beiträge*; 202) (In German)
- 16. Hock, W. Das große O! Omega bei Anruf, Anrede und Ausruf im nachklassischen Griechisch und im Kirchenslavischen. Dar sloves'ny: Festschrift für Christoph Koch zum 65. Geburtstag. Ed. by Hock, W., Meier-Brügger, M. München, Otto Sagner, 2007, pp. 135–153. (Specimina Philologiae Slavicae; 146.) (In German)
- 17. *Izbornik 1076 goda*. 2-e izd., pererab. i dop. [Izbornik of 1076. 2nd ed., reprint. and exp.]. Ed. by Mushinskaja, M.S., Mishina, E.A., Golyshenko, V.S. Vol. I–II. Moscow, Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. (In Russ.)
- 18. Bevzenko, S.P. *Istorychna morfolohija ukraïnskoï movy* [Historical Morphology of the Ukrainian Language]. Uzhgorod, Transcarpathian Regional Publishing House, 1960. (In Ukr.)
- 19. Potebnja, A.A. *Iz zapisok po russkoj grammatike*. T. IV, vyp. 1. *Sushhestvitelnoe. Prilagatelnoe. Chislitelnoe. Mestoimenie. Chlen. Sojuz. Predlog* [From Notes on Russian Grammar. Vol. IV, issue 1: Noun. Adjective. Numeral. Pronoun. Article. Conjunction. Preposition]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1985. (In Russ.)
- 20. Vinokur, G.O. *Izbrannye raboty po russkomu jazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Educational and Pedagogical State Publishing House, 1959. (In Russ.)
- 21. Manuskript: Slavjanskoe pis'mennoe nasledie [Manuscript: Slavic Written Heritage]. URL: http://mns.udsu.ru, http://manuscripts.ru (In Russ.)
- 22. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka: Enciklopedicheskij slovar [Historical Grammar of the Russian Language: An Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2020. (In Russ.)
- 23. Gippius, A.A. *Berestjanye gramoty iz raskopok 2018 g. v Velikom Novgorode i Staroj Russe* [Birch-bark Letters from the 2018 Excavations in Veliky Novgorod and Staraya Russa]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2019, No. 4, pp. 47–71. (In Russ.)
- 24. Shahmatov, A.A. *Povest' vremennyh let*. T. 1. *Vvodnaja chast'*. *Tekst. Primechanija* [The Tale of Bygone Years. Vol. 1. Introductory part. Text. Notes]. Petrograd, Archeographic Commission, 1916. (In Russ.)
- 25. Gröber, B., Müller, L. *Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik*. 4. Lief. München, Wilhelm Fink, 1986. (*Handbuch zur Nestorchronik*; III.) (In German)
- 26. Slovar drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.) [Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries)]. Vol. 1–. Moscow, Russkij jazyk Azbukovnik, 1988–. (In Russ.)
- 27. *Die Nestorchronik*. Ins Deutsche übersetzt von Müller, L. München, Wilhelm Fink, 2001. (*Handbuch zur Nestorchronik*; IV.) (In German)

- 28. *Slovar russkogo jazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 1–. Moscow, Nauka Azbukovnik, 1975–. (In Russ.)
- 29. Russkaja grammatika [Russian Grammar]. Vol. 1. 42. Krysko, V.B. Istoricheskij sintaksis russkogo jazyka: Moscow, Nauka, 1980. (In Russ.)

 Objekt i perehodnost [Historical Syntax of Russian.
- 30. *Ipatjevskaja letopis* [The Hypatian Chronicle]. Moscow, Jazyki russkoj kultury, 1998. (*Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]; II.) (In Russ.)
- 31. Zaliznjak, A.A. *Drevnenovgorodskij dialekt* [Old Novgorod Dialect]. 2nd ed. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury, 2004. (In Russ.)
- 32. *Knęzhii izbornik za vzpitanie na kanartikina* [Princely Collection for the Education of the Heir to the Throne]. Ed. by Veder, W.R. Veliko Tarnovo, University Publishing House "St. Cyril and Methodius", 2008. Vol. 1–2. (In Bulg.)
- Slovník jazyka staroslověnského [Dictionary of the Old Slavonic Language]. I–IV. Prague, Academia, 1958– 1997. (In Czech)
- 34. Ivanov, A., Kuznecov, A. *Smolensko-rizhskie akty. XIII v. pervaja polovina XIV v. Dokumenty kompleksa Moscowitica Ruthenica ob otnoshenijah Smolenska i Rigi* [Smolensk-Riga Acts: The 13th Century the first half of the 14th Century. Documents of the Moscowitica Ruthenica Complex on the Relations between Smolensk and Riga]. Riga, Latvian State Historical Archive, 2009. (In Russ., Latvian)
- 35. Karskiy, E.F. *Russkaja pravda po drevnejshemu spisku* [*Russian Justice* according to the Oldest Manuscript]. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences, 1930. (In Russ.)
- 36. Vasmer, M. *Etimologicheskij slovar russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV. Moscow, Progress, 1986–1987. (In Russ.)
- 37. Etimologicheskij slovar slavjanskih jazykov. Praslavjanskij leksicheskij fond [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 1—. Moscow, Nauka, 1974—. (In Russ.)
- 38. *Kievskaja letopis* [The Kiev Chronicle]. Ed. by Jurjeva, I.S. Moscow, JaSK Publ., 2017. (In Russ.)
- 39. "Pchela": Drevnerusskij perevod ["Melissa": Old Russian Translation]. Ed. by Pichhadze, A.A., Makeeva, I.I. Moscow, Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2008. Vol. 1–2. (In Russ.)
- 40. Svodnyj katalog slavjano-russkih rukopisnyh knig, hranjashhihsja v Rossii, stranah SNG i Baltii: XIV vek [Summary Catalog of Slavonic-Russian Handwritten Books Stored in Russia, the CIS and the Baltic States: the 14th Century]. Vol. 1 (Apokalipsis Letopis Lavrentjevskaja [Apocalypse Laurentian Chronicle]). Moscow, Indrik Publ., 2002. (In Russ.)
- 41. Stoljarova, L.V. Svod zapisej piscov, hudozhnikov i perepletchikov drevnerusskih pergamennyh kodeksov XI—XIV vekov [The Set of Records of Scribes, Artists and

- Bookbinders of Old Russian Parchment Codices of the 11th–14th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2000. (In Russ.)
- 42. Krysko, V.B. *Istoricheskij sintaksis russkogo jazyka: Objekt i perehodnost* [Historical Syntax of Russian. Object and Transitivity]. Moscow, Indrik Publ., 1997. (In Russ.)
- 43. Krysko, V.B. *Istoricheskij sintaksis russkogo jazyka: Objekt i perehodnost* [Historical Syntax of Russian. Object and Transitivity]. 2nd ed. Moscow, Azbukovnik Publ., 2006. (In Russ.)
- 44. Popovski, J., Thomson, F.J., Veder, W.R. *The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva lavra) N 12): Text in transcription.* Polata knigopis'naja, 1988, № 21–22. (In Engl.)
- 45. *Katalog pamjatnikov drevnerusskoj pismennosti XI–XIV vv. (Rukopisnye knigi)* [Catalog of Monuments of Old Russian Writing of the 11th–14th Centuries (Handwritten Books)]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2014. (In Russ.)
- 46. Letuchiy, A. *Historical development of labile verbs in modern Russian*. Linguistics, 2015, 53 (3), pp. 611–647. (In Engl.)
- 47. Moldovan, A.M. *Zhitie Andreja Jurodivogo v slavjanskoj pismennosti* [The Life of Andrew the Fool in Slavic Writing]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. (In Russ.)
- 48. *Kniga naricaema Kozma Indikoplov* [The Book Called Cosmas Indicopleustes]. Ed. by Golyshenko, V.S., Dubrovina, V.F. Moscow, Indrik Publ., 1997. (In Russ.)
- 49. Skitskij paterik. Slavjanskij perevod v prinjatom tekste i v rekonstrukcii glagolicheskogo arhetipa [Patericon Sceticon: Slavic Translation in the Accepted Text and in the Reconstruction of the Glagolitic Archetype]. Ed. by Veder, W.R. Amsterdam, Pegasus Publ., 2012. (Pegasus Oost-Europese Studies; 14.) (In Russ.)
- 50. Gracko-carkovnoslavjanski rechnik. Sast. ot I. Hristov vaz osnova na Rechnika na carkovnoslavjanskija ezik ot arhimandrit d-r A. Bonchev [The Greek-Church Slavonic Dictionary. Comp. by Hristov, I., based on the Dictionary of the Church Slavonic Language by Archimandrite Dr. A. Bonchev]. Athos, Zograf Monastery, 2019. (In Bulg.)
- 51. Vostokov, A.Kh. *Slovar cerkovnoslavjanskogo jazyka* [The Dictionary of the Church Slavonic Language]. Vol. 1–2. St. Petersburg, Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1858–1861. (In Russ.)
- 52. Sreznevskiy, I.I. *Slovar drevnerusskogo jazyka*. Reprint. izd. [Dictionary of the Old Russian Language. Reprint. ed.]. Vol. I–III. Moscow, Kniga Publ., 1989. (In Russ.)
- 53. Durnovo, N.N. *Legenda o zakljuchennom bese v vizantijskoj i starinnoj russkoj literature* [The Legend of the Imprisoned Demon in Byzantine and Ancient

- Russian Literature]. *Drevnosti. Trudy Slavjanskoj komissii Imperatorskogo Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva* [Antiquities. Proceedings of the Slavic Commission of the Imperial Moscow Archaeological Society], 1907, Vol. 4 (1), pp. 54–152. (In Russ.)
- 54. Spravochnye materialy k Slovarju russkogo jazyka XI–XVII vv. Ukazatel istochnikov. Slovnik (prjamoj) [Reference Materials for the Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Index of Sources. Vocabulary (direct).]. Moscow, LEKSRUS Publ., 2020. (In Russ.)
- 55. Ilieva, T. Starobalgarsko-gracki slovoukazatel kam Knigata na prorok Iezekiil [The Old Bulgarian-Greek Word Index to the Book of the Prophet Ezekiel]. Sofia, Cyril and Methodius Scientific Center Bulgarian Academy of Sciences, 2013. (Starobalgarskijat prevod na Starija Zavet [Old Bulgarian Translation of the Old Testament]; 3.) (In Bulg.)
- 56. Kniga na prorok Iezekiil s talkovanija [The Book of the Prophet Ezekiel with Interpretations]. Ed. by Taseva, L., Jovcheva M., Ilieva, T. Sofia, Cyril and Methodius Scientific Center Bulgarian Academy of Sciences, 2003. (Starobalgarskijat prevod na Starija Zavet [Old Bulgarian Translation of the Old Testament]; 2.) (In Bulg.)
- 57. Miklosich, F. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Vindobonae, Braumueller, 1862–1865. (In Latin)
- 58. Svjatoj Efrem Sirin. *Tvorenija* [Saint Ephraim the Syrian. Works]. Vol. 1. Moscow, Publishing Department of the Moscow Patriarchate, 1993. (In Russ.)
- 59. Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers. Bd. 1. Hrsg. von Bojkovsky, G. Freiburg i. Br., Weiher, 1984. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; XX.) (In German)
- 60. Popkonstantinov, K. Otpechataci v balgarskata pismena tradicija [Imprints in the Bulgarian Written Tradition]. Zvuchat lish' Pis'mena: K jubileju Al'biny Aleksandrovny Medyncevoj. Moscow, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2019, pp. 367–397. (In Bulg.)
- 61. Vajs, J. *Rukověť hlaholské paleografie. Uvedení do knižního písma hlaholského* [Manual of Glagolitic Paleography. Introduction to the Glagolitic Book-Writing]. Prague, Orbis, 1932. (In Czech)
- 62. Wójtowicz, M. Najstarsze datowane inskrypcje słowiańskie. X-XIII wiek [The Oldest Dated Slavic Inscriptions. X-XIII century]. Poznań, Scientific Publishing House of Adam Mickiewicz University, 2005. (In Polish)
- 63. Krivko, R. *K prochteniju drevnebolgarskih nadpisej Krepchenskogo skalnogo monastyrja* [To the Reading of the Old Bulgarian Inscriptions of the Krepcha Rock Monastery]. Diachronie Ethnos Tradition. Studien zur slawischen Sprachgeschichte. Festgabe für

- Anna Kretschmer. Brno, Tribun EU, 2020, pp. 163–184. (In Russ.)
- 64. Večerka, R. Sintaksis bespredlozhnogo roditeľ nogo padezha v staroslavjanskom jazyke [The Syntax of the Prepositional Genitive in Old Slavic]. Issledovanija po sintaksisu staroslavjanskogo jazyka [Studies on the Syntax of the Old Slavic language]. Prague, Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1963, pp. 183–223. (In Russ.)
- 65. Grigorjeva, A.D. *K otnoshenijam predlozhnosti i bespredlozhnosti lokativa v drevnerusskom jazyke* [On the Relations of Prepositional and Non-Prepositional Locative in Old Russian]. *Doklady i soobshhenija Instituta russkogo jazyka* [Reports of the Institute of the Russian Language]. 1948, Vol. 1, pp. 127–156. (In Russ.)
- 66. Toporov, V.N. *Lokativ v slavjanskih jazykah* [Locative in Slavic Languages]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. (In Russ.)
- 67. Bauer, J. Bespredlozhnyj lokativ v staroslavjanskom jazyke [A Non-Prepositional Locative in Old Slavic]. Issledovanija po sintaksisu staroslavjanskogo jazyka [Studies on the Syntax of the Old Slavic language]. Prague, Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1963, pp. 263–285. (In Russ.)
- 68. Gippius, A.A., Miheev, S.M. "Ubijcy velikogo knjazja Andreja": Nadpis' ob ubijstve Andreja Bogoljubskogo iz Pereslavlja-Zalesskogo ["The Murderers of Grand Duke Andrew": An Inscription about the Murder of Andrei Bogolyubsky from Pereslavl'-Zalessky]. Slověne, 2020, Vol. 9 (2), pp. 63–102. (In Russ.)
- 69. Sobolevskiy, A.I. *Lekcii po istorii russkogo jazyka*. 4-e izd. [Lectures on the History of Russian. 4nd ed.] Moscow, University typography, 1907. (Reprint: Sobolevskiy, A.I. *Trudy po istorii russkogo jazyka* [Works on the History of Russian]. Vol. 1. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury Publ., 2004.) (In Russ.)
- 70. Iordanidi, S.I., Krysko, V.B. *Mnozhestvennoe* chislo imennogo sklonenija [Plural of the Nominal Declension]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. (*Istoricheskaja grammatika drevnerusskogo jazyka* [Historical Grammar of Old Russian]; Vol. I.) (In Russ.)
- 71. Miljatino evangelie. Rukopis' RNB, F.p.I.7. Lingvisticheskoe izdanie. Ukazateli. Issledovanie [Miljata Gospel: A RNL Manuscript, F.p.I.7. Linguistic Edition. Indexes. Investigation]. Ed. by Molkov, G.A. Moscow; St. Petersburg, Aljans-Arheo Publ., 2018. (In Russ.)
- 72. Molkov, G.A. Formirovanie orfograficheskih sistem v drevnerusskoj pismennosti XI nachala XIII veka: Dis. ... d-ra filol. nauk [The Formation of Spelling Systems in the Old Russian Writing of the 11th beginning of the 13th Century: Dissertation of ... Doctor of Philology]. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2020.

- URL: https://iling.spb.ru/dissovet/theses/molkov/thesis.pdf (In Russ.)
- 73. Indeks a tergo do Materiałów do słownika języka staroruskiego I.I. Srezniewskiego [Index a tergo to the Materials for the Dictionary of the Old Russian Language by I.I. Sreznevskij]. Ed. by Dulewicz, I., Grek-Pabisowa, I., Maryniak, I. Warszawa, State Scientific Publisher, 1968. (In Polish)
- 74. Krysko, V.B. *Popravki k I–IV tomam Slovarja drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.)* [Amendments to I–IV Volumes of the Dictionary of the Old Russian Language (the 11th–14th Centuries)]. *Russian Linguistics*, 1998, vol. 22, No. 2, pp. 179–213. (In Russ.)
- 75. Lopushanskaya, S.P., Sheptuhina, E.M. *Obratnyj slovnik*. 3-e izd. [Reverse Dictionary. 3rd ed.]. Moscow;

- Volgograd, Publishing House of the Volgograd University, 2002. (*Slovnik-indeks i obratnyj slovnik k Slovarju drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary-Index and Reverse Dictionary to the Dictionary of the Old Russian Language (the 11th–14th Centuries)]. Vol. 2.) (In Russ.)
- 76. *Merilo pravednoe po rukopisi XIV veka* [Just Measure According to the Manuscript of the 14th Century]. Ed. by Tihomirov, M.N. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. (In Russ.)
- 77. Ribarova, Z. *Indexy k Staroslověnskému slovníku* [Indexes to the Dictionary of the Old Slavonic Language]. Prague, Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic; Euroslavica, 2003. (In Czech)

Дата поступления материала в редакцию: 12 июля 2021 г. Статья поступила после рецензирования и доработки: 18 июля 2021 г. Статья принята к публикации: 4 августа 2021 г. Дата публикации: 31 октября 2021 г.

> Received by Editor on July 12, 2021 Revised on July 18, 2021 Accepted on August 4, 2021 Date of publication: October 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017125-0

О семантической непрерывности: поле 'толкать' в славянских языках

© 2021 г. А. Ю. Шерстюк

Аспирант школы по филологическим наукам Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20 asaveleva@hse.ru

© 2021 г. Т. И. Резникова

Кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20 treznikova@hse.ru

Резюме. Данная работа посвящена лексико-типологическому исследованию семантического поля 'толкать' на материале 8 славянских языков. В статье рассматриваются случаи пересечения зоны каузированного перемещения объектов со смежными полями. Анализ показывает, что лексическая смежность встречается на двух уровнях. Во-первых, на синхронном уровне: лексемы, являющиеся частью одного поля, покрывают значения из смежной зоны. Во-вторых, в диахронической перспективе, когда глаголы в результате исторических изменений становятся частью другого поля, утрачивая исходную семантику.

Ключевые слова: лексическая типология, глаголы каузации движения, фреймовый подход, лексическая смежность.

Благодарность. Исследование выполнено при частичной поддержке РФФИ, грант 20-012-00240.

Для цитирования: *Шерстнок А.Ю., Резникова Т.И.* О семантической непрерывности: поле 'толкать' в славянских языках // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 21—33. DOI: 10.31857/S241377150017125-0

On Semantic Continuity: the Domain of 'Pushing' in Slavic Languages

© 2021 Alina Yu. Sherstyuk

Postgraduate student of the School in Philological Sciences at the HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia asaveleva@hse.ru

© 2021 Tatiana I. Reznikova

Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor at the HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia treznikova@hse.ru

Abstract. The paper examines the semantic domain of 'pushing' on the material of 8 Slavic languages. We focus on the cases where the zone of caused motion intersects with adjacent fields. The analysis shows that lexical contiguity occurs at two levels. First, at a synchronic level: lexemes that refer to a caused motion event

may also cover meanings from an adjacent zone. Second, in a diachronic perspective: as a result of historical changes, verbs may lose their source semantics, completely shifting to a contiguous field.

Key words: lexical typology, verbs of caused motion, frame approach, lexical contiguity.

Acknowledgments: This study was partly funded by the RFBR, project No. 20-012-00240.

For citation: Sherstyuk, A.Yu., Reznikova, T.I. *O semanticheskoj nepreryvnosti: pole 'tolkat" v slavyanskih yazykah* [On Semantic Continuity: the Domain of 'Pushing' in Slavic Languages]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 5, pp. 21–33. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017125-0

1. Введение

Наши представления о лексике естественных языков в значительной степени опираются на идею о ее семантической классифицируемости, т.е. о существовании групп слов, объединенных общими семантическими признаками. Эта идея находит отражение как в теоретических лингвистических построениях (в частности, базовые эволюционные процессы в семантике противопоставляются на основе понятия семантического класса: метонимия понимается как слвиг в пределах одного класса, а метафора – как переход из одного класса в другой, см. [1]), так и во множестве прикладных разработок, ср., например, тезаурусы или онтологии типа WordNet, которые применяются при решении самых разнообразных практических задач.

Теоретическим обоснованием для разбиения лексики на классы служит концепция семантического поля, предложенная в начале 30-х годов прошлого века Й. Триром [2]. Восходящая к идеям структурализма, эта теория предполагает, что лексика состоит из замкнутых множеств лексем с четко очерченными границами. Эти множества (семантические поля) не пересекаются и не оставляют "зазоров", т.е. каждое слово языка принадлежит к одному определенному полю. Конечно, в диахронии значение лексемы может изменяться, но подобные изменения обсуждаются у Трира только в связи с реструктуризацией полей: семантический слвиг олного слова влечет за собой изменения в семантике всех остальных слов, относящихся к данному полю, и тем самым изменения в структуре поля в целом. Иными словами, даже при семантическом сдвиге слово остается в границах своего изначального поля, только расширяет или сужает "сферу покрытия".

Итак, одним из основных положений теории семантического поля является представление о жесткости границ между семантическими группами, и хотя позднее эта идея неоднократно подвергалась критике (см., например, [3]; [4]), все же научная метафора семантического поля прочно

вошла в метаязык лингвистических описаний. Действительно, исследователи оперируют такими понятиями, как "глаголы движения" или "прилагательные размера", "имена эмоций" или "наречия степени", как бы подразумевая, что речь идет об однозначно определимых классах, противопоставленных прочим подобным группам.

Правда, в когнитивной парадигме нарушение границ допускается, но при этом имеется в виду один специальный тип такого нарушения — метафорический сдвиг. Как мы уже упоминали, он трактуется как переход из одного поля в другое. Обратим внимание, что внутренняя форма слова "переход" не вполне отражает тот процесс, который наблюдается в подобных случаях. Речь идет не о постепенном перемещении, а скорее о "скачке" в новое поле: лексема начинает употребляться в исходно не свойственных ей контекстах и тем самым сразу переосмысляется как элемент другого класса (см. в этой связи интерпретацию метафорических сдвигов у Е.В. Падучевой [5]). Так, если при глаголе падения в качестве субъекта выступает наименование шкалы, то - в соответствии с классической моделью LESS IS DOWN [1] — он становится глаголом количественного изменения, ср. чашка упала — температура упала.

Между тем, проницаемость границ между полями заведомо не ограничивается метафорическими "скачками". Выясняется, что она часто обусловлена явлениями, происходящими собственно на границах семантических зон. Дело в том, что одна и та же ситуация нередко совмещает в себе несколько аспектов и тем самым может быть описана с разных точек зрения. Например, 'тугая веревка' предполагает, с одной стороны, что ее сильно натянули, с другой – что она оказывает сопротивление при внешнем воздействии. Ситуация падения подразумевает, во-первых, перемещение сверху вниз, а во-вторых, столкновение падающего объекта с поверхностью. Языковой способ описания такой комплексной ситуации может "высвечивать" тот или иной ее аспект, причем различным описаниям нередко соответствуют лексемы из разных семантических полей. Так, в случае падения за перемещение "отвечает" глагол движения, а за удар — глагол контакта, тем самым поле движения и контакта оказываются смежными применительно к ситуации падения.

Подобная смежность дает любопытные эффекты в типологической перспективе. Оказывается, что конкретный язык может отдавать предпочтение какому-то одному из способов лексикализации ситуации, так что различные предпочтения такого рода в итоге обуславливают межъязыковую вариативность. Например, если в русском падение ключей на землю выражается скорее глаголом упасть (лексема удариться в этом случае будет профилировать звук столкновения с землей), то в шугнанском в конструкции 'ключи упали на землю' выбирается глагол *деdow* 'ударить' (при том что лексема с семантикой 'падать' — $w\hat{e}xtow$ — тоже существует в системе, просто она выступает преимущественно в контекстах, указывающих на начальную точку падения, ср. 'ключи выпали из кармана'), см. [6].

Таким образом, получается, что одна и та же ситуация может концептуализоваться как часть разных семантических полей. Понятно, что подобные факты противоречат представлению о полях как о закрытых множествах с четко очерченными границами. Как мы видим, поля в значительной степени накладываются друг на друга, стирая межполевые границы, и одной из актуальных задач семантики является обнаружение случаев такой смежности. Эффективным инструментом для этого, как показывает пример из шугнанского, может стать типологический подход к исследованию семантических полей. И действительно, первые шаги в этом направлении выявили множество фактов межъязыковой вариативности в лексикализации одних и тех же ситуаций, см. о других случаях в зоне падения в [7], а также о позах и положениях тела в [8].

В настоящей работе мы продолжим исследования смежности семантических полей. В Разделе 2 мы подробнее обсудим материал, который мы изучали в отношении эффектов смежности, и методику его анализа. Этот материал позволит нам рассмотреть два типа случаев: во-первых, явления, отражающие смежность на синхронном уровне (т.е. лексемы, которые, будучи частью одного поля, могут покрывать значения из смежного поля) — о них пойдет речь в Разделе 3, а во-вторых, случаи диахронической смежности (когда глагол, исторически относившийся к одному полю, в результате диахронических изменений стал частью смежного поля, утратив исходную семантику) — такие примеры мы рассмотрим

в Разделе 4. Наконец, в Заключении мы подведем основные итоги исследования.

2. Материал

Мы поговорим о нарушении границ семантических полей на материале глаголов, выражающих каузацию движения, синхронного воздействию (см. об этом классе в [5]). Нас будет интересовать подгруппа этих глаголов — лексемы, описывающие движение от субъекта (ср. рус. толкать). Ранее мы уже рассматривали это поле в более широкой типологической перспективе, см. результаты анализа этой зоны, а также поля 'тянуть' в [9]. Для настоящего исследования мы используем другой — несколько специфический для типологии — материал генетически близких идиомов, а именно данные 8 славянских языков: русского, украинского, болгарского, сербского, хорватского, македонского, чешского и польского.

Обычно, как известно, типология избегает родственных связей внутри анализируемой выборки. Предполагается, что общие модели, которые обнаружатся в таких данных, могут быть обусловлены не типологической регулярностью соответствующего явления, а их происхождением из общего источника. Тем не менее исследования в сфере лексики неоднократно доказывали, что на уровне словаря системы родственных языков значительно расходятся (см. [10]-[13]), так что для лексической типологии ограничения на состав выборки не столь принципиальны. Для нашей же задачи родственные языки, напротив, задают даже определенное преимущество: нередко оказывается, что когнаты, т.е. лексемы, этимологически восходящие к одному слову, в результате семантической эволюции оказываются в различных полях, связанных отношением смежности. Таким образом, родственные языки могут дать дополнительный материал для анализа интересующих нас явлений.

Прежде чем перейти непосредственно к характеристике глаголов поля 'толкать', кратко обозначим основные методологические установки, которых мы придерживаемся в своем исследовании. В процессе работы с языковым материалом мы опирались на фреймовый подход, широко применяемый представителями Московской лексико-типологической группы (см. [14]). В основе этой методики лежит анализ сочетаемости слов, по результатам которого выделяются ситуации, прототипические для лексем исследуемого поля (т.е. фреймы). Выявленные таким образом фреймы затем используются при составлении анкеты-опросника, необходимой для работы с информантами. Анкета представляет собой

предложения с пропусками на месте интересующих нас глаголов, ср., например: *Мама уложила все книги в коробку и принялась* _______ её перед собой к двери. Носителям анализируемых языков предлагается вставить подходящий по смыслу глагол в предложение. Если информация, полученная из анкеты, оказывается в каких-то отношениях неполной или трудно интерпретируемой, мы имеем возможность уточнить данные, вступая в непосредственный диалог с носителями.

Параллельно с опросом носителей осуществляется корпусный анализ лексем, относящихся к изучаемому полю, а также проверяется вся словарная информация, доступная для этих единиц. В ходе настоящей работы мы использовали Национальный корпус русского языка, корпуса славянских языков семейства TenTen, а также ruSkell на платформе Sketch Engine, Национальный корпус чешского языка, корпус текстов украинского языка Mova (см. [15]—[19]). Кроме того, были задействованы электронные толковые и этимологические словари (см. [20]—[31]).

Оговоримся, что для целей настоящего исследования нас будут интересовать только физические смыслы глаголов поля 'толкать'. Ядерным для этой зоны мы считаем следующее значение: 'Y, применяя силу, перемещает X от себя при помощи рук', где Y — это агенс (одушевленный субъект), а X — пациенс (одушевленный или неодушевленный объект). В прототипическом случае X характеризуется большим весом, он перемещается в горизонтальной плоскости, не отрываясь от поверхности, и Y перемещается вместе с X. В следующем разделе мы обсудим ситуации, которые оказываются смежными с описанной.

3. Синхронная полисемия

Лексическая смежность в зоне 'толкать', как и во многих других случаях, обусловлена наличием внутри этой ситуации нескольких фаз:

- начальная фаза контакт: субъект воздействует на объект с помощью рук;
- срединная фаза перемещение: субъект передвигает объект перед собой;
- конечная фаза результат: объект оказывается в конечной точке перемещения.

Ядерной для семантики толкания является срединная фаза — именно она определяет принадлежность глаголов этой зоны к полю каузированного перемещения. Между тем, начальная и конечная фазы сближают толкание с другими семантическими классами. Для начального этапа наблюдается смежность с зоной контакта

(ср. глаголы 'касаться', 'трогать', 'целовать', 'тыкать' и др.). Завершающий этап значим для нас при особом типе конечной точки — если в результате перемещения объект попадает в контейнер. Соответственно, 'толкать' здесь оказывается смежным с глаголами помещения в контейнер (ср. 'класть', 'совать' и др.).

Если при описании ситуации профилируется ее начальная или конечная фаза, то идея перемещения часто оказывается нерелевантной для ее семантики, и тем самым ситуация может интерпретироваться как часть смежного поля. Рассмотрим последовательно случаи, касающиеся двух крайних точек.

3.1. Начальная фаза: контакт

Чтобы начать 'толкать' объект, субъект должен к нему прикоснуться, применив при этом силу, — это прикосновение и приводит объект в движение. Семантика контакта встроена в значение глаголов рассматриваемого поля, однако в общем случае она присутствует в высказывании лишь имплицитно, ср. употребление русского толкать в (1) — понятно, что при перемещении человека перед собой солдаты должны периодически дотрагиваться до него руками, тем не менее эта идея не находится в фокусе высказывания:

(1) Вдруг он увидел, как конвой из двоих солдат толкал вперёд по коридору скованного в наручниках человека [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // "Октябрь", 2001].

Сходные употребления характерны и для польского глагола *pchać*. Эта лексема является ядерной для анализируемого семантического поля, тем самым в прототипическом случае она профилирует срединную фазу ситуации — идею каузируемого перемещения. Начальная фаза — прикосновение субъекта к объекту — выражена в примере (2), как и в случае русского *толкать* в (1), лишь имплицитно:

(2) Przez cały dzień po ulicy obok slumsów imigranci pchają rowery z przyczepkami wypełnionymi złomem, plastikiem lub makulaturą [Marek Nowak: Obcy w mieście, Polityka, 2005, nr 2490]. 'В течение всего дня иммигранты толкают велосипеды с прицепами, заполненными металлоломом, пластиком или макулатурой, по улице рядом с трущобами.'

Тем не менее в определенных контекстах семантика русского и польского глаголов может несколько смещаться, в результате чего в фокус попадает именно начальная фаза ситуации. Заметим, что такое смещение коррелирует с морфологическими свойствами глагольной словоформы: оно возможно только у дериватов

с семельфактивным суффиксом -ну-/-па- (тол-кнуть / pchnąć). Напротив, имперфективные формы, как в примерах (1), (2), обычно получают в случае 'толкать' мультипликативную интерпретацию (многократно повторяется фрагмент контакт-перемещение), которая предопределяет профилирование семантики постепенного перемещения.

Существенно, что "масштаб" семантического сдвига, который претерпевают глаголы при профилировании начальной точки, различается для русского *толкать* и польского *pchać*. В русском сдвиг ограничивается смещением фокуса: выделенным становится контакт субъекта с объектом, при этом перемещение объекта, хоть и уходит в тень, все же обычно сохраняется в ситуации и нередко эксплицируется в более широком контексте.

(3) Тот грубо **толкнул** его в плечо, выпихивая из спальни, оттесняя к лестнице, молча указывая подбородком — убирайся, пошел вон! [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)].

Правда, в подобных случаях субъект уже не перемещается вместе с объектом, так что ситуация в целом несколько отличается от прототипа, и тем не менее такой семантический сдвиг вполне укладывается в определение метонимии как перепрофилирования ситуации (ср. [32]; [33]).

Между тем, в польском выделение начальной фазы может приводить к более серьезному сдвигу: в некоторых контекстах исходная идея перемещения полностью утрачивается. Этот эффект особенно заметен в конструкциях, в которых при интересующих нас глаголах выступают имена со значением инструмента.

Так, в польском наряду с прототипическими употреблениями pchać / pchnąć, где речь идет о перемещении объекта и сопровождающем его движении субъекта (см. (2) выше, а также (4)), возможны употребления типа (5), которые описывают удар при помощи инструмента:

- (4) Niedbale pcha swój wózek bagażowy [Sketch Engine]. 'Он небрежно толкает багажную тележку.'
- (5) Watson najpierw pchnął go nożem, a potem kilka razy strzelił z bliska [Sketch Engine]. 'Ватсон сначала ударил его ножом, а затем несколько раз выстрелил с близкого расстояния.'

От исходной семантики pchać / pchnąć в (5) остается только начальная фаза — контакт субъекта с объектом (в данном случае этот контакт реализуется при помощи инструмента), тогда как идея результирующего перемещения объекта полностью утрачивается. Соответственно,

рассматриваемый предикат в таких контекстах уже не относится к полю каузированного движения, а переходит в семантическую зону контакта, нарушая межполевые границы. Это означает, в свою очередь, что данный семантический перенос нельзя квалифицировать как простую метонимию — ведь метонимический сдвиг должен происходить в пределах одного поля.

Конечно, в польском функционируют и специализированный глагол с семантикой удара, ср. *uderzyć* 'ударить'. Тем не менее способность *pchnqć* 'толкнуть' встроиться в этот ряд, особенно заметная в сопоставлении с материалом русского языка, принципиальна для нас как еще одно доказательство проницаемости границ между семантическими полями.

Закономерно, что глагол с семантикой 'толкать' в зоне контакта занимает нишу агрессивного воздействия. Это значение явно наследуется из представления о силе, которую применяет субъект в исходной ситуации перемещения объекта. Семантика агрессии характерна и для переносных употреблений чешского глагола strkat / strčit 'толкать'. Как и польский pchać / pchnąć, этот глагол является ядерным для зоны 'толкать' и способен выступать в прототипических контекстах, выражающих каузированное перемещение объекта, синхронное воздействию, ср.:

(6) Jak se mu bude líbit, až bude jedna sestra strkat svoje dvojče celý život v invalidním vozíku? [Glosbe]. 'Как ему понравится, когда одна из близняшек будет толкать инвалидную коляску своей сестры всю оставшуюся жизнь?'

Однако если в позиции объекта выступает инструмент с острым кончиком или квазиинструмент ('палец'), то ситуация интерпретируется не как перемещение, а как воздействие. Правда, обратим внимание, что чешская конструкция существенно отличается от польской: пациенс ситуации (тот, на кого направлено воздействие) кодируется не как объект (эту позицию, как мы говорили, занимает актант с ролью инструмента), а как конечная точка перемещения, ср. strkat prst na osobu 'тыкать пальцем [букв. "палец"] в человека', а также (7), (8):

- (7) Načež za ním po chvíli vyběhne jeho kolegyně lékařka: "No jo, měl jsi pravdu, tak pojd", musíme to vyřešit!" A strčí mu do ruky dvaceticentimetrovou jehlu [Sketch Engine]. 'Затем, через некоторое время, его коллега-врач бежит за ним: "Ну, вы были правы, так что давайте, мы должны разобраться!" И он проткнул 20-дюймовой иглой ему руку.'
- (8) Myslíš, že by dokázala strčit chlapovi šroubovák skrz krk? [Sketch Engine]. 'Как ты думаешь, она могла воткнуть отвертку мужчине в шею?'

Хотя формально глагол strkat / strčit в подобных контекстах содержит отсылку к движению (инструмент перемещается в руках у субъекта), тем не менее по своей семантике эти примеры очень близки к польским контекстам типа (5). Действительно, в (5) нож тоже перемещается, просто это движение не может интерпретироваться как часть исходного значения глагола, поскольку нож не выступает в позиции прямого объекта, а кодируется инструментальным падежом. В (7), (8) модель управления глагола иная, но, по сути, ситуация мало чем отличается от польской, так что в случае чешского strkat / strčit тоже можно говорить о нарушении межполевых границ и переходе глагола из зоны каузированного перемещения в поле контакта.

3.2. Конечная фаза: помещение в контейнер

Результат перемещения может попадать в фокус высказывания, только если эксплицитно задана конечная точка, в которой оказался или должен оказаться объект. Для зоны 'толкать' имеется один выделенный тип конечной точки - контейнеры. Как показывает материал исследованных языков, указание на контейнер как цель перемещения существенно изменяет семантику рассматриваемых глаголов. Во-первых, модифицируются свойства прототипического объекта: как правило, речь уже не идет о тяжелом, неподъемном предмете, который перемещается в контакте с поверхностью. Объектами могут выступать самые разные сущности, в том числе и легкие например, одежда, бумаги и т.д. Во-вторых, сама идея каузированного движения уходит на второй план: профилированной оказывается фаза помещения в контейнер, так что предшествующая стадия - перемещение - значима здесь не более, чем для других глаголов помещения объекта (ср. 'класть', 'ставить'). Таким образом, в контекстах с конечной точкой-контейнером глаголы зоны 'толкать', опять же нарушая межполевые границы, переходят из поля каузированного перемещения в смежный семантический класс.

Исходная семантика толкания при этом обуславливает специфику результирующего значения в зоне помещения в контейнер. Дело в том, что в производном употреблении сохраняется изначальное представление о силе, которую применяет субъект в процессе действия, только в случае с контейнером причины ее применения интерпретируются иначе. Если помещение в контейнер требует усилий со стороны субъекта, это означает, что либо в контейнере недостаточно места, либо входное отверстие контейнера меньше самого объекта. Славянские глаголы зоны 'толкать' регулярно расширяют свою семантику за счет ситуаций с контейнером. Так, в русском сразу две лексемы претерпевают подобный сдвиг, ср. *толкать* и *пихать*. Более характерны подобные употребления для *пихать*, ср. (9) (заметим, что помещение в контейнер даже указывается у этого глагола отдельным значением в словаре, (см. [20])), однако и для *толкать* можно встретить контексты такого рода, ср. (10) (хотя гораздо чаще в этой функции выступает его специализированный префиксальный дериват *заталкивать*, ср. (11)).

- (9) Я беру из вазы две карамельки и пихаю в карман [Р.С. Вереск. Воровка // "Волга", 2011].
- (10) Наталья торопливо собирала документы, оставшиеся деньги, толкала в пакет [В.М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко // "Волга", 2016].
- (11) Я драл иглы, ломал целые ветки на куски, не обдирая коры, и з**аталкивал** добычу в мешок [В.Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954—1961)].

Наиболее близким синонимом *пихать* и *толкать* в подобных употреблениях является глагол *совать*, специализирующийся как раз на помещении в контейнер (об этом глаголе см. [34]) — эта семантическая близость служит еще одним свидетельством перехода анализируемых лексем через границы семантического поля.

Аналогичный переход характерен и для украинских глаголов *штовхати* 'толкать' и *пхати* 'пихать'. Исходно оба предиката выражают каузируемое перемещение, ср. *штовхав перед себе возика* 'толкал перед собой тележки', а также (12):

(12) Поліцаї беруть його за лікті і пхають на східці [29]. 'Полицейские берут его за локти и толкают по ступенькам.'

Смещаясь в поле глаголов помещения, украинские лексемы, как кажется, "проникают" в нее еще глубже, чем их русские корреляты. Так, *штовхати* применим к ситуации 'сунуть руки в карманы', которую не покрывает русский *толкать*:

(13) Руки в даному випадку краще всього завести за спину, але ні в якому разі не потрібно їх **штовхати** в кишені, так як це фігурі на фотографії додасть скутість і безжиттєвість [Sketch Engine]. 'Руки в данном случае лучше всего завести за спину, но ни в коем случае не нужно их совать в карман, так как это фигуре на фотографии придаст скованность и безжизненность.'

В свою очередь, *пхати* распространяется на контексты, в которых уже стирается идея тесноты контейнера и, соответственно, силы, необходимой для преодоления этого препятствия, ср.

- (14), где описывается опускание рук в реку, естественно, в этом случае ситуация не предполагает нехватки места в контейнере:
- (14) Як той рибалка, що йому вирветься з рук жива риба й шубовсне в ріку, то він у нестямі пхає руки в воду, чи не вдасться ще рибу піймати, так вони оба пробували найти ящірку в траві [Лесь Мартович. Забобон (1909—1911) / Лесь Мартович. Суеверие (Г. Шипов, 1951)]. 'Как рыбак, у которого вырвется из рук живая рыба и выскользнет в речку, лезет, не помня себя, руками в воду [букв. "пихает руки в воду"], в надежде еще поймать ее, так и эти оба пытались найти ящерицу в траве.'

Таким образом, и русские, и украинские лексемы рассматриваемого поля претерпевают семантический сдвиг, приводящий их в зону помещения в контейнер, причем украинские глаголы дальше отстоят от исходного значения каузированного движения, чем их русские аналоги. Следующий потенциальный шаг в этой эволюции — утрата лексемой исходной семантики: глагол может перестать употребляться в контекстах, описывающих перемещение тяжелого объекта перед собой, и использоваться только в значении 'помещать в контейнер'. Именно этот этап представляет болгарский когнат русского пихать и украинского пхати — глагол пъхвам / пъхна.

В отличие от своих восточнославянских когнатов болгарская лексема не выступает в прототипических контекстах зоны 'толкать': среди физических значений она реализует только семантику, связанную с конечной точкой-контейнером:

(15) Разтърквах пръстите и дланите си, пъхах ръце в джобовете на балтона, но студът като че проникваше и през шаяка и щипеше болезнено [Г. Караславов. Избр. съч. VIII, 221.]. 'Я потер пальцы и ладони, засунул руки в карманы пальто, но холод, казалось, проникал сквозь одежду и больно щипал.'

Но наряду с *пъхвам / пъхна* семантику помещения в контейнер могут выражать и глаголы, относящиеся к ядру зоны 'толкать'. Лексемы *тикам* и *бутам*, с одной стороны, описывают перемещение объекта перед собой, ср.:

- (16) <...> тикаше пред себе си маса на колелца [Павел Вежинов. Сините пеперуди (1965) / Павел Вежинов. Синие бабочки (Р. Белло, 1972)]. '<...> толкал перед собой стол на колесах'.
- (17) Но днеска нямам никакво желание да бутам кола [Павел Вежинов. Нощем с белите коне (1975) / Павел Вежинов. Ночью на белых конях (Л. Лихачева, 1978)]. 'Но сегодня у меня нет ни малейшего желания толкать машину.'

С другой стороны, эти глаголы могут употребляться и в ситуациях с контейнером, причем, как и украинские *штовхати* и *пхати*, они

накладывают менее строгие ограничения на тип контейнера, чем русские *толкать* и *пихать*. В частности, в роли конечной точки может выступать 'карман' (ср. в этой связи сочетаемость в русском: для *толкать* карман не является подходящим контейнером — *толкать в карман; пихать же в этом контексте обязательно имплицирует нехватку места, т.е. речь должна идти либо о набитом, либо об очень маленьком кармане (18) — между тем, для болгарского примера (19) величина контейнера нерелевантна). Тесноту контейнера не подразумевает и *тикат* в (20), где эта лексема выступает фактически как нейтральный глагол помещения в контейнер.

- (18) Потому что если **пихать** в карман батарейку одновременно с телефоном, то теоретически батарейка может поцарапать телефон [Sketch Engine].
- (19) Пиян шофьор **бута** пари в полицейски джоб [Sketch Engine]. 'Пьяный водитель **сует** деньги в карман полиции.'
- (20) *Тикам тетрадките в чантата* [Sketch Engine]. 'Я кладу тетради в сумку.'

Итак, болгарский материал, во-первых, отражает ту же модель нарушения межполевых границ, что и русские и украинские глаголы зоны 'толкать', а во-вторых, в рамках все той же модели дает пример, так сказать, полного перемещения глагола из одного поля в другое.

До сих пор мы говорили о глаголах, основное значение которых связано с каузированным движением. Между тем, переход в зону помещения в контейнер обнаруживают и некоторые другие глаголы со смежным значением. В частности, судя по нашим данным, семантику 'положить во что-то' могут развивать глаголы воздействия острым / остроконечным инструментом. Напомним, это значение мы обсуждали в Разделе 3.1 как производное для глаголов толкания и тем самым смежное с ним. Оказывается, что лексемы, у которых значение точечного воздействия на синхронном уровне первично, тоже иногда попадают в поле помещения в контейнер, т.е. два поля, смежных с толканием, оказываются смежными и между собой.

Так, болгарский *мушкам* исходно означает 'ударять, колоть, тыкать чем-то острым', ср.: *мушкам* с нож 'колоть ножом', мушкам с пръст 'тыкать пальцем', а также (21):

(21) Но той не можа да си обясни упорството ми и започна много болезнено да ме мушка във врата с остра желязна пръчка [Александър Беляев. Хойти-Тойти (Златко Стайков, 1988)]. 'Но он не мог понять моего упорства и начал очень больно ударять заостренной железной палочкой мне в шею.'

Обратим внимание, что место контакта кодируется именной группой с предлогом $\theta(\mathfrak{sb}\mathfrak{s})$, т.е. для этого участника характерно то же маркирование, что и для контейнера как цели движения. Возможно, именно это обстоятельство и способствует переинтерпретации конструкции: если в составе такой именной группы выступает контейнер (ср. что-то типа 'тыкать в сумку'), то все выражение осмысляется как помещение внутрь этого пространства. Существенно, что такое переосмысление — в полном соответствии с основными положениями Грамматики конструкций (см., например, [35]) — провоцирует и изменение формальных свойств конструкции в целом.

При "контейнерном" понимании глагола инструмент — именная группа с предлогом c — обычно не выражается, а участник в позиции прямого объекта, как правило, утрачивает одушевленность: это уже не человек, подвергающийся агрессивному воздействию, а предмет, который помещают в контейнер:

(22) Той веднага прегледал записите от камери и видял как младото момче мушка в джоба си накитите [Sketch Engine]. 'Он сразу же посмотрел на камеру и увидел, как мальчик сует свои драгоценности в карман.'

Аналогичный сдвиг встречается и у русского *тыкать*, и у его украинского когната *тикати*, ср. исходные употребления типа русск. *тыкать соседа карандашом* или укр. *пальцем тикаючи у Варин живіт* 'тыча пальцем в Варин живот' и производные (23)—(24):

- (23) Владимир Васильич Бугаев является редко из Питера; явный чудак: с видом взъерошенного конспиратора и нигилиста шестидесятых годов, весьма бедно одетый и весьма заносчиво нас оглядывающий, тыкающий окурок не в пепельницу, а в цветочную вазу: с явною демонстрацией [Андрей Белый. На рубеже двух столетий (1929)].
- (24) Добродушному вусачеві забаглося віддячити мені, і він почав тикати мені в руку срібного карбованця [К.І. Чуковський. Срібний герб (І. Щербина, 1963)]. 'В порыве благодарности добродушный усач стал совать мне в руку серебряный рубль.'

Такие употребления отмечаются в толковых словарях (см., в частности, 4-е значение глагола *тыкать* в [20] и приводимый там пример *тыкать толор за пояс*), однако по крайней мере для русского языка являются, по-видимому, устаревающими: подобные контексты в НКРЯ датируются преимущественно XIX веком. И тем не менее для нашего исследования принципиально важна сама типологическая возможность такого рода переходов: она сближает две разные глагольные зоны, иллюстрируя нечеткость границ между еще одной парой семантических полей.

4. Диахронические изменения

Типологический подход к изучению лексики обычно подразумевает исследование структуры семантических полей разных языков с точки зрения их синхронной организации. Объектом сопоставления является то, какие значения в рамках семантического поля противопоставлены друг другу, а какие — объединяются в одной лексеме. При этом, как правило, не поднимается вопрос о самих лексемах, т.е. о том, как они исторически приходят к тому спектру значений, который характерен для них на синхронном уровне. Между тем, если материалом анализа становятся родственные языки, то такая постановка проблемы напрашивается сама собой. Действительно, в тех случаях, когда одно и то же значение в генетически близких идиомах выражается разными корнями или когда когнаты покрывают несовпадающие участки поля, неизбежно возникает вопрос о причинах расхождений, иными словами - о семантических процессах, обусловивших развитие разных структур из единой системы-предка. Из работ этого направления на славянском материале отметим прежде всего многолетние исследования Н.И. и С.М. Толстых (см., например, [36]; [37]).

Рассматриваемое поле толкания тоже любопытно в отношении диахронии. Здесь мы остановимся на рефлексах одного корня — праславянского *tъkati — в разных славянских языках — и проследим семантические связи между ними. Согласно словарю М. Фасмера (см. [30]; [31]), этот корень этимологически соотносится с латышским tukat, -aju, tucat 'месить, давить' и древневерхненемецким duhen 'давить'. Таким образом, за пределами славянского ареала этот корень ассоциируется с идеей применения силы, однако не выражает перемещения.

Среди славянских рефлексов этого корня в словаре приводятся рус. *тыкать*, укр. *тикати* 'тыкать', болг. *тикат* 'пихаю, втыкаю', чеш. *týkati se* 'касаться, относиться', польск. *tykać się* 'касаться, дотрагиваться', в.-луж. *tykać* 'совать, тыкать', н.-луж. *tykaś* 'трогать, толкать, тыкать'. Примечательно, что весь этот — относительно разнородный — список значений легко систематизируется посредством тех моделей смежности, которые мы описали в Разделе 3. Рассмотрим подробнее значения этого корня в языках нашей выборки.

Если в качестве точки отсчета принять прототипическое значение глаголов исследуемого поля — ситуацию, когда субъект воздействует (обычно с применением силы) на тяжелый объект при помощи рук с целью переместить его и

в процессе перемещения сам двигается вместе с ним, — то ближе всего к этой семантике окажется болгарский глагол *тикам*. Как мы отмечали в Разделе 3.2, эта лексема — наряду с *бутам* — относится к ядру анализируемого поля. Различие между двумя глаголами, по свидетельству носителей, отчасти имеет стилистическую природу (тикам в большей степени характерен для разговорной речи); кроме того, тикам предпочтителен в сочетании с объектами, имеющими колеса:

(25) После улови ръчките на количката и търти да бяга, тикайки я пред себе си [Sketch Engine]. 'Затем он схватился за ручки коляски и побежал, толкая ее перед собой.'

Русский тыкать и украинский тикати гораздо дальше отстоят от прототипического толкания, чем их болгарский когнат. Синхронно их центральное значение - воздействие на объект при помощи острого инструмента (см. (26), (27)) — попадает в другое семантическое поле, но при этом в точности повторяет результат синхронного сдвига, который мы наблюдали у польского pchać в 3.1. Связь с толканием здесь прослеживается за счет того, что воздействие в качестве начальной фазы входит в структуру события 'толкать'. При этом, как мы отмечали, семантика воздействия не подразумевает перемещения пациенса. Кроме того, в отличие от прототипического толкания, действие здесь осуществляется инструментом, а не руками.

- (26) Фехтовать умеете? Нет. Одевайтесь, буду учить. И с полчаса [Борисов] учил Карташева, немилосердно тыкая его рапирой [Н.Г. Гарин-Михайловский. Студенты. Инженеры. (1988)].
- (27) Скільки потрібно варити картоплю залежить від розміру шматків, на які ви її порізали і від розміру ємності. <...> Не потрібно тикати в неї ножем або паличкою, просто наколіть шматочок зверху і спробуйте на смак [Sketch Engine]. 'Сколько нужно варить картофель, зависит от размера кусков, на которые вы ее порезали, и от размера емкости. <...> Не нужно тыкать в него ножом или палочкой, просто наколите кусочек сверху и попробуйте на вкус.'

Семантика чешского и польского когнатов еще дальше отстоит от прототипического толкания, тем не менее и они соотносятся с моделью смежности, которую мы обсуждали в 3.1. Интересно, что у М. Фасмера приводятся только возвратные формы этих глаголов, хотя польский *tykać* встречается и в контекстах без частицы *się. Туkać* выражает идею нейтрального (т.е. уже не агрессивного, в отличие от русского и украинского аналогов) контакта, ср. рус. *трогать, прикасаться*. Правда, в современном языке это значение отрицательно поляризовано и реализуется преимущественно

в сочетании с наименованиями продуктов ('мясо', 'сладости') или алкогольных напитков — речь тем самым идет о неупотреблении субъектом в пищу данного вида еды, ср.:

(28) W moim przypadku jest tak, że nie tykam żadnych słodyczy, fast food'ów, białego pieczywa i ryżu [Sketch Engine]. 'В моем случае так — я не прикасаюсь ни к каким сладостям, фастфудам, выпечке из белой муки и рису.'

В подобных контекстах глагол не буквально выражает семантику контакта, однако это употребление производно именно от нее. Еще заметнее семантический сдвиг для чешского *týkati se*: здесь имеется в виду только метафорическое касание, т.е. затрагивание (например, в разговоре) некоторой тематики, релевантность той или иной сущности для объекта, ср.:

(29) Změny se týkají pouze autobusové dopravy [Sketch Engine]. 'Изменения касаются только автобусного транспорта.'

По всей вероятности, современным употреблениям польского и чешского глаголов предшествовала семантика физического контакта (синхронно более ощутимая в польском и менее — в чешском). В свою очередь, контакт, как мы обсуждали, является начальной фазой для ситуации толкания, так что семантическая связь польского и чешского когнатов с болгарским прототипом построена на том же механизме, что и связь болгарского с русским и украинским. Заметим, однако, что касание семантически дальше отстоит от толкания, чем агрессивное воздействие: в случае касания из ситуации уходит свойственная толканию идея применения силы, которая в семантике воздействия еще сохраняется.

Любопытно, что все три значения, которые мы обсуждали до сих пор — толкание, агрессивное воздействие и касание — совмещены, по данным Фасмера, в нижнелужицкой лексеме *tykaś* 'трогать, толкать, тыкать'. К сожалению, у нас нет доступа к нижнелужицким языковым данным, тем не менее этот набор значений может служить еще одним — пусть и косвенным — свидетельством смежности обсуждаемых языковых полей.

Наконец, обратим внимание на одно из значений, указанных в словаре для верхнелужицкого *tykać*, а именно 'совать'. Если эта семантика действительно характерна для данной лексемы (вспомним также семантику помещения в контейнер, которую мы отмечали для болгарского *тикам*, а также — как несколько устаревшую — для русского *тикать* и украинского *тикати*), то мы здесь наблюдаем смежность, основанную

на профилировании уже не начальной, а конечной фазы ситуации. поля в зоне контакта — а именно стирание идеи силы, характерной для семантики агрессивного

Таким образом, диахронически на материале глаголов, восходящих к одному и тому же корню, мы можем наблюдать реализацию всех моделей смежности, которые мы синхронно выявляли по данным разных лексических единиц.

5. Заключение

На первый взгляд кажется, что толкание представляет собой довольно простую ситуацию: субъект перемещает объект перед собой. Между тем, рассмотренные в настоящей работе данные показывают, что эта ситуация включает в себя множество дополнительных смыслов, которые обуславливают смежность рассматриваемой зоны с другими полями. В частности, помимо собственно перемещения, толкание предполагает предшествующую стадию (контакт субъекта с объектом) и результат (объект оказывается в конечной точке, это состояние оказывается значимым, если в роли конечной точки выступает контейнер). Этим смыслам – контакту и помещению в контейнер – в традиционной таксономии семантических полей соответствуют отдельные зоны, тем самым развитие у глагола с прототипической семантикой 'толкать' одного из этих значений свидетельствует о нарушении границ между полями. Существенно, что это нарушение не подразумевает метафорического сдвига: речь не идет о проецировании семантики зоны толкания, скажем, на зону контакта. В этом случае мы имеем дело с принципиальной нечеткостью межполевых границ.

Эту нечеткость мы наблюдали, во-первых, на синхронном материале: глаголы толкания распространяются, с одной стороны, на ситуации контакта — прежде всего агрессивного воздействия при помощи инструмента, а с другой — на помещение в контейнер. Заметим, что в каждом случае в этой "новой" для глагола зоне могут функционировать специальные глаголы (ср. рус. тыкать для агрессивного воздействия, совать для контейнера) — отдельного исследования требует вопрос о том, как изменяется семантика этих специальных глаголов, если в их зону "вторгается" лексема 'толкать'.

Во-вторых, о нечеткости границ между полями свидетельствуют и диахронические данные. Здесь на материале глаголов, восходящих к одному корню, мы в исторической перспективе обнаружили те же модели смежности, что и в синхронных данных. Более того, этот материал отразил следующий этап, по которому могут развиваться глаголы

поля в зоне контакта — а именно стирание идеи силы, характерной для семантики агрессивного воздействия, и сдвиг в сторону нейтральных глаголов контакта типа 'касаться'.

Таким образом, анализ зоны толкания наглядно показывает, что семантические поля не существуют независимо друг от друга, а пересекаются и накладываются одно на другое за счет смежности соответствующих им ситуаций. Эффективным способом обнаружения таких пересечений является сравнительное исследование семантики когнатов и — шире — типологический подход к изучению лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
- 2. *Trier J.* Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Heidelberg: C. Winter, 1931.
- 3. *Geckler H.* Strukturelle Semantik und Wortfeldtheorie. München: Wilhelm Fink, 1971.
- 4. Rundblad G., Kronenfeld D. The Semantic Structure of Lexical Fields: Variation and Change // R. Eckardt, K. von Heusinger, Ch. Schwarze (eds.), Words in Time. Diachronic semantics from different points of view. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. Pp. 67–114.
- 5. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- 6. Рахилина Е.В., Некушоева Ш.С. Система глаголов движения вниз в шугнанском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2020. Т. XVI (1). С. 579—609.
- 7. Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. (ред.) Типология глаголов падения. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Спец. выпуск. 2020. Т. XVI (1).
- 8. Резникова Т.И., Рыжова Д.А. Несемиотические позы: типологический аспект // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна. М.: Буки Веди, 2020. С. 309—317.
- 9. Савельева А.Ю. Глаголы семантических зон 'толкать' и 'тянуть' в типологической перспективе // Проблемы компьютерной лингвистики и типологии: Сборник научных трудов. Вып. 6. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 142—152.
- 10. *Прокофьева И.А., Рахилина Е.В.* Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 60–78.

- 11. *Рахилина Е.В., Прокофьева И.А.* Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // В.Н. Топоров (ред.). Язык. Личность. Текст. Сб. к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 304—312.
- 12. *Кашкин Е.В.* Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках). Диссертация ... канд. филол. наук. МГУ, 2013.
- 13. *Majid A., Gullberg M., van Staden M., Bowerman M.* How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages // Cognitive Linguistics. 2007. № 18 (2). Pp. 133–152.
- 14. *Рахилина Е.В., Резникова Т.И*. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3—31.
- 15. Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/new/
- 16. Sketch Engine Text Corpus Query System for All. URL: https://www.sketchengine.eu/
- 17. ruSkell учебный корпус русского языка на платформе Sketch Engine. URL: https://ruskell.sketchengine.co.uk/run.cgi/skell
- 18. Национальный корпус чешского языка. URL: https://ucnk.ff.cuni.cz/cs/
- 19. MOVA корпус текстов украинского языка. URL: http://www.mova.info/corpus.aspx
- 20. Малый академический словарь (MAC). URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp
- 21. Толковый словарь болгарского языка. URL: https://rechnik.chitanka.info/
- 22. Собрание толковых словарей сербского языка. URL: http://raskovnik.org/
- 23. Glosbe мультиязычный онлайн-словарь. URL: https://ru.glosbe.com/
- 24. Справочник чешского языка: лексический архив. URL: https://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php
- 25. Словарь современного чешского языка. URL: https://www.nechybujte.cz/
- 26. Толковый словарь хорватского языка. URL: https://rjecnik.hr/
- 27. Толковый словарь польского языка. URL: https://wsjp.pl/
- 28. Толковый словарь македонского языка. URL: http://www.makedonski.info/
- 29. Толковый словарь украинского языка. URL: http://www.inmo.org.ua/sum.html
- 30. Собрание этимологических словарей славянских языков. URL: http://etymolog.ruslang.ru/

- 31. Лексикографический интернет-портал: онлайнсловари русского языка. URL: https://lexicography. online/
- 32. Radden G., Kövecses Z. Towards a Theory of Metonymy // K.-U. Panther, G. Radden (eds.), Metonymy in Language and Thought. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1999. Pp. 17–59.
- 33. *Peirsman Y., Geeraerts D.* Metonymy as a prototypical category // Cognitive Linguistics. 2006. № 17 (3). Pp. 269–316.
- 34. *Рахилина Е.В.* Стилистически маркированные глаголы в русском языке: совать сунуть // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 73–92.
- 35. *Goldberg A*. Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- 36. *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.
- 37. *Толстой Н.И*. Избранные труды. Т. III: Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки русской культуры, 1999.

REFERENCES

- 1. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 2003. (In Engl.)
- 2. Trier, J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Heidelberg: C. Winter, 1931. (In Germ.)
- 3. Geckler, H. Strukturelle Semantik und Wortfeldtheorie. München: Wilhelm Fink, 1971. (In Germ.)
- 4. Rundblad, G., Kronenfeld, D. The Semantic Structure of Lexical Fields: Variation and Change. R. Eckardt, K. von Heusinger, Ch. Schwarze (eds.), Words in Time. Diachronic semantics from different points of view. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003, pp. 67–114. (In Engl.)
- 5. Paducheva, E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models of Lexical Semantics]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury Publ., 2004. (In Russ.)
- 6. Rakhilina, E.V., Nekushoeva Sh.S. *Sistema glagolov dvizheniya vniz v shugnanskom yazyke* [Verbs of Downward Motion in Shughni]. Acta Linguistica Petropolitana. *Trudy Instituta lingvističeskih issledovanij* [Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. 2020, Vol. XVI (1), pp. 579–609. (In Russ.)
- 7. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I., Ryzhova, D.A. *Tipologija glagolov padenija* [Typology of Verbs of Falling]. Acta Linguistica Petropolitana. *Trudy Instituta lingvističeskih issledovanij* [Transactions of the

- Vol. XVI (1). (In Russ.)
- 8. Reznikova, T.I., Ryzhova, D.A. Nesemioticheskie pozy: tipologicheskij aspekt [Non-Semiotic Poses: A Typological Perspectivel. VAProsy jazykoznaniya: Megasbornik nanostatej. Sb. st. k jubileju V.A. Plungjana [Topics in the Study of Language: Mega-Collection of Nano-Papers. Festschrift for V.A. Plungian]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2020, pp. 309–317. (In Russ.)
- 9. Savelieva, A.Yu. Glagoly semanticheskih zon 'tolkat" i 'tyanut" v tipologicheskoj perspektive [Verbs of Pushing and Pulling in a Typological Perspectivel. *Problemy* kompiuternoi lingvistiki i tipologii: Sbornik nauchnyh trudov [Problems of Computational Linguistics and Typology: Collection of Scientific Papers]. Voronezh, Izdatelskij dom VGU Publ., 2017, pp. 142–152. (In Russ.)
- 10. Prokofjeva, I.A., Rakhilina, E.V. Rodstvennye yazyki kak objekt leksicheskoj tipologii: russkie i polskie glagoly vrashcheniya [Related languages as an object of lexical typology: Russian and Polish verbs of rotation]. Voprosy jazykoznanija [Topics in the Study of Language]. 2004, No. 1, pp. 60–78. (In Russ.)
- 11. Rakhilina, E.V., Prokofjeva, I.A. Russkie i polskie glagoly kolebatelnogo dvizheniya: semantika i tipologiya [Russian and Polish Verbs of Oscillation: Semantics and Typology]. V.N. Toporov (ed.). Yazyk. Lichnost. Tekst. Sb. k 70-letiju T.M. Nikolaevoj [Language. Personality. Text. Festschrift in honour of the 70th Birthday of T.M. Nikolayeval. Moscow, Jazyki slavianskih kultur Publ., 2005, pp. 304–312. (In Russ.)
- 12. Kashkin, E.V. Jazykovaja kategorizacija faktury poverhnostei (tipologicheskoe issledovanie naimenovanii kachestvennyh priznakov v uralskih jazykah) [Linguistic Categorization of Surface Texture (Typological Study of the Terms of Qualitative Features in the Uralic Languages)]. PhD dissertation. Moscow State University, 2013. (In Russ.)
- 13. Majid, A., Gullberg, M., van Staden, M., Bowerman, M. How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages. Cognitive Linguistics. 2007, № 18 (2), pp. 133–152. (In Engl.)
- 14. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I. Frejmovyj podhod k leksicheskoj tipologii [A Frame-Based Approach for Lexical Typology]. Voprosy jazykoznanija [Topics in the Study of Language]. 2013, No. 2, pp. 3–31. (In Russ.)
- 15. Russian National Corpus. URL: https://ruscorpora. ru/new/
- 16. Sketch Engine Text Corpus Query System for All. URL: https://www.sketchengine.eu/
- 17. ruSkell Sketch Engine for Learners of Russian. URL: https://ruskell.sketchengine.co.uk/run.cgi/skell

- Institute for Linguistic Studies]. A Special Issue, 2020, 18. Czech National Corpus. URL: https://ucnk.ff.cuni. cz/cs/
 - 19. MOVA Ukrainian Text Corpus. URL: http://www. mova.info/corpus.aspx
 - 20. Small Academic Dictionary (MAS). URL: http://febweb.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp
 - 21. Explanatory Dictionary of Bulgarian. URL: https:// rechnik.chitanka.info/
 - 22. Collection of Explanatory Dictionaries of Serbian. URL: http://raskovnik.org/
 - 23. Glosbe A Multilingual Online Dictionary. URL: https://ru.glosbe.com/
 - 24. Directory of the Czech Language: Lexical Archive. URL: https://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php
 - 25. Dictionary of the Modern Czech. URL: https://www. nechybuite.cz/
 - 26. Explanatory Dictionary of Croatian. URL: https:// rjecnik.hr/
 - 27. Explanatory Dictionary of Polish. URL: https://wsjp.pl/
 - 28. Explanatory Dictionary of Macedonian, URL: http:// www.makedonski.info/
 - 29. Explanatory Dictionary of Ukrainian. URL: http:// www.inmo.org.ua/sum.html
 - 30. Collection of Etymological Dictionaries of Slavic Languages. URL: http://etymolog.ruslang.ru/
 - 31. Lexicographic Web Portal: Online Dictionaries of Russian. URL: https://lexicography.online/
 - 32. Radden, G., Kövecses, Z. Towards a Theory of Metonymy. K.-U. Panther, G. Radden (eds.), Metonymy in Language and Thought. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1999, pp. 17–59. (In Engl.)
 - 33. Peirsman, Y., Geeraerts, D. Metonymy as a prototypical category. Cognitive Linguistics. 2006, № 17 (3), pp. 269–316. (In Engl.)
 - 34. Rakhilina, E.V. Stilisticheski markirovannye glagoly v russkom yazyke: sovat' – sunut' [Stylistically Marked Verbs in Russian: sovat' – sunut'l. *Vestnik Tomskogo* gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]. 2015, No. 3 (35), pp. 73–92. (In Russ.)
 - 35. Goldberg, A. Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995. (In Engl.)
 - 36. Tolstaya, S.M. Prostranstvo slova. Leksicheskaja semantika v obshcheslavjanskoj perspektive [The Space of the Word. Lexical Semantics in a Common Slavic Perspectivel. Moscow, Indrik Publ., 2008. (In Russ.)
 - 37. Tolstoy, N.I. Izbrannye trudy. Ocherki po slavjanskomu jazykoznaniju [Selected Works. Essays on Slavic Linguistics]. Moscow, Jazyki russkoj kultury Publ., 1999. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 11 июля 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 сентября 2021 г.

Статья принята к публикации: 15 сентября 2021 г.

Дата публикации: 31 октября 2021 г.

Received by Editor on July 11, 2021 Revised on September 5, 2021 Accepted on September 15, 2021

Date of publication: October 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017126-1

Морфосинтаксис новогреческих пространственных наречий в диахронической перспективе

© 2021 г. А. В. Яковлева

Преподаватель Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" — Москва, Россия, 109028, Москва, Покровский бульвар, д. 11 avyakovleva@hse.ru

Резюме. В работе рассматриваются новогреческие пространственные наречия с семантикой сторон света и "справа / слева". На корпусном материале в работе показано, что данные наречия демонстрируют тенденцию к сохранению архаичной генитивной модели управления, тогда как более частотные пространственные наречия полностью перешли на предложное управление. В статье предлагается искать объяснение этому явлению в особенностях диахронического развития наречий с семантикой справа / слева и сторон света: до недавнего времени эти пространственные отношения маркировались субстантивированными прилагательными с предлогом, а в случае сторон света — существительными со значениями пространственных ориентиров. В языках мира пространственные наречия часто происходят от существительных с семантикой частей тела или ориентиров окружающей среды, и в процессе грамматикализации и перехода от именного морфосинтаксиса к наречному старая структура (в нашем случае — приименной генитив) может продолжать параллельно использоваться. Такие лексические единицы могут относиться к так называемым смешанным категориям: они имеют дистрибуцию наречий / производных предлогов, однако присоединяют зависимые в родительном падеже, как существительные.

Ключевые слова: греческий язык, пространственные отношения, стороны света, справа / слева, смешанные категории, наречия.

Благодарность. Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ).

Для цитирования: Яковлева А.В. Морфосинтаксис новогреческих пространственных наречий в диахронической перспективе // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 34-45. DOI: 10.31857/S241377150017126-1

Morphosyntaxis of Modern Greek Spatial Adverbs in a Diachronic Perspective

© 2021 Anastasia V. Yakovleva

Lecturer at Higher School of Economics – Moscow, 11 Pokrovskiy Blvd, Moscow, 109028, Russia avvakovleva@hse.ru

Abstract. Greek adverbs are often claimed to have almost completely lost the ability to govern the genitive case, which is replaced by prepositional phrases with the accusative. Nevertheless, the corpus study presented in the article demonstrates that some low-frequent spatial adverbs $\delta \varepsilon \xi \iota \dot{\alpha}/\alpha \rho \iota \sigma \tau \varepsilon \rho \dot{\alpha}$ on the right/left' and $\beta \delta \rho \varepsilon \iota \alpha/\nu \delta \tau \iota \alpha/\alpha \nu \alpha \tau \delta \lambda \iota \varkappa \dot{\alpha}/\delta \nu \tau \iota \varkappa \dot{\alpha}$ in the north/south/east/west' retain the ability to govern genitive along with prepositional phrases. Moreover, cardinal directions prefer this archaic model to all the other options. Cross-linguistically, lexical items traditionally classified as adverbs and/or adpositions often demonstrate mixed syntactic behavior, since adverbs that were relatively recently derived from nouns, can retain their initial nominal internal syntax. The diachronic development of the Greek adverbs 'right/left' and cardinal

direction terms also have well traced nominal sources. In the present study I suggest that the mixed category analysis can be applied to some Modern Greek adverbs.

Key words: Greek language, spatial relations, cardinal directions, right/left, mixed categories, adverbs.

Acknowledgments: This study was funded by the Basic Research Program of the National Research University "Higher School of Economics".

For citation: Yakovleva, A.V. *Morfosintaksis novogrecheskih prostranstvennyh narechij v diahronicheskoj perspektive* [Morphosyntaxis of Modern Greek Spatial Adverbs in a Diachronic Perspective]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 5, pp. 34–45. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017126-1

1. Введение

Одним из характерных признаков высокочастотных языковых единиц является их тенденция к сохранению консервативного морфосинтаксиса, несмотря на то что в языке преобладают более продуктивные новые паттерны [1, р. 351—352]. В данной статье будут рассмотрены новогреческие пространственные наречия, в морфосинтаксисе которых наблюдается обратный эффект: низкочастотные наречия с семантикой "справа / слева" и сторон света консервативны и обычно управляют генитивом, в то время как высокочастотные наречия полностью перешли на более новую и продуктивную предложную модель управления.

Изменение модели управления греческих пространственных наречий является частным примером более глобального процесса: в языке наблюдается постепенный процесс утраты генитива, который проявляется, в том числе, в ограниченной способности функционировать в качестве комплемента наречий [2, р. 73–77]. Родительный падеж заменяется предложными группами с аккузативом (например, на смену конструкции $\delta \pi i \sigma \omega / \delta \pi i \sigma \theta \varepsilon v + gen$ 'за чем-либо' приходит $\pi i \sigma \omega + \alpha \pi \delta + acc$).

Д. Мертирис в своей диссертации [2] приводит множество примеров наречий, изменивших своё управление, однако данные по пространственным наречиям со значениями "справа / слева" и сторон света не представлены. Как было упомянуто выше, они интересны тем, что могут присоединять именную группу в генитиве, то есть сохраняют более архаичную модель управления.

Анализ этого явления на корпусном материале может сделать вклад в понимание того, какие механизмы, помимо частотности, могут в этом случае влиять на изменения морфосинтаксиса и замену архаичной модели на более новую и продуктивную.

В статье представлены результаты квантитативного корпусного исследования новогреческих пространственных наречий на материале Корпуса

греческого языка [3]¹, а также анализ диахронического развития и грамматикализации терминов сторон света и "справа / слева". Проведенный в рамках настоящего исследования корпусный анализ показал, что наречия сторон света практически не присоединяют предложные группы, в то время как высокочастотные пространственные наречия, напротив, почти не засвидетельствованы с генитивными именными группами. Будет предложено объяснение сохранения архаичной модели управления как частного случая смешанных категорий — такие языковые единицы сочетают в себе признаки двух частей речи (например, существительного и наречия); как правило, это происходит на промежуточном этапе грамматикализации.

В разделе 2 описаны результаты квантитативного корпусного исследования новогреческих пространственных наречий, в разделе 3 представлена интерпретация полученных результатов и сформулирована гипотеза, объясняющая необычное управление. В разделе 4 рассматривается процесс грамматикализации наречий со значением сторон света и "справа / слева" и на основании этого анализа в разделе 5 делается вывод о том, насколько модель смешанных категорий применима к данному случаю.

2. Результаты корпусного исследования управления наречий

Чтобы узнать, насколько распространено генитивное маркирование разных пространственных наречий в узусе, и сопоставить его с количеством контекстов, где представлено предложное управление, было проведено небольшое корпусное исследование на материале Корпуса греческого языка. Использовались тексты подкорпуса димотики, который состоит, главным образом, из современных газетных текстов. Важно отметить, что история греческого языка неразрывно связана с понятием диглоссии: параллельного существования

¹ Для исследования был выбран именно этот корпус, поскольку он находится в открытом доступе и при этом имеет морфологическую разметку и удобный интерфейс для поиска.

двух форм одного языка – книжной, связанной с письменной традицией и высоким стилем, и обыденной, разговорной. Эти регистры дополняют друг друга и воспринимаются носителями как единое целое; при этом книжная форма является более искусственной, стандартизирован-

управляют генитивными группами⁴, предлогами $\alpha\pi\delta$ 'из' и $\sigma\varepsilon$ 'в', и, наконец, каково количество субстантивированных употреблений наречий (или омонимичных им единиц - об этом речь пойдет в разделе "Интерпретация результатов"). Результаты представлены в таблице 1.

	δεξιά	αριστερά	βόρεια	νότια	ανατολικά	δυτικά	κάτω	πάνω	μπροστά	πίσω
	(справа)	(слева)	(на севере)	(на юге)	(на востоке)	(на западе)	(внизу)	(наверху)	(спереди)	(сзади)
Adv +										
NPgen +	11	23	60	64	66	77	57 ⁵	0	0	1
NPgen										
Adv + από +	7	5	9	8	7	7	2435	2380	531	1394
NPacc										
$Adv + \sigma \varepsilon +$	41	28	0	0	3	3	149	3033	2013	538
NPacc										
Στα+Adv/										
Adj	122	120	225	270	460	C44	40	21	0	12
(субстан-	122	120	335	270	469	644	49	31	0	12
тивация)										
общее ко-										
личество	1015	1036	742	753	632	489	9575	17421	8527	9885
вхождений										

Таблица 1. Квантитативный анализ новогреческих пространственных наречий

ной и осваивается только посредством обучения [4, р. 325–330]. Применительно к новогреческому языку под диглоссией обычно понимается ситуация "языкового вопроса", возникшего в эпоху образования независимого государства, в XIX веке. Нейтральным литературным вариантом греческого языка XIX-XX веков считается кафаревуca, разговорным — $\partial u momuka^2$. Однако в течение XX века значение терминов довольно сильно изменилось – изначально кафаревусой назывался умеренно архаизированный язык, очищенный от заимствований, просторечных и диалектных форм, который использовался в качестве литературного. Но позже появился новый стандартный регистр, основанный на современном узусе, и его стали называть димотикой; таким образом, в XX веке мы наблюдаем не классическую диглоссию "книжный – разговорный язык", а скорее сосуществование и конкуренцию двух литературных стандартов [5, р. 8].

Были собраны количественные данные о том, сколько употреблений наречий засвидетельствовано в корпусе вообще³, сколько из них

Из таблицы 1 видно, что наречия с семантикой сторон света и "справа / слева" в корпусе употребляются значительно реже, чем "спереди / сзади" и "наверху / внизу". Однако консервативную модель управления генитивом можно обнаружить только у низкочастотных наречий; при этом если "справа / слева" довольно равномерно используются как с предлогами, так и с генитивами, то в случае наречий сторон света преобладает генитивное управление. Субстантивированных контекстов намного больше в случае "справа / слева" и сторон света, поскольку формы наречий совпадают с прилагательными среднего рода множественного числа (именно поэтому общее число наречий в таблице может быть меньше, чем количество вхождений того же слова в строке с субстантивацией).

 $^{^{2}}$ Досл. $\kappa \alpha \theta \alpha \rho \varepsilon \dot{v}ov\sigma \alpha$ "очищенный" (язык), $\delta \eta \mu \sigma \tau \kappa \dot{\eta} -$ "народный".

³ Омонимия снята вручную, т.к. некоторые наречия идентичны с формами прилагательных.

⁴ Было решено делать запрос с двумя генитивами подряд (как правило, это пара артикль + существительное), поскольку нас интересуют именно формы существительных, а с одним генитивом в выборке было бы очень много личных местоимений, которые имеют некоторые особенности в употреблении: генитивная форма местоимения – это энклитика, которая используется в нейтральных контекстах, а предложная конструкция, в свою очередь, может выполнять эмфатическую функцию.

⁵ Пространственных значений нет, только количественные (семантический сдвиг внизу → ниже → менее).

3. Интерпретация результатов и формулирование гипотезы

Объяснений того, почему именно наречия сторон света и "справа / слева" сохраняют генитивное управление (так же, как и упоминаний этого феномена вообще), не удалось найти в существующей научной литературе. Однако есть гипотезы, объясняющие причины перехода наречий с генитивного управления на предложное.

Как было сказано во введении, родительный падеж в греческом языке постепенно теряет свои функции, которые начинают выполняться предлогами. Тем не менее этот процесс нельзя списывать только на постепенное сужение функций генитива, поскольку аналитические конструкции с пространственными наречиями встречались ещё в древнегреческом языке, когда генитив весьма активно использовался [6, р. 7]. В вышеупомянутой работе предлагается объяснять этот переход возможностью большей детализации пространственных отношений: у генитива есть разные функции, поэтому конструкция не всегда заменима одним и тем же предлогом. Таким же образом объясняется "расщепление" генитива при пространственных наречиях: древнегреческое $\dot{\epsilon}\pi\dot{\alpha}v\omega$ $\tau\eta\varsigma$ $\dot{\alpha}s$ 'на / над домом' можно детализировать, передавая аблативную функцию генитива предлогом $\alpha\pi\delta$ ($\pi\acute{\alpha}v\omega$ $\alpha\pi\delta$ то $\sigma\pii\tau\iota$ 'над домом'), тем самым подчеркивая отсутствие контакта, а функцию части целого передавая предлогом $\sigma \varepsilon$ 'в' ($\pi \acute{\alpha} v \omega \ \sigma \tau o \ \sigma \pi \acute{\iota} \tau \iota$ 'на доме').

Пьетро Бортоне посвящает целый раздел своей книги составным предлогам такого типа в новогреческом [7, р. 264—283], однако там тоже совсем не упоминаются наречия сторон света и "справа / слева", которые представляют немалый интерес: ведь они продолжают управлять генитивом и сохраняют неоднозначность. В примере (1) аэропорт находится вне центра города, в примере (2), напротив, Дейр-аль-Зор находится внутри страны:

Наречия с семантикой "справа / слева" тоже сохраняют неоднозначность: они могут обозначать как нахождение объекта внутри ориентира (примеры (3)—(4), так и вне его (пример (5)).

Конечно, по корпусным данным и Интернетузусу заметно, что и у этих наречий происходит постепенный сдвиг к предложному управлению (в большей степени у "справа / слева", в меньшей — у сторон света). Тем не менее непонятно, почему именно эти языковые единицы так "держатся" за архаичный морфосинтаксис, тогда как все остальные наречия полностью поменяли управление?

Можно попробовать поискать ответ в диахроническом развитии этих наречий: они сравнительно недавно начали функционировать в качестве наречий. Отношения "справа / слева" обозначались субстантивированными прилагательными с предлогом: в корпусе древнегреческого языка TLG [8] широко представлены такие конструкции, как $\dot{\varepsilon}v$ $\delta\varepsilon\xi\iota$ - $\tilde{\alpha}$ + gen (в правый-F.DAT. SG + gen) или $\dot{\varepsilon}\varkappa$ $\delta\varepsilon\xi\iota$ - $\tilde{\omega}v$ + gen (из правый-GEN. PL + gen). Наречия же с такой семантикой (например, $\dot{\alpha}\rho \iota \sigma \tau \epsilon \rho \tilde{\omega} \varsigma$ 'слева') очень редки и могут присоединять зависимые (ориентир в генитиве) только в поздних средневековых текстах (XII-XIV вв.). Стороны света в древнегреческом языке выражались исключительно существительными со значениями пространственных ориентиров (ἀνατολή 'восход', δύσις 'закат', βορέας 'северный ветер', ἄρχτος 'созвездие Медведицы' и т.д.), наречия начинают употребляться только в кафаревусе (литературный вариант греческого языка XIX-XX веков).

В языках мира пространственные наречия этимологически часто происходят от существительных с семантикой частей тела или ориентиров окружающей среды [9, р. 63—65]; см. также [10];

(1) To	αεροδρόμι-ο	του	Μπιλμπάο	βρίσκε-ται
ART:NOM.SG.N	аэропорт-NOM.SG	ART:GEN.SG.N	Бильбао	находиться-PRS.3.SG
περί τα	9 χιλιόμετρ-α	βόρεια	του	κέντρ-ου
примерно ART:ACC.PL.N	9 километр-ACC.PL	к северу	ART:GEN.SG.N	центр-GEN.SG
της	βασικ-ής	πρωτεύουσ-ας.		
ART:GEN.SG.F	главный-GEN.SG.F	столица-GEN.SG		

'Аэропорт Бильбао находится примерно в 9 километрах к северу (досл. "северно") от главной столицы' [2012.04.27 То В $\hat{\eta}$ µ α]

(2) Oı	ένοπλ-ες	δυνάμ-εις	της	Συρί-ας
ART:NOM.PL.F	вооруженный-NOM.PL.F	сила-NOM.PL	ART:GEN.SG.F	Сирия-GEN.SG
πραγματοποι-ούν	σήμερα	επιχειρήσ-εις	με	τανκ-ς
осуществлять-PRS.3.PL	сегодня	операция-ACC.PL	c	танк-ACC.PL
σ-την	μεγαλύτερ-η	πόλ-η	ανατολικά	της
в-ART:ACC.SG.F	величайший-ACC.SG.F	город-ACC.SG	на востоке	ART:GEN.SG.F
χώρ-ας,	σ-τη	Ντέιρ αλ Ζουρ		
страна-GEN.SG	в-ART:ACC.SG.F Дейр-аль-	Зор		

^{&#}x27;Вооруженные силы Сирии сегодня осуществляют танковые операции в самом большом городе на востоке (досл. "восточно") страны, в Дейр-аль-Зор' [2011.08.7 Ελευθεροτυπία]

(3) <> Oι ART:NOM.SG.M αιμαγείωμα гемангиома:AC 'Врачи нашли к [http://www.mar	C.SG авернозн	του ART:Gl в левой	гь:PFV-PST.3.PL EN.SG.M	εγκεφά мозг-G	λ-ου EN.SG	σηραγγώδ-ες кавернозный-ACC.SG.N
(4) το ART:ACC.SG.N καρδι-ά сердце-ACC.SG θώραχ-α. грудная клетка	είναι быть.РІ	που что ότι что	ξέρ-ει знать-PRS.3.SG βρίσκε-ται находиться-PR		үια о αριστερά слева	την ART:ACC.SG.F του ART:GEN.SG.M

^{&#}x27;Единственное, что он знает о сердце, это что оно находится в левой части грудной клетки' [http://hoopfellas.blogspot.com/2014/03/blog-post_11.html]

(5) Δεξιά справа	του ART:GEN.SG.M	Προέδρ-ου президент-GEN.SG	κάθε-ται сидеть-PRS.3.SG	o ART:NOM.SG.M	
Πρωθυπουρ	γ-ός				
HBOMI OB MI	TITIOTER NOM SC				

премьер-министр-NOM.SG

[11]; [12]. В процессе грамматикализации и перехода от именного морфосинтаксиса к наречному старая структура может продолжать параллельно использоваться [13, р. 222-224]; [14, р. 131].

Генитив обычно употребляется как приименной падеж, поэтому типологически частотное генитивное управление аргументов локативных наречий можно объяснить приименной функцией этого падежа [15, р. 581, 589]. Такие лексические единицы могут относиться к так называемым смешанным категориям: они имеют внешний синтаксис наречий / производных предлогов, однако присоединяют зависимые в родительном падеже, как существительные. Похожая ситуация наблюдается в языке хауса (относится к чадской семье афразийских языков), где производные от существительных предлоги имеют генитивную модель управления [16, р. 141–146].

От конкретных существительных (в случае сторон света) постепенно развиваются пространственные наречия с соответствующей семантикой; они имеют генитивное управление. В таблице 2 показана схема грамматикализации терминов сторон света.

4.1.1. Субстантивированные прилагательные

От существительных со значением ориентиров и сторон света сначала образуются прилагательные, которые впоследствии могут субстантивироваться при использовании в пространственных контекстах (обычно в форме среднего рода множественного числа, но иногда встречается также единственное число). Подобные употребления можно встретить уже в V в. до н.э. у Фукидида:

```
(6) έλθ-όντ-ες
                                   ές
                                                        Σικελί-αν
                                                                              στρατ-ός
                                          ART:ACC.SG.F Сицилия-ACC.SG
прийти-PTCP.PRS-NOM.PL
                                                                              войско-NOM.SG
                            PRT
                                                                       κρατοῦ-ντ-ες
                                                        Σικαν-ούς
πολ-ὺς
                            τούς
                                                 зт
                                                                      держать-PTČP.PRS-NOM.PL
многочисленный-NOM.SG.M
                            ART:ACC.PL.M
                                                        сикан-ACC.PL
                                                 И
                     ἀνέστειλ-αν
                                                                       μεσημβριν-ά
μάχ-η
                                                 πρὸς
                     оттеснить.PFV.PST-3.PL
                                                        ART:ACC.PLN южный-ACC.PL.N
сражение-DAT.SG
καὶ ἑσπέρι-α
                            αὐτ-ῆς
       западный-ACC.PL.N
                            она-GEN.SG
```

'Прибыв в Сицилию, большое войско одержало в сражении победу и оттеснило сиканов в южную и западную части её [Сицилии]' [17, 3. Thuc. 6.2.5]

Чтобы понять, насколько эта модель применима к ситуации в новогреческом языке, необходим анализ цепочки грамматикализации греческих наречий сторон света и "справа / слева"; этому посвящен следующий раздел.

- 4. Грамматикализация новогреческих пространственных наречий
 - 4.1. Грамматикализация терминов сторон света

Конечно, в этом контексте доступна только интерпретация термина как части ориентира (южная и западная часть Сицилии), и, скорее всего, присутствует эллипсис (опущена вершина μέρη (часть. ACC. PL. N), с которой и согласуются прилагательные $\mu \varepsilon \sigma \eta \mu \beta \rho i \nu \alpha$ 'южные' и $\dot{\varepsilon} \sigma \pi \dot{\varepsilon} \rho i \alpha$ 'западные'). В случае контекста (7) из псевдо-Аристотеля с описанием ветров $\tau \dot{o}$ $\mu \epsilon \sigma \eta \mu \beta \rho i v \dot{o} v$ уже явно имеет общую семантику южного направления:

^{&#}x27;Справа от президента сидит премьер-министр' [https://www.athensvoice.gr/greece/522667 proedriko-megaro-apo-mesa]

существительное →	прилагательное →	наречие на -ως →	наречие на -α
ἀνατολή	άνατολικός	άνατολικῶς	ανατολικά
восход / восток	восточный	на востоке	на востоке
δύσις	δυτικός	δυτικῶς	δυτικά
закат / запад	западный	на западе	на западе
βορέας	βόρειος	βορείως	βόρεια
северный ветер / север	северный	на севере	на севере
νότος	νότιος	νοτίως	νότια
южный ветер / юг	влажный / южный	на юге	на юге
μεσημβρία	μεσημβρινός	μεσημβρινῶς	
полдень / юг	полуденный / южный	на юге	_
δυσμή	δυσμικός	δυσμικῶς	
закат / запад	западный	на западе	_
έσπέρα	έσπέριος		
вечер / запад	вечерний / западный	_	_
ἔως (ἠώς)	έῷος (ἠοῖος)		
заря / восток	восточный	_	_
ἄρκτος созвездие Медведицы / север	ἀρκτικός / ἄρκτιος северный	_	_

Таблица 2. Схема грамматикализации терминов сторон света

(7) ò		μὲν	έξῆς	τῷ		καικί-α	καλεῖ-ται	
ART:NOM.SG.	M	PRT	смежный	ART:D	AT.SG.M	Кекий-DAT.SG	называться-Р	RS.3SG
βορέ-ας,		άπαρκη	τί-ας	δè	ò		ἐφεξῆς	ἀπὸ
Борей-NOM.SC	Ĵ	Апаркт	гиас-NOM.SG	PRT	ART:NO	OM.SG.M	смежный	OT
τοῦ	πόλ-ου		κατὰ		τò		μεσημβριν-ὸν	
ART:GEN.SG	полюс-	GEN.SC	G к		ART:A0	CC.SG.N	южный-АСС	.SG.N
πνέ-ων								

дуть-PTCP.PRS.NOM.M

'<...> смежный с Кекием называется Борей, Апарктиас же смежный с ним и дует от полюса на юг' [18, [Arist] De mundo. Bekker p. 394b line 31]

Однако в древнегреческих текстах и в текстах географов I–II вв. н.э. (Страбон, Птолемей) такие употребления единичны и обычно обозначают часть ориентира, как в примере (6), а не абстрактное направление. Важно, что субстантивированные прилагательные, в отличие от существительных — сторон света, могут использоваться с инэссивным предлогом $\dot{\epsilon}v$ 'в'; вероятно, это тоже происходит за счёт опущения вершины-существительного $\mu \dot{\epsilon} \rho - \epsilon \sigma iv$ (часть-DAT.PL.N), с которым согласуется прилагательное с семантикой сторон света; контексты без эллипсиса (как, например, (8)) очень многочисленны:

часть таких субстантивированных прилагательных (17 контекстов) используется для обозначения промежуточных сторон света (юго-восток, юго-запад, северо-восток, северо-запад). См. примеры (9)—(10).

В современном новогреческом субстантивированные прилагательные, как в примере (11), употребляются в локативных конструкциях; чаще они имеют интерпретацию внутри ориентира: см. пример (11).

Можно предположить здесь такую структуру: вершина прилагательного βόρεια (N.ACC.PL) опу-

(8) ἐν τοῖς νοτί-οις μέρ-εσι τῆς Ἰνδικ-ῆς
 B ART:DAT.PL.N южный-DAT.PL.N часть-DAT.PL ART:GEN.SG.F
 -...> в южных частях Индии <...> [19, р. 117. Strabo Geogr. 2.1.19.9]

В средневековой части корпуса TLG дела с субстантивацией обстоят похожим образом; в кафаревусе таких контекстов тоже немного (и в некоторых также возможна абстрактная интерпретация, как, например, в (9)). Однако появляются новые лексические единицы (см. пример (10)): значительная

щена (вероятно, это слово $\mu \acute{\epsilon} \rho \eta$ (части), которое часто используется в таких контекстах): см. Рис. 1.

Однако есть и контексты с однозначной внешней интерпретацией, и другой предполагаемой внутренней структурой: см. пример (12).

(9) ἡ σελήν-η ἦτον εἰς τ' ART:F.NOM.SG σκήν-η ἦτον σελήν-η σελήν-η διστον σελήν-η ΑRT:NOM.SG σελήν-η χ σελήν-η

восточный-ACC.PL.N

'Луна была на востоке' [А. Παπαδιαμάντης. Όνειρο στο κύμα. 1900]

(10) Kaì μὲν πρῶτ-ον τῶν ὀρ-έων ART:GEN.PL.N ART:NOM.SG.N первый-NOM.SG.N И **PRT** гора-GEN.PL τούτ-ων κεῖ-ται πρὸς νοτιοδυτικ-ά. этот-GEN.PL.N находиться-PRS.3.SG ART:ACC.PL.N юго-западный-ACC.PL.N δè Σταυροκοράκι τà πρὸς τὰ ART:NOM.SG.N **PRT** Ставрокораки ART:ACC.PL.N βορειοανατολικ-ὰ τοῦ πεδί-ου северо-восточный-АСС.РL.N ART:GEN.SG.N поле-GEN.SG

'Первая из этих гор находится к юго-западу, Ставрокораки же — к северо-востоку от поля'

[Σ. Λάμπρος. Ὁ ἐν Μαραθῶνι ναὸς τοῦ Διονύσου. 1878]

(11) Νεφώσ-εις με βροχ-ές και σποραδικ-ές облачность-NOM.PL с дождь-АСС.PL и рассеянный-NOM.PL

καταιγίδ-ες σ-τα βόρει-α της χώρ-ας гроза-NOM.PL в-ART:ACC.PL.N северный-ACC.PL.N ART:GEN.SG.F страна-GEN.SG

'Облачность с дождями и местами грозы в северной части страны'

[https://www.cnn.gr/ellada/story/260753/kairos-vroxes-sta-voreia-nefoseis-kai-afrikaniki-skoni-sta-notia-tis-xoras]

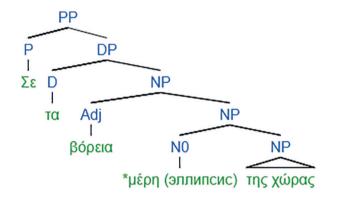

Рис. 1. Предполагаемая структура конструкции в (11)

Здесь очевидно, что Зуара и Атзелат — это не столица, а города, которые находятся вне ее. Можно предположить, что здесь субстантивирована наречная группа: см. Рис. 2.

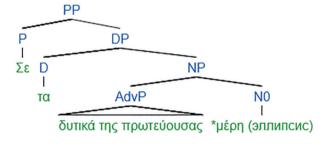
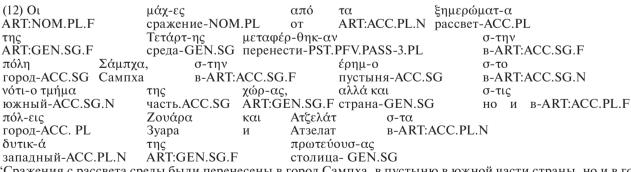

Рис. 2. Предполагаемая структура конструкции в (12)

только в кафаревусе (XIX—XX век), однако одно употребление пространственного наречия $\mu \varepsilon \sigma \eta \mu \beta \rho i v \tilde{\omega} g$ 'на юге' удалось найти уже в агиографическом тексте XII века ("Похвала Святому Христодулу" [20, р. 163—208]).

В кафаревусе наречия со сторонами света используются для обозначения положения в про-

'Сражения с рассвета среды были перенесены в город Сампха, в пустыню в южной части страны, но и в города Зуара и Атзелат к западу от столицы' [2011.08.24 То Вήμα 2011]

4.1.2. Наречия

Пространственные наречия со значением сторон света начинают активно использоваться

странстве и направления движения; это довольно частотная стратегия (из 304 локативных контекстов со сторонами света 60 маркированы

наречиями на $-\omega \varsigma$). Ориентир, если он есть, присоединяется в генитиве:

В итоге мы можем немного уточнить схему грамматикализации:

(13) o	να-ός	της	Αρτέμιδ-ος	έκει-το,
ART:NOM.SG.M	храм-NOM.SG	ART:GEN.SG.F	Артемида-GEN	находиться-PST.3.SG
ως είπ-ομεν	βορείω		εκκλησί-ας	του
как сказать.PFV-P	ST.1.PL к север	y ART:GEN.SG.F	церковь-GEN.SG	ART:GEN.SG.M
Αγί-ου	Γεωργί-ου.			

Святой-GEN.SG.M Георгий-GEN

Большая часть контекстов подразумевает, что объект находится вне ориентира (то есть "к северу от ориентира", а не "в северной части ориентира"), однако есть 6 неоднозначных контекстов, которые можно интерпретировать только на основе определенных экстралингвистических данных. Контекстов с однозначной внутренней интерпретацией обнаружено не было.

В димотике и новогреческом наречный суффикс $-\omega_{\zeta}$ заменяется на $-\alpha$; в употреблении остаётся только четыре корня сторон света и, таким образом, мы получаем формы $\alpha v \alpha \tau \sigma \lambda \iota v \alpha'$ 'на востоке', $\delta v \tau \iota v \alpha'$ 'на западе', $\beta \delta \rho \epsilon \iota \alpha$ 'на севере', $v \delta \tau \iota \alpha$ 'на юге'. Как было показано в разделе 2, в отличие от большинства других новогреческих пространственных наречий, они сохраняют генитивное управление и допускают неоднозначность интерпретации: объект может находиться как внутри ориентира и быть его частью (пример (2)), так и вне его (пример (1)).

существительное \rightarrow прилагательное \rightarrow субстантивированное прилагательное \rightarrow наречие на $-\omega\varsigma$ (первое употребление в XII веке, но в основном кафаревуса XIX—XX века) \rightarrow наречие на $-\alpha$ (димотика и новогреческий).

4.2. Грамматикализация терминов справа/слева

4.2.1. Субстантивированные прилагательные

В отличие от сторон света, термины справа / слева в древнегреческих текстах мы можем наблюдать в виде прилагательных и субстантивированных прилагательных. Пространственные контексты обозначаются предлогом и прилагательным "правый / левый" в соответствующем падеже. Причём могло использоваться как единственное число в женском роде (очевидно, имеет место опущение слова $\chi \varepsilon i \rho$ 'рука'), так и множественное. В примере (14) дана иллюстрация того, как использовались эти конструкции:

(14) ἀρξαμέν-η начинающийся ἐστὶν быть.PRS.3.SG	ἀπὸ	τοῦ	δὲ PRT EN.SG.N		OM.SG.F στόματ-ος устье-GEN.SG	τοῦ	-NOM.SG	αὕτ-η DEM-N Πόντ-οι Ποнт-С	-
μέχρις	Ήρακλε	2		δεξι-ὰ	N ACC DI	είς	τὸν		Πόντ-ον
дο εἰσπλέ-οντι	Геракле	H-GEN	на	правыи	-N.ACC.PL	В	ART:ACC.SG.M		Понт-ACC.SG
вплывающий-Г	DAT SG N	Л							

"Эта часть Фракии начинается в устье Понта [и простирается] до Гераклеи, [находясь] направо от плывущего в Понт' [21. Хеп. Anab. 6.4.1–2]

Таблица 3. Схема грамматикализации терминов "справа / слева"

прилагательное ->	наречие на -ως →	наречие на -α
δεξιός πραвый ἐκ δεξιῶν / ἐπὶ δεξιά / ἐν δεξιᾳ	δεξιῶς справа	δεξιά справа
ἀριστερός πεвый ἐξ ἀριστερῶν / ἐπ' ἀρστερά / ἐν ἀριστερῷ	ἀριστερῶς слева	αριστερά слева
εὐώνυμος левый	εὐωνύμως	
σκαιός левый		
λαιός левый	_	_

^{&#}x27;Храм Артемиды находился, как мы сказали, к северу от церкви Святого Георгия' [Г. П α π α δ η μ η τ ρ (ου. Β ρ α υ ρ ω ω . 1945—1963]

В примере (14) Фракия находится вне ориентира (в данном случае наблюдателя), но такие предложные конструкции с семантикой "справа / слева" могли использоваться и для обозначения правой / левой части ориентира (подробнее об этом см. [22]).

новогреческом таких форм нет: присутствуют только наречия на $-\alpha$.

В классических текстах TLG нашлось лишь два примера, похожих на современные наречия, но к ним не присоединяется ориентир в генитиве:

(15) τίς ἐφέστηκ-εν **δεξιὰ** πλευρ-οῖς;⁷ кто встать-PST.3.SG справа сторона-DAT.PL 'Кто встал справа?' [23. Eur. Hipp. 1360]

(16) ἐπεὶ δὲ ἀνέβ-η καὶ ἔστ-η

когда PRT подняться.PFV-PST.3.SG и встать.PFV-PST.3.SG ἀποβλέπ-ων ηξπερ ἔμελλ-ε πορεύ-εσθαι, смотреть-PTCP.PRS.NOM.SG.M куда намереваться-PST.3.SG пойти-INF.PRS

βροντ-ὴ δεξιὰ ἐφθέγξ-ατο

гром-NOM.SG справа звучать.PFV-PST.3.SG

'Когда он сел на коня и замер так, вглядываясь вдаль и выбирая, куда двинуться, справа неожиданно раздался гром⁸' [24. Xen. Cyrop. 7.1.3]

В кафаревусе и новогреческом субстантивированные конструкции продолжают активно использоваться, но на первый план в этих конструкциях выходят предлоги $\pi\rho\delta\varsigma$ 'к, по направ-

Уже начиная с "Географии" Страбона (І в. до н.э. — І в. н.э.) в пространственных контекстах встречаются наречные формы ещё одного падежа — датива ($\delta \varepsilon \xi i \tilde{\alpha}$ 'справа' и $d \rho i \sigma \tau \varepsilon \rho \tilde{\alpha}$ 'слева'):

(17) δεξι-ᾶ δὲ ταῦτ-α ἀφ-εὶς καὶ τà правый-DAT.SG.F покинуть-РТСР.AOR.ACT **PRT** этот-ACC.PL.N ART:ACC.PL.N И Κομμαγην-ῶν, τῶν ἀριστερ-ᾶ δέ τὴν ART:ACC.SG.F ART:GEN.PL Коммаген-GEN.PL левый-DAT.SG.F **PRT** Σωφην-ήν μεγάλ-ης Άρμενί-ας Άκιλισην-ήν καὶ τῆς ART:GEN.SG.F великий-GEN.SG.F Акилисена-АСС Софена-АСС Армения-GEN πρόεισιν έπὶ Συρί-αν τήν продвигаться.PRS.3.SG ART:ACC.SG.F Сирия-АСС [о русле реки]: оставив их [горы] и земли Коммагенов справа, слева же — великоармянские Акилисену и Софену,

лению к', $\alpha\pi\delta$ 'от' и $\varepsilon i\varsigma$ 'в' (в новогреческом в форме $\sigma\varepsilon$). Модель употребления этих терминов такая же, как у субстантивированных прилагательных сторон света, описанных в разделе 4.1.1 (могут обозначать как левую/правую часть ориентира, так и что-то, находящееся вне ориентира). Однако в кафаревусе и новогреческом на первый план выходят наречия, о которых пойдёт речь в следующем разделе.

протекает к Сирии. [26, р. 480. Strabo Geogr 11.12.3]

4.2.2. Наречия

Пространственные наречия на $-\omega \varsigma$ с семантикой "справа / слева" очень редки⁶ и появляются в корпусе со II—III вв. н.э. В кафаревусе и

В период койне дательный падеж потерял большинство своих функций и использовался непоследовательно не только в бытовых папирусах, но и в архаизирующих текстах (см. [27, р. 36–37]; [28, р. 114–117], поэтому появление этой новой конструкции выглядит необычно. Часть таких контекстов представляют собой явную отсылку к Ветхому Завету, частичную цитату, однако в самом первоисточнике используются другие стратегии. В Септуагинте мы повсеместно встречаем сочетания ἐκκλίνω δεξιά/εἰς τὰ δεξιά/ $\delta \varepsilon \xi i \dot{\alpha} v^9$ (отклоняться направо), однако Василий Великий, Иоанн Златоуст и некоторые другие византийские авторы предпочитают использовать в этой конструкции датив. Такая стратегия засвидетельствована вплоть до текстов на кафаревусе (XIX-XX вв.), она не очень частотна (4 целевых контекста, 14 локативных), однако эта цифра в реальности может быть значительно выше из-за

 $^{^{6}}$ A р $_{10}$ 7 6 2 6 2 2 6 2

 $^{^{7}}$ В этом контексте встречается разночтение: $\delta \epsilon \xi i \acute{\alpha}$ заменено на функционирующее похожим образом наречие $\dot{\epsilon} v \delta \dot{\epsilon} \xi i \alpha$ (префикс $\dot{\epsilon} v$ обозначает 'в').

⁸ Перевод: [25, с. 156].

того, что многие тексты оцифрованы лишь в монотоническом виде, и датив в них внешне не отличается от наречия.

В итоге можно уточнить схему грамматикализации следующим образом:

прилагательное \rightarrow субстантивированное прилагательное \rightarrow наречные формы на $-\alpha$ / $-\tilde{\alpha}$ / наречие на $-\omega$ \rightarrow наречие на $-\alpha$.

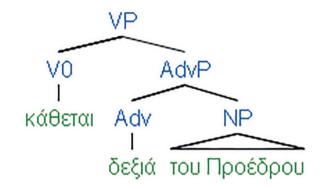
премьер-министр-NOM.SG

'Справа от президента сидит премьер-министр' [https://www.athensvoice.gr/greece/522667_proedriko-megaro-apo-mesa]

5. Заключение и выводы

Таким образом, есть основания считать, что модель смешанных категорий подходит для объяснения сохранения консервативной модели управления греческих наречий "справа / слева" и сторон света: они имеют именное происхождение (особенно показательны здесь "протонаречия" "справа / слева" в виде застывших дативов) и вплоть до XIX—XX в. в основном употреблялись как существительные и субстантивированные прилагательные.

Кроме того, эти термины используются в качестве существительных в локативных конструкциях и на синхронном уровне (σ - $\tau \alpha$ $\beta \delta \rho \epsilon \iota \alpha$ $\tau \eta \varsigma$ $K \rho \eta \tau \eta \varsigma$ — в-ART:N.NOM.PL северный.N.NOM.PL ART:GEN.SG Крит.GEN.SG — 'на севере Крита'); в работе было выдвинуто предположение, что это

как существительные и сохраняют свойственную

Поэтому конструкции с внешней интерпрета-

цией, такие как (1), (5), представляют собой нареч-

ную группу (см. рис. 3), в то время как для пред-

ложений типа (2), (3), (4), где наречие с генитивом

обозначает нахождение объекта внутри ориентира,

можно предложить другую структуру (рис. 4).

существительным модель управления.

Рис. 3. Предполагаемая структура конструкции в предложении (5)

μόν-ο ξέρ-ει για την ART:ACC.SG.N единственный-ACC.SG.N знать-PRS.3.SG о ART:ACC.SG.F что καρδι-ά ότι είναι βρίσκε-ται αριστερά сердце-ACC.SG быть.PRS.3.SG что находиться-PRS.3.SG ART:GEN.SG.M слева θώραχ-α.

грудная клетка-GEN.SG

'Единственное, что он знает о сердце, это что оно находится в левой части грудной клетки' [http://hoopfellas.blogspot.com/2014/03/blog-post_11.html]

могут быть омонимичные конструкции где, с одной стороны, пространственный термин может функционировать как прилагательное среднего рода, с другой — как субстантивированная наречная группа (см. примеры (11)—(12) и рис. 1—2). При этом стороны света используются в контекстах с субстантивацией значительно чаще других пространственных терминов (см. таблицу 1), а приименной генитив в новогреческом языке используется очень активно и не демонстрирует явных признаков упадка [2, р. 1].

Таким образом, можно предположить, что наречия сторон света сохраняют генитивное управление и синтаксис смешанной категории из-за того, что они до недавнего времени осмыслялись Здесь предполагается, что в качестве зависимого *аріотєра́* 'слева' присоединяется к глаголу как обычное наречие, а вот внутренняя синтагматика осталась именной. Подобный анализ был предложен для итальянского infinitivo sostantivo (субстантивированный инфинитив), который функционирует в предложении как существительное, но сохраняет глагольную морфологию и управляет зависимыми как глагол *il suo continuo mormorare parole dolci* — его постоянное бормотание (досл. "бормотать") нежных слов (досл. "нежные слова", сохраняется прямое дополнение, как при глаголе, хотя существительные обычно присоединяют такие зависимые с помощью предлога *di*) (см. [29, р. 219—260]; [30, р. 5—6]).

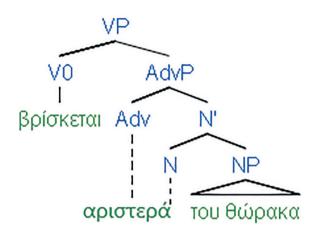

Рис. 4. Предполагаемая структура конструкции в предложении (4)

В эту схему не укладываются наречия на $-\omega \varsigma$, которые могли использоваться в позднеантичных, средневековых текстах и кафаревусе, однако с ними не засвидетельствовано ни одного употребления, где объект, положение которого определяет наречие, находился бы внутри ориентира или был его частью (то есть структура на рис. 3). Ещё один аргумент против такой интерпретации - отсутствие видимых синтаксических различий между примерами с внешней и внутренней интерпретацией (по крайней мере, на данный момент их найти не удалось, все различия лежат в области семантики). С другой стороны, пока что не получилось найти альтернативных объяснений этому явлению; возможно, это будет сделано в последующих исследованиях.

В любом случае это лишь первое приближение к изучению таких наречий в греческом: как было сказано во введении и в разделе 3, исследователи морфосинтаксиса пространственных терминов не включали в рассмотрение "справа / слева" и стороны света. Кроме того, полученные результаты представляют интерес не только для исследования смешанных категорий, но также для изучения механизмов утраты грамматических категорий (в данном случае генитива): периферийные и низкочастотные пространственные термины оказались "центральными" для генитивной конструкции.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАШЕНИЙ

1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; досл. — дословно; ACC — аккузатив; ACT — активный залог; AOR — аорист; ART — артикль; DAT — датив; DEM — демонстратив; F — женский род; GEN — генитив;

INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; М — мужской род; N — средний род; NOM — номинатив; MPASS — медиопассивный залог; PFV — перфектив; PRF — перфект; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PRT — частица; PTCP — причастие; SG — единственное число.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- 1. *Bybee J.* Frequency of use and the organization of language. Oxford, 2007.
- 2. *Mertyris D*. The loss of the genitive in Greek. A diachronic and dialectological analysis. Phd Thesis, La Trobe University, Melbourne, 2014.
- 3. Корпус греческого языка [Corpus of Modern Greek]. URL: http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface language=ru
- Ferguson Ch.A. Diglossia // Word. 1959. Vol. 15. P. 325–340.
- 5. *Mackridge P.* Language and National Identity in Greece, 1766–1976. Oxford, 2009.
- 6. Theophanopoulou-Kontoú D. Τοπικά επιρρήματα και "πτώση" στην ελληνική: διαχρονική προσέγγιση [Topiká epirrímata kai "ptósi" stin ellinikí: diakhronikí proséngisi [Spatial Adverbs and 'Case' in Greek: a Diachronic Approach]]. Glossologia 11–12, 2000, pp. 1–40. (In Greek)
- 7. *Bortone P.* Greek prepositions: From antiquity to the present. Oxford University Press, 2010.
- 8. TLG Thesaurus linguae graecae. URL: http://stephanus.tlg.uci.edu
- 9. *Heine B., Kuteva T.* The genesis of grammar: A reconstruction. Vol. 9. Oxford University Press, 2007.
- 10. *Brown C.H.* Where do cardinal direction terms come from? // Anthropological linguistics 25 (2), 1983, pp. 121–161.
- 11. Heine B., Kuteva T. World lexicon of grammaticalization. Cambridge University Press, 2002.
- 12. *Svorou S*. The Grammar of Space. Amsterdam: John Benjamins, 1984.
- 13. *Heine B., Claudi U., and Hünnemeyer F.* Grammaticali zation: A conceptual framework. University of Chicago Press, 1991.
- 14. Sonnenschein A.H. The Grammaticalization of Relational Nouns in Zoogocho Zapotec. UC Berkeley: Department of Linguistics. 2004. URL: https://escholarship.org/uc/item/35x6s3h0
- 15. *Lander Y.* Varieties of genitive. Malchukov A., Spencer A. (eds.). The Oxford Handbook of Case. Oxford: Oxford University Press, 2009, pp. 581–592.

- Nikitina T. The mixing of syntactic properties and language change. PhD thesis, Stanford University, 2008.
- 17. *Alberti G.B.* (ed.). Thucydidis Historiae. Roma: Instituto Polygraphico dello Stato. Vol. 3 (Books 6–8), 2000.
- 18. Bekker I. (ed.). Aristoteles. Berolini. Vol. 1: 1831.
- 19. *Kramer G.* (ed.). Strabonis Geographica. Vol. 1. Berolini, 1844.
- 20. Βοΐνης Κ. (ed.). ἀκολουθία ἱερὰ τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Χριστοδούλου τοῦ Θαυματουργοῦ. Αθήνησιν [Boines K. (ed.). Akolouthía hierà tou hosíou kaì theophórou patròs hēmōn Khristodoúlou tou Thaumatourgou]. Athens, 1884, pp. 163–208. (In Greek)
- 21. Marchant E.C. (ed.). Xenophontis Opera Omnia. Vol. 3. 1900.
- 22. *Nikitina T.* Ablative and allative marking of static locations: A historical perspective. Luraghi S., Nikitina T., Zanchi C. (eds.). Space in Diachrony. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 67–94.

- 23. *Murray G.* (ed.). Euripidis fabulae. Vol. 1. Londini et Novi Eboraci: Oxonii E. Typographeo Clarendoniano 1902.
- 24. *Marchant E.C.* (ed.). Xenophontis Opera Omnia. Vol. 4. 1900.
- 25. *Ксенофонт*. Киропедия. М.: Наука, 1976. [Xenophon. Cyropaedia. Moscow, Nauka Publ., 1976. (In Russ.)].
- Kramer G. (ed.). Strabonis Geographica. Vol. 2. Berolini. 1847.
- 27. *Browning R*. Medieval and Modern Greek. Cambridge, 1983.
- 28. *Horrocks G*. Greek: a History of the Language and its speakers. Second Edition. Chichester. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010.
- 29. *Zucchi A*. The Language of Propositions and Events. Springer Netherlands, 1993.
- 30. *Bresnan J.* Mixed categories as head sharing constructions. Proceedings of the LFG97 Conference, Stanford: online CSLI Publ. 1997.

Дата поступления материала в редакцию: 10 июня 2021 г. Статья поступила после рецензирования и доработки: 3 августа 2021 г. Статья принята к публикации: 16 августа 2021 г. Дата публикации: 31 октября 2021 г.

> Received by Editor on June 10, 2021 Revised on August 3, 2021 Accepted on August 16, 2021 Date of publication: October 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017127-2

"Окаянные дни" И. А. Бунина в историческом контексте: между реализмом и гиперреализмом

© 2021 г. Паола Чони

Кандидат исторических наук, директор Итальянского института культуры Санкт-Петербурга, Россия, 190000, Санкт-Петербург, Театральная площадь, д. 10 paolacioni@gmail.com

Резюме. Задача статьи — переосмыслить "Окаянные дни" И.А. Бунина как важный переходный пункт между реализмом XIX века и современным гиперреализмом. Автор концентрирует внимание в первую очередь на том, как писатель использует документы — не только для того чтобы "сфотографировать" реальность, но и для того чтобы донести свою точку зрения. Сам Бунин объявляет о своем намерении подействовать на общественное мнение, предлагая правду, закрепленную фактами, и тем самым предвосхищает его современное гиперреалистическое прочтение. В работе делается отсылка к теориям, изложенным Раффаэле Доннарумма в книге 2014 г., где концепция гиперреализма, ранее применявшаяся главным образом к живописи и скульптуре, используется для анализа современной литературы. Политическая пристрастность Бунина, который в те годы находится в лагере противников революции, также является типичной характеристикой современных гипермодернистских писателей. В такой перспективе "Окаянные дни" дают пример новой для его времени формы реализма, более чем на век упреждая современную прозу.

Ключевые слова: Бунин, "Окаянные дни", гиперреализм, новый реализм, Р. Доннарумма, русская революция.

Для цитирования: *Чони П.* "Окаянные дни" И.А. Бунина в историческом контексте: между реализмом и гиперреализмом // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 46—51. DOI: 10.31857/S241377150017127-2

"Cursed Days" by I. A. Bunin in Their Historical Context: Between Realism and Hyperrealism

© 2021 Paola Cioni

Doct. Sci. (Hist.),
Director of Italian Institute of Culture in Saint Petersburg,
10 Teatralnaya Sq., Saint Petersburg, 190000,Russia
paolacioni@gmail.com

Abstract. The article proposes to re-read "Cursed Days" by I. Bunin as an important junction between nineteenth-century realism and contemporary hyperrealism. The author focuses attention primarily on how the writer uses documents not only to capture a photographic image of reality, by inserting those documents into the narrative, but also to make his point of view abundantly clear. After all, it is the writer himself who declares his intention to wield public opinion by offering the truth proven by hard facts. Thereby Bunin paves ground for contemporary hyper-realistic literature. Theoretically, the article draws on the critical works by Raffaele Donnarumma, particularly his book "Ipermodernità. Dove va la narrativa contemporanea" (2014), where the concept of hyperrealism, previously applied to painting and sculpture, is used for the analysis of contemporary literature. Bunin's political commitment, which back then was representative of opponents of the revolution, is also a typical feature of contemporary hypermodern writers. From this perspective, the

work of Ivan Bunin is reconsidered in all its modernity, as a form of realism that precedes contemporary hypermodern fiction by more than a century.

Key words: Bunin, "Cursed days", hyperrealism, New Realism, R. Donnarumma, russian revolution.

For citation: Cioni, P. "Okayannayie dni" I.A. Bunina v istoricheskom kontekste: mezhdu realizmom i giperrealozmom ["Cursed Days" by I.A. Bunin in Their Historical Context: Between Realism and Hyperrealism]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 5, pp. 46–51. (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150017127-2

"Окаянные дни", безусловно, одно из самых неоднозначных произведений Ивана Бунина. Это верно и со стилистической точки зрения, и из-за сложностей с определением жанра произведения. В критике он определяется по-разному: для кого-то это просто дневник, для кого-то "художественный дневник", для кого-то историческое свидетельство, но есть и те, кто считает это произведение художественным¹. Было бы слишком легко сказать, что во всех определениях есть доля правды, но этого было бы недостаточно, чтобы понять сложность и современность книги.

Исключительный характер ситуации, в которой Бунин жил с 1917 по 1919 год, определенно не позволял ему посвятить себя писательству в классическом смысле этого слова. Реалистический роман XIX века, продолжателем традиций которого он в то время считался, не имел достаточных художественных средств, чтобы вмещать в себя новую реальность и описывать ее. К тому же несомненно, что для сочинения романов у Бунина тогда не было ни материальных, ни психологических условий. Уже в декабре 1917 г. он сообщал А.Н. Тихонову (Сереброву), который собирался вместе с Горьким издавать литературный альманах "Парус" и надеялся получить новые бунинские вещи: "Я ничего не писал ни летом, ни осенью, у меня вся голова посерела от свободы, равенства и братства" (цит. по: [2, с. 528]). Писатель стал свидетелем ужаса, трагедии, разрушившей мир, к которому он принадлежал, и Россию, которую он любил и которая, как он уже понимал, никогда не сможет быть прежней. Революционная Россия отвергала его как представителя старых социальных классов, в ней писатель, подобный ему, больше не мог найти себе места.

Но сознание Буниным своей писательской миссии потребовало, чтоб он как бы "задокументировал" реальность, придя к новой форме письма, оставил документальные свидетельства о переживаемом хаосе, выразил свои страхи и

надежды. В этой ситуации писатель фрагментирует записи, смешивает стили, объединяет с дневниковыми заметками вырезки из газет, пересказывает слухи и т.п., видя в этой манере письма единственно возможный способ рассказать о реальности, в которой теперь живет. В хаосе на самом деле нет логики, и если вы хотите о нем рассказать, вам нужно воспроизвести его тенденцию в письменной форме. Постоянное использование газетных статей помогает привязать повествование к фактам. И, на наш взгляд, наиболее новаторской в "Окаянных днях" является как раз документальная часть. Как справедливо пишет Д. Риникер, "Бунин хотел в своем произведении зафиксировать и передать как можно более точно события, свидетелем и очевидцем которых он стал во время революции и гражданской войны" [3, с. 631], но реалистическое "фотографирование", предлагаемое Буниным, связано не только с этим аспектом и не только с развитием в те годы документальной прозы, которая, как писал Ю.Н. Тынянов, претендовала на то, чтобы превращать "факт быта" в "литературный факт" [4, с. 257]. Использование документа (или, как в случае с Буниным, новостной статьи) требует со стороны тех, кто его использует, принятия на себя ответственности за него. Тот, кто считает своим долгом засвидетельствовать происходящие ужасы, должен предоставить читателю объективные данные. Но в данном случае источник доверия не позитивистского типа: здесь, скорее, можно говорить об этической ответственности писателя и его субъективных пристрастиях. Документ скрывает двойную истину – истину о том, кто его написал, и истину того, кто его использует, и таким образом выстраивается сложный дискурс для собственной интерпретации происходящего.

Данные особенности делают "Окаянные дни" глубоко новаторским произведением для своего времени. По нашему мнению, если бы они были написаны сегодня, в них можно было увидеть ту новую форму реализма, которую современные критики (например, Раффаэле Доннарумма) называют "гиперреализмом" и в которой

 $^{^1}$ О существующих жанровых дефинициях "Окаянных дней" см.: [1, с. 22–23].

документальная поэтика играет важную роль, причем совершенно отличную от той, которую она имела в реалистичной литературе XIX века (см.: [5, с. 256]).

Гиперреализм в живописи, как и в литературе, стремится к тому, чтобы заснять реальность с максимальной точностью. Поэтому если гиперреалистичная живопись использует фотографические техники, то гиперреалистичная литература использует документ, газетную статью, дневник, прямое свидетельство очевидца. На самом деле гиперреализм в какой-то степени взаимодействует с постмодернизмом, превозносится над ним, не заменяя его полностью. Однако необходимо отметить, что, как это было во времена модернизма, реализм не вымещается полностью, а приобретает различные коннотации, продолжая скрыто существовать, так и не исчезая. В свое время Бунин был тому примером, и в этом смысле "Окаянные дни" представляют собой одно из лучших проявлений полностью обновленного реализма, вызванного потребностью засвидетельствовать травматический исторический факт с помощью литературы, расширяя ее экспрессивные возможности. В то время как писатели-натуралисты и реалисты пытались создавать произведения, которые сами по себе были бы документами, скрывающими и повторно поглощающими источники в ткани повествования, Бунин в "Окаянных днях", как и некоторые сегодняшние реалистические писатели, использует источники во всей их грубости, несмотря на некоторые авторские переделки. Повествование, таким образом, становится многоголосым и имеет тенденцию умножать обязанности: ответственность того, кто подготовил документ, и ответственность автора, который, используя документ, подтверждает его авторитет, "...как свидетель на суде, и делает его основой собственный авторитет" [5, с. 122].

Однако между документом и авторским текстом нет другого уравнения, кроме ответственности. Фактически именно кавычки и цитата отделяют документ от авторского письма, которое, следовательно, претендует на то, чтобы превзойти его. Факт остается фактом: документ — это социальное слово, поддающееся проверке, а локальность, которую рассказчик приписывает себе, находится вне его, поэтому она подвержена ограничениям, которые в первую очередь относятся к источнику, и даже сильнее ограничена, чем у натуралистов XIX века (где, по сути, источник был скрыт и ловко удален из-под контроля читателя) (см.: [5]). Документальный реализм

выявляет отношения между повествованием и новостями, отличные от отношений в романах XIX века². От Стендаля до Достоевского великий реалистический роман всегда подпитывался фактами, доходившими до него из новостей: за Эммой Бовари или Раскольниковым стоят истории реальных людей, о которых, однако, помнят только специалисты. И это правильно, поскольку их существование не является фундаментальной основой в построении и использовании произведения. У Бунина все наоборот. Писатель смотрит на реальность не только как на источник, порождающий произведение, а действительно как на то, что произведет изменение в сознании. И в этом смысле он не отказывается от того, чтобы его голос звучал. Не случайно, решая опубликовать "Окаянные дни" в газете "Возрождение", он пишет П.Б. Струве: «Думаю, что я правильно поступаю, давая "Окаянные дни", - в них и беллетристика, и все прочее, нужное, еще очень нужное для времени» [7, с. 7].·

Отмечая, что текст является "нужным для времени", сам Бунин разъясняет публицистический характер произведения, свое намерение воздействовать на общественное мнение, предлагая правду, закрепленную фактами. Это тоже является характерной чертой современного гиперреализма, при котором писатель выходит из тени, снова занимается тем, чтобы изменить реальность, и пытается повлиять на общественное мнение. Как заявляет Ф. Феррари, "подтверждается идея, что реализм имеет характеристики не только познавательные, но также этические и политические" [6, с. 69].

В этом смысле вспоминается успех романа "Гоморра" Р. Савьяно (рус. пер.: [8]), где автор "объединяет повествовательную экспозицию невыдуманных документов и навязчивое присутствие тела автора в функции правдивости" [9]. Речь идет о практически том же методе, каким пользовался Бунин в "Окаянных днях". В обоих произведениях автор постоянно присутствует, доводя до крайности концепцию очевидца фактов и усиливая свою позицию через документы. Политические аспекты этих книг отчетливо различимы с первых страниц. Несмотря на то что их авторы ведут разные баталии, в обоих случаях они приобретают этический характер, воздействующий

² Как пишет философ Ф. Феррари в своем эссе "Documentalità" ("Документальность"), "документы имеют практические цели либо нацелены главным образом на взывание к чувствам" [6, р. 361].

на сознание читателей³. Впрочем, резкая антибольшевистская позиция Бунина является ясным объявлением "войны" революции, в которой он ничего не принимает. Он открыто и прямо заявляет о своей пристрастности: «Еще не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно <...> Это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша "пристрастность" будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна "страсть" только "революционного народа"? А мы-то что ж, не люди, что ли?» [10, с. 14]. Эта позиция была ясно выражена и в лекции "Великий дурман", которую он провел в Большой химической аудитории Новороссийского университета в Одессе в сентябре 1919 г.: "Мы не с октября, а с самого марта семнадцатого года пребываем в этом мраке, этом дурмане, дурмане злом, диком и, как всякий дурман, прежде всего переполненном нелепостями, на этот раз нелепостями чудовищными. И дурман этот еще длится, и человек, более или менее не поддавшийся ему, поминутно с ужасом и с изумлением протирает глаза. Кровь продолжает течь реками, - нелепейшая в мировой истории, колоссальная война между русскими, между двумя огромными русскими армиями, одна из которых идет под высоким водительством бывшего газетного корреспондента, еще в полном разгаре" [11, с. 258–259].

В лекции "Миссия русской эмиграции", с которой Бунин выступил 16 февраля 1924 г., он еще более резок в отношении революции и очень ясно высказывается о том, каким должно быть отношение интеллигенции к новому правительству (см.: [12]). "Миссия русской эмиграции, - говорил Бунин, - доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет Ленинских градов, Ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия" [13, с. 3]. То, о чем заявляет Бунин в своем выступлении, это – принятие ответственности в отношении страны, которая, разумеется, с его точки зрения, просит жесткой оппозиции против нового правительства.

Если вернуться к определению, которое Бунин дал своим "Окаянным дням" в письме к Струве, то необходимо принять во внимание, что автор, подчеркивая "беллетристический аспект" своего творения, воспринимает его как любое другое литературное произведение, а не простой дневник, как его определяют некоторые исследователи (см., например: [14]; [15]; [16]). Таким образом, нам кажется абсолютно приемлемым мнение А.В. Бакунцева, который в своем интересном эссе, посвященном творчеству Бунина, подчеркивает: «Очевидно, что в своем главном произведении о "великой русской революции" писатель не стремился к абсолютной документальной точности. Однако присутствие в "Окаянных днях" сильного "беллетристического" элемента (на который указывал сам автор), а также явных фактических ошибок вовсе не делает эту книгу недостоверной. Вообще, в применении к "Окаянным дням" (и другим, близким по духу произведениям - как, например, "Петербургские дневники" З.Н. Гиппиус, "Солнце мертвых" И.С. Шмелева) целесообразно говорить о достоверности особого рода. Это не столько достоверность факта, сколько достоверность чувства, достоверность сугубо личного и очень честного отношения автора к современной ему действительности» [1, с. 35]. Соглашаясь с мнением А.В. Бакунцева, отметим, что, на наш взгляд, "Окаянные дни" - это произведение, в котором отражаются сложности времени, а также форма реализма, глубоко смешанного с модернистским опытом, который направлен также на духовный мир и ищет новые экспрессивные формы. Эти экспрессивные формы, далекие от чисто эстетического понимания литературы, могли бы выразить с наибольшей точностью трагически пережитый исторический опыт. Операция, которую хочет провести Бунин, проста: подвести литературу под практическую, этическую, гражданскую цель.

Все эти элементы, если принимать в расчет время, когда "Окаянные дни" были написаны, делают это произведение глубоко новаторским, заслуживающим сегодня повторного прочтения в контексте нашей современности. Литературная инновация "Окаянных дней" кажется очевидной, если сопоставить это произведение с сегодняшними литературными тенденциями. Такая работа кажется необходимой для изучения эволюции реализма, который с XIX века до наших дней претерпел важные изменения. Даже когда кажется, что он исчезает, замененный полностью противостоящими ему литературными течениями, он остается фоном, обогащенным предыдущим опытом. Не случайно современные критики говорят

³ В этом смысле можно прочитывать и творчество С. Алексеевич, которая, не используя письменные документы, соединяет в своих произведениях большое количество прямых свидетельств с целью рассказать правду, альтернативную официальной, таким образом она занимает ясную политическую позицию и действует так же, как и вышеуказанные авторы.

о рождении в России Нового реализма, кор- 13. Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Руль. ни которого они обнаруживают в 1920-х годах (см.: [17, с. 53]), не вспоминая при этом (на наш взгляд, ошибочно) Бунина.

В этой перспективе "Окаянные дни" представляют собой важный этап в развитии реализма, оказываются переходным звеном между реализмом XIX века и современным гиперреализмом, предвосхищая многие черты последнего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Бакунцев А.В. "Окаянные дни": особенности работы И.А. Бунина с фактическим материалом// Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2013. № 4. С. 22-36.
- 2. Нинов А.А. М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества. Л.: Сов. писатель, 1984. 559 с.
- 3. Риникер Д. "Окаянные дни" как часть творческого наследия И.А. Бунина // И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 625-650.
- 4. Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255–269.
- 5. Donnarumma R. Ipermodernità. Dove va la narrativa contemporanea. Dove va oggi la letteratura, Bologna: Il Mulino, 2014. 250 p.
- 6. Ferrari M. Nuovo realismo // Rivista di estetica. 2011. № 3 (48). P. 69–93.
- 7. Переписка И.А. Бунина с П.Б. Струве (1920— 1943). К 100-летию со дня их рождения / Публ. Б.П. Струве // Записки Русской академической группы в США. 1968. Т. 2. С. 61–109.
- 8. Савьяно Р. Гоморра / Пер. с итал. М.: Geleos Publishing House, 2010. 348 c.
- 9. Dalmas D. Nuova narrativa italiana e realismo // Comparative Studies in Modernism. 2016. № 9 (Fall). P. 29-44.
- 10. Бунин И.А. Собр. сочинений: В 6 т. М.: Сантакс, 1994. T. 6. 414 c.
- 11. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин: В 2 т. М.: Посев, 2005. Т. 1. 303 c.
- 12. Бакунцев А.В. Речь И.А. Бунина "Миссия русской эмиграции" в общественном сознании эпохи (по материалам эмигрантской и советской периодики 1920-х гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, 2013. М., 2014. C. 268-337.

- 1924. № 1013, 3 anp. C. 5-6.
- 14. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М.: Московский рабочий, 1995.
- 15. Руцкий А.Н. "Окаянные дни" И.А. Бунина: поэтика жанра // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 6 (18). C. 64–66.
- 16. Гунько Л.О. Взаимодействие жанров мемуарной литературы в произведении И.А. Бунина "Окаянные дни" // Новая наука: Современное состояние и пути развития, 2017. № 1–2. С. 74–76.
- 17. Ковтун Н. Актуальная литература в зеркале манифестов ("Мой манифест" В. Распутина, "Учение ЕПС" В. Ерофеева и "Отрицание траура" С. Шаргунова) // Literatura. 2016. № 2 (58). C. 52-65.

REFERENCES

- 1. Bakuntsev, A.V. "Okayannye dni": osobennosti raboty I.A. Bunina s fakticheskim materialom ["Cursed Days": Features of I.A. Bunin's Work with the Factology]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika [Bulletin of the Moscow State Univertsity. Series 10: Journalism]. 2013, No. 4, pp. 22–36. (In Russ.)
- 2. Ninov, A.A. M. Gorky i Iv. Bunin: Istoriya otnoshenij. Problemy tvorchestva [Maxim Gorky and Ivan Bunin: the History of Relationships. Problems of Creativity Leningrad, Sov. pisatel Publ., 1984. 559 p. (In Russ.)
- 3. Riniker, D. "Okayannye dni" kak chast tvorcheskogo naslediya I.A. Bunina ["Cursed Days" as a Part of I.A. Bunin's Creative Heritage]. I.A. Bunin: Pro et contra. Lichnost i tvorchestvo Ivana Bunina v ocenke russkih i zarubezhnyh myslitelej i issledovatelej. Antologiya [I.A. Bunin: Pro et contra. The Personality and Creativity of Ivan Bunin in the Assessment of Russian and Foreign Thinkers and Researchers. Anthology]. St. Petersburg, RHGI Publ., 2001, pp. 625–650. (In Russ.)
- 4. Tynyanov, Yu.N. Literaturnyj fakt [Literary Fact]. Tynyanov, Yu.N. Poetika. Istoriya literatury. Kino [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 255–269. (In Russ.)
- 5. Donnarumma, R. Ipermodernità. Dove va la narrativa contemporanea. Dove va oggi la letteratura, Bologna: Il Mulino, 2014. 250 p. (In Ital.)
- 6. Ferrari, M. Nuovo realismo. Rivista di estetica. 2011. № 3 (48). P. 69–93. (In Ital.)
- 7. Perepiska I.A. Bunina s P.B. Struve (1920–1943). K 100-letiyu so dnya ih rozhdeniya. Publ. B.P. Struve [Correspondence of I.A. Bunin and P.B. Struve (1920–1943). To the 100th Anniversary of Their Birth. Published by B.P. Struve]. Zapiski Russkoj

- akademicheskoj gruppy v SSHA [Proceedings of the Russian Scholarly Group in USA]. 1968, Vol. 2, pp. 61–109. (In Russ.)
- 8. Saviano, R. *Gomorra. Per. s ital.* [Gomorrah. Translated from Italian]. Moscow, Geleos Publishing House, 2010. 348 p. (In Russ.)
- 9. Dalmas, D. Nuova narrativa italiana e realismo. Comparative Studies in Modernism. 2016. № 9 (Fall). P. 29–44. (In Ital.)
- 10. Bunin, I.A. *Sobr. sochinenij: V 6 t.* [Collected Works in 6 Vols.]. Moscow, Santaks Publ., 1994, Vol. 6. 414 p. (In Russ.)
- 11. *Ustami Buninyh: Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arhivnye materialy. Pod red. M. Grin: V 2 t.* [From the Mouths of Bunins: Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and Other Archive Materials. Grin, M. (Ed.). In 2 Vols.]. Moscow, Posev Publ., 2005, Vol. 1. 303 p. (In Russ.)
- 12. Bakuntsev, A.V. Rech I.A. Bunina "Missiya russkoj emigracii" v obshchestvennom soznanii epohi (po materialam emigrantskoj i sovetskoj periodiki 1920-h gg.) [I.A. Bunin's Speech "The Mission of Russian Emigration" in the Public Consciousness of the Epoch (Based on the Materials of Emigrant and Soviet Periodicals of the 1920s)]. Ezhegodnik Doma russkogo zarubezhya imeni A. Solzhenicyna, 2013 [Annual of the Solzhenitsyn House of Russian Abroad, 2013]. Moscow, 2014, pp. 268–337. (In Russ.)

- 13. Bunin, I.A. *Missiya russkoj emigracii* [The Mission of Russian Emigration]. *Rul'* [Steering Wheel]. 1924, No. 1013, April 3, pp. 5–6. (In Russ.)
- 14. Kuznetsova, G.N. *Grasskij dnevnik. Rasskazy. Olivkovyj sad* [Grasse Diary. Novels. Olive Garden]. Moscow, Moskovskij rabochiy Publ., 1995. 409 p. (In Russ.)
- 15. Rutskiy, A.N. "Okayannye dni" I.A. Bunina: poetika zhanra ["Cursed Days" of I.A. Bunin: Poetics of the Genre]. Mir nauki, kultury, obrazovaniya [The World of Science, Culture, and Education]. 2009, No. 6 (18), pp. 64–66. (In Russ.)
- 16. Gunjko, L.O. Vzaimodejstvie zhanrov memuarnoj literatury v proizvedenii I.A. Bunina "Okayannye dni" [The Genres Interaction of Memoir Literature in the Work of I.A. Bunin "Cursed Days"]. Novaya nauka: Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya [New Science: Current State and Ways of Development]. 2017, No. 1–2, pp. 74–76. (In Russ.)
- 17. Kovtun, N. Aktualnaya literatura v zerkale manifestov ("Moj manifest" V. Rasputina, "Uchenie EPS" V. Erofeeva i "Otricanie traura" S. Shargunova) [Current Literature in the Mirror of Manifestos ("My Manifesto" by V. Rasputin, "The Doctrine of YePS" by V. Yerofeyev and "The Denial of Mourning" by S. Shargunov)]. Literatura [Literature]. 2016, No. 2 (58), pp. 52–65. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 4 августа 2021 г. Статья поступила после рецензирования и доработки: 9 сентября 2021 г. Статья принята к публикации: 15 сентября 2021 г. Дата публикации: 31 октября 2021 г.

> Received by Editor on August 4, 2021 Revised on September 9, 2021 Accepted on September 15, 2021 Date of publication: October 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017128-3

Русская судьба басенного творчества Джона Гея

© 2021 г. Д. Н. Жаткин

Доктор филологических наук, профессор Пензенского государственного технологического университета, Россия, 440039, Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, д. 1a/11 ivb40@yandex.ru

© 2021 г. H. С. Футляев

Кандидат филологических наук, старший преподаватель Пензенского государственного технологического университета, Россия, 440039, Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, д. 1a/11 futljaew.n@mail.ru

Резюме. В статье впервые рассматривается история русской рецепции басенного творчества английского писателя Джона Гея (1685—1732) от истоков до наших дней. Отмечается, что пристальное внимание к басням Дж. Гея в последней четверти XVIII в. во многом было обусловлено интересом российского общества к книжным новинкам на французском языке, вследствие чего преобладали прозаические переводы поэтических текстов с языка-посредника, на фоне которых несомненно более успешными были поэтические прочтения английских оригиналов, созданные И. Ильинским. Последующий "всплеск" интереса к басенному наследию Дж. Гея в конце XIX в. связан с запросом общества на произведения зарубежных авторов, доступные массовому, простонародному читателю, ориентированные на традиционную культуру своих стран. В советский период басни Дж. Гея оказались на периферии предпочтений переводчиков и критиков, осмысливавших преимущественно драматургические тексты писателя ("Оперу нищего", "Полли"). Исследования А.И. Жиленкова и переводы Е.Д. Фельдмана, опубликованные в последние десятилетия, обозначили новый этап русской рецепции, характеризующийся выявлением художественного своеобразия басен Дж. Гея, стремлением к максимально полному, целостному восприятию наследия Гея-баснописца с учетом античных и английских литературных традиций.

Ключевые слова: Джон Гей, басня, русско-английские литературные связи, поэтический перевод, рецепция, традиция, межкультурная коммуникация.

Благодарность. Статья подготовлена по проекту РНФ № 17-18-01006п "Эволюция русского поэтического перевода (XIX — начало XX в.)".

Для цитирования: *Жаткин Д.Н., Футляев Н.С.* Русская судьба басенного творчества Джона Гея // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 52—70. DOI: 10.31857/S241377150017128-3

The Russian Fate of John Gay's Fables

© 2021 Dmitry N. Zhatkin

Doct. Sci. (Philol.), Professor of the Penza State Technological University, 1a/11 Baydukov Pass. / Gagarin Str., Penza, 440039, Russia ivb40@yandex.ru

© 2021 Nikita S. Futliaev

Cand. Sci. (Philol.), Senior Lecturer of the Penza State Technological University, 1a/11 Baydukov Pass. / Gagarin Str., Penza, 440039, Russia futljaew.n@mail.ru

Abstract. The article, in a pioneering effort, offers to consider the history of the Russian reception of the fable creativity of the English writer John Gay (1685–1732), from its beginnings to the present day. It is noted that close attention to the fables of J. Gay in the last quarter of the 18th century, this was largely due to the interest of the Russian society in novelties in French books; as a result, prosaic translations of poetic texts from an intermediary language prevailed, against which the poetical readings of English originals created by I. Ilyinsky were undoubtedly more successful. The subsequent "surge" of interest in J. Gay's fable heritage at the end of the 19th century connected with the demand of society for the works of foreign authors, accessible to the mass, common reader, focused on the traditional culture of their countries. In the Soviet period, J. Gay's fables found themselves on the periphery of the preferences of translators and critics who interpreted mainly the writer's dramatic texts ("The Beggar's Opera", "Polly"). The research of A.I. Zhilenkov and the translations of E.D. Feldman, published in recent decades, marked a new stage of the Russian reception, characterized by the identification of the artistic originality of Gay's fables, the desire for the most complete, holistic perception of the heritage of the Gay-fabulist, taking into account ancient and English literary traditions.

Key words: John Gay, fable, Russian-English literary relations, poetic translation, reception, tradition, intercultural communication.

Acknowledgments: The reported study was funded by RSF, project number 17-18-01006p "Evolution of the Russian Poetic Translation (19th – early 20th Centuries)".

For citation: Zhatkin, D.N., Futljaev, N.S. *Russkaya sudba basennogo tvorchestva Dzhona Geya* [The Russian Fate of John Gay's Fables]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 5, pp. 52–70. (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150017128-3

Интерес к басенному творчеству английского поэта Джона Гея (1685–1732), впервые проявившийся в России в последней четверти XVIII века, был обусловлен повышенным вниманием к выходившим во Франции книгам и периодическим изданиям. Басни Дж. Гея переводились с английского языка на французский, а затем с французского, выступавшего в качестве языка-посредника, на русский. Переводом басни "The Shepherd and the Philosopher" ("Пастух и философ"; во французских изданиях – "Le berger et le philosophe"), увидевшим свет в 1758 г. в журнале "Choix littéraire" [1, р. 103-106] и в 1764 г. в регулярном сборнике "Recueil pour l'esprit et pour le Coeur" [2, р. 205-208], заинтересовался анонимный русский интерпретатор, напечатавший первый русский перевод из Дж. Гея в мартовском номере издававшегося Н.И. Новиковым журнала "Утренний свет" за 1778 г. [3, с. 275-277]. Рядом с переводом басни Дж. Гея опубликованы еще два переводных произведения - "О дружбе" и "Саладин и Фатьма", взятые со страниц регулярных сборников "Nouveau recueil pour l'esprit et le Coeur", являвшихся непосредственным продолжением "Recueil pour l'esprit et pour le Coeur" [4, p. 353–362];

[5, р. 10-16]. В.Д. Рак установил, что концовка перевода "Селадина и Фатьмы" принадлежит В.А. Приклонскому; более того, «кучное расположение переводов в "Утреннем свете"» дало исследователю основание предположить, что "поступили они от одного лица" [6, с. 337]. Несмотря на некоторую неряшливость прозаического перевода, во многих местах напоминавшего подстрочник, переводчику удалось передать специфику диалога двух абсолютно разных персонажей - пастуха, жившего в гармонии с природой и потому избегавшего честолюбия, зависти и "скоропостижных слов", и философа, выносящего из диалога впечатление о собеседнике: "Ты достоин славы <...>, ты добродетелен, следовательно, и премудр. Одно тщеславие водит авторское перо, и книги, так же как и люди, заражены. Обучаясь законам природы, утверждаются правила ее на достоверной истине; и сия школа весьма достаточна для ниспослания человеку нравов премудрости и благости" [3, с. 277].

В 1783 г. в университетской типографии Н.И. Новикова были опубликованы в двух частях "Басни господина Ге. С англинского на французской, а с сего на российской язык переведенные" [7],

вместившие 40 и 15 басен Дж. Гея соответственно, взятые из французского перевода М.-Ф. Кералио "Fables de M. Gay... traduit de l'anglois; par Madame de Keralio" (Londres - Paris, 1759) и переданные прозой неизвестным отечественным переводчиком. Количество частей, а также их содержание было предложено самим Дж. Геем, первый сборник басен которого вышел в 1727 г., а второй посмертно в 1738 г.; при переводе были опущены три басни: одна из первого сборника ("The Sick Man and the Angel") и две из второго ("The Ravens, the Sexton, and the Earth-worm", "Ay and No"). Басням предпослано заимствованное из французского издания "Житие Иоанна Ге, взятое из дополнения Белева лексикона", дающее поверхностное представление о жизни и творчестве английского поэта. Так, в отношении басен отмечены дата написания первого тома (1725 г.), посвящение его герцогу Камберлендскому, а также финансовая помощь герцога Куинсберри при публикации второго тома. Основная часть предисловия посвящена "Опере нищего", ее ошеломительному успеху, позволившему оттеснить итальянскую оперу с английских подмостков, а также печальной участи пьесы "Полли", продолжения "Оперы нищего", запрещенной к постановке. Значимость фигуры Дж. Гея для литературного процесса эпохи подчеркивается в предисловии участием великих современников в его судьбе. Например, приводятся строки из письма А. Поупа Дж. Гею от 23 сентября 1714 г., в котором выражена радость в связи с возвращением Дж. Гея в Англию: "Если ты счастлив, то беру я участие в твоем благополучии; но если ты злополучен, то и в самое гневное время сыщешь место в моем сердце <...>; кто б ты таков ни был, или в каком бы состоянии ты ни находился, желаю я тебе совершенного блага" [7, ч. I, с. IV-V]; на смерть Дж. Гея А. Поуп откликнулся эпитафией, содержавшей восторженную оценку современника: "Будучи любезен по своему нраву и умерен в своих склонностях, соединял Ге мужественный разум с детской простотою; естественная веселость ограничивала в нем страсть к добродетели <...>; жизнь его была без порицания, смерть его оплакиваема" [7, ч. I, с. XVII]. Еще один аргумент в пользу Дж. Гея содержался в процитированной в "Житии Иоанна Ге..." свифтовской апологии "Оперы нищего" из № 3 дублинского журнала "The Intelligencer" ("Вестник") за 1728 год, где произведение Дж. Гея было названо несравненным: "Хотя худой вкус и мог возыметь верх в Дублине, где г. Ге находился, но в Лондоне трудно было вообще понравиться великому числу и принудить молчать самых порицателей. Я говорю то, что мы называем забавой,

или увеселением (humor), есть превосходнее разума, когда оно соединяет в себе полезное и приятное" [7, ч. I, с. VIII–IX].

Сборник "Басни господина Ге" представил Дж. Гея русским читателям как выдающегося английского поэта, остававшегося неизвестным в России, причем его значимость, как видим, была нарочито преувеличена с опорой на высказывания А. Поупа и Дж. Свифта. О том, что вклад Дж. Гея в развитие английской литературы оценивался в конце XVIII в. очень высоко, свидетельствует, в частности, тот факт, что пять его басен в подлиннике ("The Father and Jupiter", "The Scold and the Parrot", "The Lady and the Wasp", "The Miser and Plutus", "The Sheppard and the Philosopher") вошли в хрестоматию "Избранные сочинения из лучших аглинских писателей прозою и стихами, для упражнения в чтении и переводе", опубликованную В.С. Кряжевым в 1792 г. [8, с. 84-92] и содержавшую наряду с названными баснями сочинения Шекспира, А. Поупа, Дж. Аддисона и Дж. Томсона. Можно предположить, что именно данная хрестоматия, включавшая оригиналы произведений, позволила отдельным русским интерпретаторам впервые ознакомиться с английскими первоисточниками, что косвенно подтверждает появление в 1796 г. в "Приятном и полезном препровождени времени" прозаического перевода басни "Пастух и философ", осуществленного Н.Р. Политковским и опубликованного за подписью Н. Плтк [9, с. 333-336].

Сопоставляя три прозаических перевода басни "The Sheppard and the Philosopher", осуществленные в последней четверти XVIII в., нельзя не признать наиболее успешной самую раннюю интерпретацию, созданную предположительно В.А. Приклонским. Тщательный подбор интерпретатором средств языковой выразительности позволил избежать многословия, характерного для двух других переводов "The Shepherd and the Philosopher". Например, при переводе третьего стиха "His head was silver'd o'er with age" автор "Утреннего света" следует за текстом оригинала – "Лета украсили главу его сединами" [3, с. 275], причем использованная им лексема лета выигрывает в сравнении с древностью или ветхостью лет, ср.: "...древность покрыла инеем его главу" [7, с. 1]; "Ветхость лет посребряла главу его" [9, с. 333].

Трудными для перевода оказались стихи "In summer's heat and winter's cold, / He led his flock and penn'd the fold", сообщавшие о каждодневной работе пастуха, который в летнюю жару и в зимний холод пас свое стадо и возвращал его в загон.

И здесь вновь относительно успешен в передаче замысла Дж. Гея переводчик "Утреннего света", чье прочтение при всей лексико-грамматической архаичности выглядит цельным: "Во время летних жаров пас он свою скотину, а зимой загонял ее во клевы" [3, с. 275]. Вариант отдельного издания "Басен господина Ге" дополнял подлинник указанием на прилежность пастуха, а также устранял заключительную деталь, связанную с возвращением стада ("penn'd the fold"): "Он во время летнего зноя и зимы прилежно пас свои стада" [7, с. 1]. Еще более неточен Н.Р. Политковский, в переводе которого герой не пасет ("led"), а кормит стада; к тому же упоминание о зимнем холоде, антонимически противопоставленном летней жаре, происходит с нарочитым усилением, заменой холода на стужу: "В знойное время лета и в стужу зимнюю он кормил стада свои и загонял в хлева" [9, с. 333].

Интересна и вполне достоверна трактовка переводчиком "Утреннего света" строк о философе, который пришел к пастуху, имея знания и жизненный опыт: "A deep philosopher (whose rules / Of moral life were drawn from schools) / The shepherd's homely cottage sought, / And thus explor'd his reach of thought" - "Славный философ, почерпнувший во школах правила нравоучительные жизни, посетил пастуха в его хижине, желая измерить пространство его разума" [3, с. 275]. Перевод из отдельного издания "Басен" заметно утяжелен избыточными лексемами, при этом вместо школ названы некие училища, давшие философу представление о нравственных правилах: "Некоторый славный философ, почерпнувший в училищах правила моральной жизни, пришел навестить его хижину с намерением измерить пространство заключающегося в нем разума" [7, с. 2]. В варианте перевода, предложенном Н.Р. Политковским, — «один глубокомысленный Философ – коего правила моральной жизни были почерпнуты в школах – посетил мирную хижину пастуха. Желая изведать его, и показать свой разум, спрашивал его: "Где ты учился?"» [9, с. 333] — можно видеть не только утяжеление, но и искажение смысла оригинала, в котором философ приходит к пастуху, "деревенщине" (англ. swaine - деревенский парень, деревенщина), чтобы задать ему вопрос, а не показать свои знания, превосходство над собеседником.

Перевод, напечатанный на страницах "Утреннего света", отличает стремление представить читателю не дословный перифраз, а корректное понимание авторского замысла при сохранении художественных деталей. В словах пастуха,

проводившего свою жизнь на пастбищах, не читая книг, философских трактатов, не может быть лексических изысков, его речь должна оставаться скупой и невыразительной, при этом задача интерпретатора сводится к передаче полноты рассуждений. В "Утреннем свете" речь пастуха вполне приближена к реальной, например, он говорит: "...от голубя получаю я правила постоянства и любви супружние" [3, с. 276]; ср. вычурные высказывания в других переводах: "...от голубицы получаю наставление в брачном целомудрии и любви" [7, с. 2]; "...в постоянстве и любви супружеской я научаюсь у моей должности у голубей" [9, с. 335]. Вряд ли пастух Дж. Гея мог произнести оборот "распростирая спасительные свои крылья над юными птенцами" [7, с. 3], использованный в издании "Басен господина Ге", равно как и высокопарный, сугубо литературный оборот из перевода Н.Р. Политковского "укрывающая в холодное время птенцов своих под теплыми крыльями" [9, с. 334—335]. Вероятно, он ощущал свою правоту, "покрывая крыльями маленьких детенышей своих, для защищения их от стужи" [3, с. 276]; и эти неброские слова идеально соответствовали образу деревенского труженика. Выражение "chilly air" - холодный ветер, переведенное в варианте "Утреннего света" как стужа, также ближе оригиналу в сравнении с холодом и холодным временем у других интерпретаторов. Конкретный голубь, упомянутый Дж. Геем, становится голубицей в отдельном издании басен и голубями в "Приятном и полезном препровождении времени". Также в сборнике "Басни господина Ге" при переводе слова "shepherd" ("пастух") избран устаревший с религиозным наполнением вариант - пастырь, что вряд ли можно считать оправданным.

Отметим, что в последующие столетия, вплоть до начала XXI в., басня Дж. Гея "The Shepherd and the Philosopher", одно из самых узнаваемых его произведений, обладавшая существенной художественной и нравоучительной ценностью, не привлекала отечественных интерпретаторов. Ранние переводы "The Shepherd and the Philosopher", выполненные в прозе с французского языка-посредника, равно как и перевод Н.Р. Политковского, далеки от современных требований к художественному переводу, а потому воспринимаются ныне прежде всего с позиций их историко-культурной значимости.

Начало XIX в. ознаменовало новый взгляд отечественных переводчиков на творческое наследие Дж. Гея, в частности, их внимание впервые привекла не басня, а баллада "Sweet William's Farewell

To Black-Ey'd Susan", анонимная прозаическая интерпретация которой "Приятное прощание Вильяма с черноглазою Сусанной" была напечатана в 1800 г. на страницах журнала "Иппокрена, или Утехи любословия" [10]. В 1801 г. Н.М. Карамзин в книге "Письма русского путешественника" упоминает имя Дж. Гея как творца "Оперы нищего", "самого остроумнейшего произведения английской литературы... и самого противного человеку с нежным нравственным чувством", после чего приводит в собственном переводе строки его эпитафии: "Всё на свете есть игра, жизнь самая ничто: / Так прежде думал я, а ныне знаю To" [11, c. 375]; cp.: "Life is a jest; and all things show it, / I thought so once: but now I know it" ("Epitaph"). Как видим, Н.М. Карамзин допустил неточность в трактовке английской лексемы "jest" ("шутка, насмешка"), интерпретировав ее как игру, что привело к изменению смыслового наполнения всей эпитафии.

Наконец, в 1809 г. русский переводчик В.Н. Берх, печатавшийся за подписью Ва-й Бе-х, обратился к еще одной странице жизни Дж. Гея и его современников Дж. Свифта, А. Поупа, Дж. Арбетнота, Т. Парнелла и виконта Болингброка, в 1710-е гг. состоявших в клубе консервативно настроенных литераторов "Scriblerus Club" ("Кружок Мартина Писаки") и создававших (часто в соавторстве) многочисленные памфлеты; впервые на русский язык был переведен один из памфлетов "A specimen of Scriblerus's reports. Stradling versus Stiles", увидевший свет в журнале "Северный Меркурий" под названием "Спор о лошадях. Скриблерусов рапорт о деле, совершавшемся в Надворном суде" [12, с. 250-256]; и хотя Дж. Гей не являлся автором данного памфлета, публикация послужила толчком к осмыслению деятельности "Кружка Мартина Писаки", секретарем которого был Дж. Гей, как существенного явления в литературной жизни Англии. Представляя труды и похождения вымышленного персонажа Мартина Скриблеруса, участники кружка в бурлескных и сатирических произведениях разных жанров осуждали педантство, невежество и бездарность в науке и творчестве, причем наиболее остро критиковались "литературные ничтожества", в частности "высокопарные трагедийные и эпические поэты – эпигоны классицизма", чей ложный пафос высмеивался в трактате "Peri Bathos, или Искусство погружения в поэзии", написанном А. Поупом [13, с. 45]. Произведения, созданные участниками кружка от имени Мартина Скриблеруса, в большинстве своем не переведены на русский язык, однако детально осмыслены в исследовании Е.П. Зыковой,

увидевшей "дух времени" в том обстоятельстве, что кружок ставил перед собой задачи "не чисто литературные, а общекультурные" [14, с. 42], стремился откликаться на научные изобретения, причем делать это с нарочито невежественных позиций, тем самым побуждая читателей отказаться от безоглядной веры печатному слову и приучиться самостоятельно мыслить. Е.П. Зыкова отдельно останавливалась на произведениях Дж. Гея, обусловленных литературно-политической борьбой 1710-х годов и наиболее соответствующих духу "скриблерианы", - одноактной пьесе "Как это назвать, или траги-коми-пасторальный фарс", в которой «сочетание абсурдного действия с высокопарными речами давало возможность высмеять современные трагедии, в том числе "Катона" Аддисона», созданном совместно с А. Поупом «Полном ключе к новому фарсу "Как это назвать"...», авторы которого "старательно донесли до читателя все скрытые цитаты из высмеиваемых трагедий и аллюзии на них, которые на слух зрителю трудно было уловить", и на написанном А. Поупом, Дж. Арбетнотом и Дж. Геем фарсе "Три часа после свадьбы", главный герой которого антиквар Фоссил являл собой одну из вариаций образа Мартина Скриблеруса [14, с. 44]. Также с деятельностью "Кружка Мартина Писаки" исследователь соотносила и замысел геевской "Оперы нищего", в основу которого легла поданная в 1716 г. Дж. Свифтом идея написать "ньюгейтскую пастораль" [14, с. 45].

Как видим, внимание переводчиков все отчетливее распространялось на все жанровое многообразие произведений Дж. Гея, при этом не были забыты и басни; ориентированность на язык оригинала и поэтическое изложение материала способствовали повышению качества русских интерпретаций. Известно, что одно из французских изданий басен Дж. Гея [15] имеется в библиотеке В.А. Жуковского (см.: [16, с. 160]; [17, с. 96]; [18, с. 371]); там же находится и сборник поэтических произведений Дж. Гея на английском языке [19]; см. также: [16, с. 361].

Только в 1805 г., спустя три четверти века после выхода первой части басен Дж. Гея, российский читатель смог впервые ознакомиться на страницах "Журнала для пользы и удовольствия", издававшегося в Петербурге А.А. Варенцовым, с поэтическими переводами отдельных произведений баснописца, выполненными непосредственно с английского подлинника. В мартовском номере была опубликована басня "Чертоги смерти" [20, с. 228–230], в апрельском — "Отец и Юпитер" [21, с. 64—66], в майском — "Заяц и его

друзья" [22, с. 115–117]; см. также: [23, с. 462–463], в ноябрьском – "Человек и муха" [24, с. 147–148], причем если в отношении первых трех переводов указана их принадлежность И. Ильинскому, то последний напечатан анонимно и лишь предположительно выполнен тем же переводчиком. Все эти переводы, к настоящему времени окончательно забытые, в основном отличались хорошим профессиональным уровнем и отражали не только лексические особенности оригиналов, но и их яркую социальную направленность. Явной неудачей можно считать только первый из названных переводов, при создании которого честолюбие интерпретатора, вступившего в творческое соперничество с английским баснописцем, привело к полной трансформации оригинального замысла, хотя внешне были сохранены и все персонажи остросоциальной басни Дж. Гея "The Court of Death" (Смерть, Горячка, Подагра, Чахотка, Чума), и описание изумительного ночного собора, и жаркий спор за право обладания жезлом, и закономерный результат этого спора. По сути, русскому читателю был представлен не перевод басни Дж. Гея, а созданное по ее мотивам произведение И. Ильинского, в котором относительно точно переданы только четыре стиха третьей строфы: "Tis I who taint the sweetest joy, / And in the shape of love destroy: / My shanks, sunk eyes, and noseless face, / Prove my pretension to the place" [9To я оскверняю самую сладкую радость / И в образе любви разрушаю: / Мои голени, запавшие глаза и безносое лицо / Доказывают мои притязания на это место] 1 – "Приятность жизненну, сладчайшу, помрачаю / И в образе любви род смертных истребляю? / И чресла и глаза и мой безносый зрак / Не ясно ль говорят, людей я мучу как?" [20, c. 229].

Отказавшись от деления басни на строфы, сократив текст, И. Ильинский внес в свою интерпретацию разнообразные дополнения, которые в ряде случаев вполне гармонируют с замыслом Дж. Гея. Например, переводчиком был опоэтизирован внешний облик Смерти: "Во все величие надгробных риз одета" [20, с. 228]; ср.: "In all his pomp of terror sate" [При всей своей пышности ужаса]. Удачной представляется попытка представить каждого из претендентов на обладание жезлом, в особенности Чуму: "Чума возвысила за сею [Чахоткой] громкий глас: / А я ражу людей по тысячам на час!" [20, с. 230]; ср.: "Plague represents his rapid power, / Who thinned a nation in an hour" [Чума олицетворяет ее [Смерти] быструю силу, / Которая за час проредила целую

нацию]. Вместе с тем, в прочтении И. Ильинского встречаются спорные и неудачные толкования, в частности некорректное восприятие эбенового nocoxa ("ebon wand") как золотого жезла: этот образ вызвал затруднения и у современного переводчика Е.Д. Фельдмана, предложившего вариант "жезл из слоновой кости" [25, с. 455]. Если Смерть в басне Дж. Гея лишь сообщает, что каждый прислужник должен высказать свои притязания на жезл, но только достойный будет владеть им ("Let every servant speak his claim; / Merit shall bear this ebon wand"), то в переводе И. Ильинского появляется дополнение, искажающее смысл всего фрагмента: "И жезл сей золотой тому в награду дан, / Кто роду смертному творит всех злее муки" [20, с. 228]. Неуместными оказываются попытки придать Смерти человеческие черты, представляя ее Царицей, в чем трудно не усмотреть русификацию ("При сих словах весь двор простер к Царице руки" [20, с. 229]; "И все жестокости Царице представляет" [20, с. 229]), или Монахиней ("Реши Монахиня, не мне ль сей жезл идет?" [20, с. 229]). В басне Дж. Гея говорится об отсутствии лекарей на зловещем собрании ("What, no physician speak his right! / None here! but fees their toils requite"); напротив, у И. Ильинского они не только находятся в соборе, но и радостно восклицают: "Мы здесь Царица, здесь!" [20, с. 230], после чего получают ответную реакцию Смерти, отмечающей, что людская невоздержанность приводит к болезням, дающим врачам работу и вознаграждение за их труд. Как видим, стремясь отойти от буквальных прочтений, И. Ильинский допускал неоправданно вольные и многословные толкования многих фрагментов, приводившие как к утрате значимых художественных деталей, так и к привнесению в описания новых смыслов.

В процессе перевода басни "The Father and Jupiter" И. Ильинский попытался избежать нарочитой вольности, присутствовавшей в прочтении "The Court of Death", причем успешно справился с задачей, сохранив остроумную тональность произведения Дж. Гея. Большая часть недочетов интерпретатора приходится на концовку перевода, посвященную дочери главного героя; эта концовка оставляет впечатление разрозненности, сумбурности, когда за весьма невыразительным упоминанием героини, что, "прославясь красотою, / Окружена была вздыхателей толпою", следовало пространное описание, представлявшее смену событий: "Пока еще в играх весна ее цвела, / Кокетствуя зимы представить не могла, / Но лишь ее краса морщинами покрылась, / Презренная от всех, с досады – отравилась!" [21, с. 65]. Для Дж. Гея важно отметить раннее созревание

 $^{^{1}}$ Здесь и далее подстрочный перевод — наш. — Д.Ж., Н.Ф.

дочери героя ("Beauty with early bloom supplies"), ее развязность, самоуверенность, дерзость ("His daughter's cheek"), желание стрелять глазками ("points her eyes"). Поэт называет ее тщеславной кокеткой, презирающей каждого из поклонников, упивающейся их страданиями: "The vain coquette each suit disdains / And glories in her lover's pains"; но красота страстной строптивицы увядает с годами ("fade with age"), и кавалеры разлетаются ("each lover flies"), оставляя ее презренной, несчастной и тоскующей ("contemned, forlorn, she pines"). В трактовке И. Ильинского героиня отравилась, тогда как у Дж. Гея она всего лишь умерла ("die").

Несомненным достоинством перевода И. Ильинского стало придание обыденным описаниям английского оригинала экспрессии, выразительности, отчасти пафосности. Например, лексема "wondered" ("тревожить, беспокоить") переведена оборотом "к небесам воззвал", невыразительный кивок Юпитера в знак согласия ("Jove nods assent") заменен пафосной фразой "И сей услышан глас" [21, с. 64]. Просьба отца о защите своего потомства, звучащая в оригинале холодно, сдержанно и даже отстраненно ("Make my loved progeny thy care" [Позаботься о моем любимом потомстве]), у русского интерпретатора выглядит правдивее, душевнее, содержит нотки тревоги, которые обязательно должны присутствовать в речи любящего отца: "Прими под кров детей..." [21, с. 65]. Удачным представляется сокращение переводчиком двух стихов "Let my first hope, my favourite boy, / All fortune's richest gifts enjoy" до одного: "Чтобы мой первый сын всем счастьем наслаждался" [19, с. 65]; при этом, опуская слова "my first hope" ("мое первое желание, просьба"), И. Ильинский избегал параллелей со сказочными сюжетами об исполнении желаний, неизбежно снижавшими драматизм описания, всю атмосферность фрагмента.

Характерный почерк И. Ильинского, точно отражающего дух подлинника, но при этом склонного к лексическим вольностям, сохранился в его интерпретации басни "The Hare and Many Friends". Неясно, почему зайчиха Дж. Гея ("Her care was never to offend, / And every creature was her friend. / As forth she went at early dawn, / To taste the dew-besprinkled lawn, / Behind she hears the hunter's cries, / And from the deep-mouthed thunder flies. / She starts, she stops, she pants for breath; / She hears the near advance of death; / She doubles to mislead the hound, / And measures back her mazy round") становится в русском переводе зайцем, почему коза ("The goat remarked her pulse was high, / Her languid head, her heavy eye; / "My back," says she,

"may do you harm") оказывается козлом, а баран ("The sheep was feeble, and complained / His sides a load of wool sustained: / Said he was slow, confessed his fears; / For hounds cat sheep, as well as hares") – овцой. Интерпретатор вновь прибегнул к трансформации целых фрагментов, причем в данном случае оказалась затронутой ключевая часть басни – ее мораль. Дж. Гей сравнивает приятельство, возвышенно именуемое дружбой, с ребенком, воспитывающимся несколькими отцами, но при этом не знающим отеческой заботы: "Тhe child, whom many fathers share, / Hath seldom known a father's care"; утрата этого сравнения обеднила русское прочтение, оказавшееся лишенным выразительности: "Знакомство, дружество пустая суть названья / Когда заводим их без всякого вниманья; / Приятелей себе кто многих наберет – / Едва ль и одного в несчастии найдет" [22, с. 115]. Предлагаемая И. Ильинским трактовка отдельных лексем и целых стихов вызывает вопросы, в частности, чем обусловлена замена лексемы love ("любовь") на дружество; каким образом слова о приятелях зайца, охотящихся в лесу или пасущихся на равнине ("Who haunt the wood, or graze the plain"), вдруг трансформируются в рассказ про скотов, "которые без рог и с колкими рогами" [22, с. 115]; чем обусловлены пропуск выражения dew-besprinkled ("обрызганный росой") в стихах о лужайке, на которую рано утром вышла, чтобы пощипать траву, зайчиха, и привнесение дополнительной детали — "запрятался в кусток" [22, с. 115]; почему прозрачный по смыслу оборот her pulse was high ("ee пульс был высоким") был переведен как "отменно жил [кровеносных сосудов] биенье" [22, с. 116].

В целом, оценивая переводы, увидевшие свет в "Журнале для пользы и удовольствия", следует признать, что, будучи первыми поэтическими прочтениями произведений английского баснописца, они неизбежно содержали в себе отпечаток тех трудностей, которые испытывал интерпретатор, не всегда точно понимавший смысл подлинника, а также влияние переводческих принципов эпохи, допускавших вольность трактовок, спор переводчика с переводимым автором. Вместе с тем, интерпретатору неизменно удавалось передать настроение подлинника, а в отдельных случаях и максимально приблизиться к нему в трактовке художественных деталей. Последнее в особенности относится к переводу басни "The Man and the Flea", который, будучи опубликованным под названием "Человек и муха", с самого начала содержал неточность, обусловленную созвучностью и внешним сходством английских лексем *flea* ("блоха") и *fly* ("муха") (см.: [24, с. 147]).

Однако эта неточность, по сути, оказалась единственной, а сам перевод, несмотря на некоторую архаичность языка и стиля, выдающую время его создания, можно по праву относить к числу лучших интерпретаций басен Дж. Гея.

Публикации в "Журнале для пользы и удовольствия" подвели итог раннему этапу русской рецепции басенного творчества Дж. Гея. В дальнейшем, вплоть до конца XIX столетия, творческое наследие английского писателя находилось на периферии переводческого и литературно-критического восприятия. Его имя лишь изредка появлялось на страницах переводных историй зарубежных литератур, а также создававшихся с опорой на них отечественных историко-литературных трудов. Так, в опубликованном в России в 1863 г. в переводе А.Н. Пыпина первом томе "Истории всеобщей литературы" Г. Геттнера Дж. Гей, наряду с М. Прайором, назван заслуживающим внимания автором из круга "бесчисленных подражателей Попа [Поупа]" [26, с. 214], причем отдельно отмечены басни Дж. Гея, "возвышающиеся нередко до небольших юмористических рассказов" [26, с. 215] и остающиеся любимой книгой английских детей; из прочих произведений английского автора Г. Геттнером упомянуты поэма "The Rural sports, a Georgic" ("Сельские удовольствия"), идиллия "The Shepherds Week" ("Неделя пастуха") и знаменитая "Beggar's Opera" ("Опера нищего"). Представления Г. Геттнера практически дословно повторены в четвертом томе составленной В.Р. Зотовым компилятивной "Истории всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образах", вышедшем в 1882 г., где говорится о "хороших" баснях, "знаменитой" "Опере нищего", ставшей "пародией на бессодержательность и пустоту итальянской оперы", а также о трех других значимых произведениях Дж. Гея – шуточной идиллии "The Shepherds Week", описательной поэме "The Rural sports, a Georgic", "бурлескном стихотворении" "Trivia, or The Art of Walking the Streets of London" ("Тривия, или Искусство ходить по улицам Лондона") [27, с. 473]. Тот же перечень достижений Дж. Гея назван и в переводной "Иллюстрированной всеобщей истории литературы" И. Шерра, где упомянуты "хорошие" басни, "шутливая" идиллия "The Shepherds Week", в которой проявилось свойственное английскому автору "художественное чутье природы", описательная поэма "The Rural sports, a Georgic" и пользующаяся "славой классического произведения" "Beggar's Opera" [28, с. 57].

В 1871 г. на русский язык была переведена книга французского философа, теоретика искусства и литературы И. Тэна "Развитие политической и гражданской свободы в Англии в связи с развитием литературы", в которой Дж. Гей назван "подобием английского Лафонтена, настолько близким к Лафонтену, насколько возможно для англичанина, т.е. весьма мало"; в личностном плане баснописец был охарактеризован как человек "добрый, любящий, живой, весьма искренний, чрезвычайно наивный <...> и сохранивший молодость до конца дней своих" [29, с. 381]. "Оперу нищего" И. Тэн не принимал, считая "самой зверской и грязной из карикатур", басни же называл "самыми гуманными", сочиненными с целью "развить сердце" [29, с. 381] юного герцога Камберлендского, прозванного впоследствии "камберлендским мясником" ("Butcher Cumberland") за жестокое подавление якобитского восстания. Надевая маску "любимого паразита и домашнего поэта герцога Куинсберри" [29, с. 381], позволявшего себе колкости в сторону знати, остававшиеся безнаказанными, Дж. Гей, по мысли И. Тэна, сохранял свою творческую индивидуальность, в особенности проявившуюся в поэме "Trivia, or The Art of Walking the Streets of London", некоторых других произведениях, не относящихся к числу самых известных: "Гей – любитель реального; у него ясная определенность воображения, вследствие которой он не охватывает предметы в массе, одним общим взглядом, но рассматривает их один за другим, каждый со всеми его контурами, со всей окружающей обстановкой, несмотря на то, хорош или дурен рассматриваемый предмет, чист или грязен" [29, с. 383]. Именно этот подход к художественному описанию, как отмечает И. Тэн, решительно выделяет Дж. Гея из общего ряда его современников, в т.ч. и таких выдающихся, как А. Поуп и Дж. Свифт.

А.Н. Веселовский в статье "Английская литература XVIII века" (1888) назвал Дж. Гея "писателем средней руки" [30, с. 854] и, не упомянув про басни, отметил лишь одно его произведение — "Оперу нищего", бойкий юмор которой не был лишен "политической подкладки", связанной с выявлением "родового сходства" между лондонскими ворами и представителями высшего света, — "заурядные ли плуты подражают министрам или последние заимствуют приемы воришек" [30, с. 855].

В 1895 г. в стихотворном сборнике "Песни Англии и Америки: Песни, сказания, басни и притчи" увидели свет четыре перевода басен Дж. Гея, выполненные А.П. Барыковой, — "Мудрец и фазаны", "Пифагор и крестьянин", "Овчарка и

волк", "Овца и кабан" [31, с. 5-10]. А.П. Барыковой удалось создать в целом удачный перевод басни "The Philosopher and the Pheasants", не избежавший, впрочем, досадного недочета, связанного с неоправданной заменой рода действующих лиц (ранее этот недочет отмечался в интерпретации басни "Заяц и его друзья", созданной И. Ильинским); самка фазана, о которой писал Дж. Гей, в русском прочтении становится фазаном-отцом, что выглядит крайне нелогично, поскольку именно самка высиживает птенцов, ср.: "High on the branch a pheasant stood, / Around her all **her** listening brood; / Proud of the blessings of **her** nest, / She thus a mother's care expressed" $- \ll \sim$ там сидел фазан-отец, / Неопытных птенцов усердно поучая: / "В лесу, - шептал он им, - вы проживете век / Беспечно, радостно в тени ветвей порхая"» [31, с. 5]. Более существенным недостатком перевода можно считать купирование басенной морали, из шести стихов которой оказались опущенными последние четыре ("Man then avoid, detest his ways; / So safety shall prolong your days. / When services are thus acquitted, / Be sure we pheasants must be spitted"), подводившие итог беселы матери с птенцами и содержавшие наставление думать о безопасности и избегать встречи с человеком, который при первой потребности заметит фазанов и насадит их на вертел.

При переводе басни "Pythagoras and the Countryman" А.П. Барыкова допустила множество просчетов, в частности использование русифицированной лексемы xymop вместо farm ("ферма"), неверное толкование оборота on the ladder's topmost round ("на самой верхней ступени лестницы") как "на лестнице высокой" [31, с. 6], приведшее ко всему прочему и к изменению рифмовки внутри строфы; привнесение в описание дополнительного смыслового нюанса "услышав издалека [стук молотка]" [31, с. 7], диссонирующего с общим контекстом, из которого видно, что герой пришел на хутор и находится в непосредственной близости от происходящего [31, с. 6]. В репликах крестьянина появляются новые мотивы, напрямую не соотносимые с подлинником, в частности, прибивая к забору пойманного коршуна, он восклицает "Пусть поглядят, / Как их – воров - казнят!" [31, с. 7], что усиливает социальное звучание эпизода. При интерпретации стихов "When Heaven the world with creatures stored, / Man was ordained their sovereign lord", акцентирующих предопределенность господства человека в мире, А.П. Барыкова не только заменяет лексему *Heaven* ("небеса") упоминанием Бога, но и считает необходимым порассуждать на тему, лаконично обозначенную английским автором: "<...> Сам Бог

нам право дал / Господства над зверями; людям на служенье / Все твари созданы; таков уж их предел, / Чтоб человек их ел!" [31, с. 7].

Из басни "The Shepherd's Dog and the Wolf" А.П. Барыковой был переведен небольшой фрагмент (12 из 34 стихов), причем без соблюдения принципа эквилинеарности (русский текст разросся до 17 стихов). Смысловая концентрированность басни Дж. Гея в результате небрежного отношения переводчицы к форме оригинала оказалась утраченной, появилось многословие, вызванное необходимостью сохранения ритмического рисунка и рифмы подлинника, но при этом не несущее никакого содержательного наполнения. Так, двустишие "As such when hunger finds a treat, / 'Tis necessary wolves should eat", сообщающее о волках, поедающих других животных для утоления чувства голода, расширено А.П. Барыковой до четверостишия, наполненного разглагольствованиями: "Как с голоду живот / Нам подведет, / Кого попало, мы хватаем / И поневоле убиваем" [31, с. 8]. Подобным же образом расширен фрагмент, в котором происходит сравнение волка, съедающего время от времени ("now and then") одну овцу, с людьми, поедающими их десятками тысяч ("Ten thousands are devoured by men"), причем в данном случае не только возникает неоправданное многословие, но и разрушается характерная рифмовка подлинника (abbabb вместо aabb у Дж. Гея): "Мне – волку – изредка барашек попадется / Один-другой; / А десять тысяч их ведется на убой / И добрым людям достается!" [31, с. 8].

Неудачным можно считать и перевод басни "The Wild Boar and the Ram", в котором А.П. Барыкова, сохранив тональность подлинника и сравнительно неплохо интерпретировав его концовку, допустила неоправданные вольности, разрушение стилевого единства лексики, замену конкретных деталей описаниями, что в итоге создало впечатление поспешности, невнимательности к оригинальному тексту. Уже в первом стихе басни Дж. Гей говорит о человеческой жестокости, описывая овцу, привязанную к дереву (возможно, подвешенную на дереве, которое могло использоваться для разделывания туши), что не может в полной мере передать А.П. Барыкова: "Покорная овца безвинно умирала / На бойне под ножом кровавым мясника" [31, с. 8]. Если в английском оригинале представлена будничная атмосфера фермерской жизни, лишенная ярких живописных красок, в результате чего овца оказывается привязанной к дереву, нож мясника окрашивается кровью, а испуганное стадо смотрит издалека

на происходящее, то русский перевод сразу перемещается в пафосную тональность, наполняется кричащим надрывом, упоминаниями бойни, "робкого безропотного" стада, которое "топчется в пыли" [31, с. 9], ожидая встречи со злодеем. Единственным "бушующим", свирепым персонажем в подлиннике является кабан, призывающий к мести, к бунту, к какому-либо действию, способному изменить повседневную рутину. Дж. Гей уже в названии басни акцентирует внимание, что его герой — не просто кабан (как в русской трактовке), а именно wild — дикий кабан, $savage\ boar$ свиреный вепрь, который не просто проходил мимо (как это представлено А.П. Барыковой), а был неоднократным свидетелем одной и той же привычной картины из фермерской жизни, стоя рядом со стадом ("A savage boar, who near them stood"). Именно поэтому призыв дикого кабана отомстить за разрубленных (четвертованных) отцов ("quartered sires"), обескровленных матерей ("bleeding dams"), за блеяние умирающих беспомощных ягнят ("the dying bleat of harmless lambs") звучит у Дж. Гея пугающе и агрессивно. Избегая долгих изящных фраз, Дж. Гей представлял речь героев предельно лаконичной, что только усиливало ее ненавязчивую экспрессивность. Все эти особенности подлинника не смогла сохранить А.П. Барыкова, что особенно проявилось в отсутствии значимого для Дж. Гея контраста между невозмутимым древним бараном, ожидающим скорого убоя, и эмоциональным кабаном, продолжающим жить.

В советскую эпоху основное внимание исследователей и переводчиков было сосредоточено на оценивавшейся с идеологических позиций "Опере нищего", в содержании которой акцентировались аспекты, связанные с несправедливостью капиталистического мира. Басни Дж. Гея в этот период не только не переводились, но и практически не упоминались в работах исследователей, что несколько диссонирует с очевидным общим интересом отечественного литературоведения к эволюции басенного жанра в русской и зарубежной литературе. Очевидно, произведения Дж. Гея воспринимались как проходное явление, без которого легко формировалось представление об истории басни. В книге "Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях", написанной в 1939 г., М.Ю. Левидов представил Дж. Гея "хорошо сложенным, элегантно одетым, с очаровательно саркастической улыбкой, беззаботно честолюбивым, наивно тщеславным, гениальным насмешником, умевшим своим

элегантным юмором обнажать самые позорные язвы своего общества" [32, с. 99], "человеком легкой жизни, баловнем судьбы" [32, с. 261], "человеком чистой, детской души, всеобщим любимцем" [32, с. 262], "фейерверком нигилистического остроумия" [32, с. 110], не претендовавшим в силу своего душевного склада на лавры "борца-моралиста" [32, с. 99]. При этом Дж. Гей оказывается и "прихлебателем в знатных домах, льстецом, наемным любезником" [32, с. 262], который создает заказные произведения, в частности "по специальному заказу <...> пишет веселые и нравоучительные басни для детей наследника" [32, с. 261].

В восприятии А.А. Аникста Дж. Гей был прежде всего драматургом, однако, в силу значимости его драматургического наследия, не оставлялись без внимания и произведения, относящиеся к другим жанрам; в частности, в очерке "Английская драма XVIII века" (1945) А.А. Аникст характеризовал басни Дж. Гея как "забавные и остроумные" [33, с. 476], а его самого – как "одну из наиболее колоритных фигур в английской литературе" [33, с. 474], оказавшую влияние на творчество Г. Филдинга, впоследствии усовершенствовавшего предложенные Дж. Геем приемы социально-политической сатиры (см.: [33, с. 480–481]). Схожие мысли были изложены А.А. Аникстом во втором томе "Истории западноевропейского театра", опубликованном в 1957 г., где Дж. Гей был назван "наиболее смелым обличителем пороков утвердившегося в Англии буржуазного строя" [34, с. 48], басни не упоминались, а основное внимание уделялось "Опере нищего" и ее продолжению - "Полли".

А.Н. Николюкин в монографии "Массовая поэзия в Англии конца XVIII – начала XIX веков" (1961) отметил влияние "демократических традиций" и "образно-аллегорической системы" басен Дж. Гея на неизвестного автора басни "Лягушкины заботы" (начало 1790-х годов), посвященной "разоблачению антинародной войны" [35, c. 47], затеянной быками-королями и резко ухудшившей жизнь простых людей, аллегорически представленных в виде лягушек. Вслед за Дж. Геем неизвестный автор позволял себе "смелые и острые нападки на коррупцию, царящую в верхушке буржуазно-аристократического общества" [35, с. 47]. Выделяя "Оперу нищего" из общего ряда сочинений Дж. Гея, П. Декс в книге "Семь веков романа" (1962) подчеркивал, что "другие его [Дж. Гея] поэтические произведения легки, изящны, но не больше" [36, с. 196].

Наиболее значительные исследования творчества Дж. Гея в 1960—1970-е годы были осуществлены

И.В. Ступниковым, защитившим в 1964 г. в Ленинградском государственном университете кандидатскую диссертацию «"Опера нищих" Джона Гэя» [37] и опубликовавшим статьи в журналах "Филологические науки", "Советская музыка", "Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы" и др. Диссертация И.В. Ступникова включала в себя пять глав ("Литературная деятельность Джона Гэя", «Политическая и социальная сатира в "Опере нищих"», «Джон Гэй и итальянская опера. Литературная пародия в "Опере нищих"», «Уличная песня в "Опере нищих"», "Дальнейшая судьба балладной оперы Джона Гэя"), в первой из которых давалась общая информация о творческом пути английского автора, в т.ч. упоминались и его достижения в басенном жанре. В статье "Джон Гей и клуб Мартина Писаки" (1966) исследователь характеризовал сатиру Дж. Свифта и Дж. Гея как "сатиру писателей, сумевших увидеть грязную изнанку нарождающегося общества" [38, с. 149], осмысливал значение клуба Мартина Писаки для становления творческой индивидуальности Дж. Гея, который "впитал литературный метод скриблериацев — острую сатиру, юмор, гиперболу, достигающую порой гулливеровских размеров, бурлеск, граничащий иногда с откровенной фривольностью, но бьющий в цель благодаря этому с еще большей силой" [38, с. 154]. В статье "О Джоне Гее, Полли Пичем и джентльменах с большой дороги" (1977) И.В. Ступников затронул обстоятельства написания басен, имевших огромный успех, многократно переиздававшихся, ставших в Англии "неотъемлемой частью хрестоматийной литературы" [39, с. 13], цитировавшихся современниками и потомками. Дж. Гей своими баснями давал советы младшему сыну короля Георга II принцу Уильяму Августу "быть образованным, благородным, умным и мудрым; заботиться о своих подданных; не слушать придворных льстецов и лжецов; всегда выступать против насилия и войн, несущих горе людям; разумно использовать казну и помнить, что зло заключено не в самом золоте, а в людях, которые используют его силу в дурных целях" [39, с. 13]; наконец, в баснях Дж. Гея содержался призыв к правителям не подпускать к себе и не облекать властью людей порочных, заботящихся исключительно о собственной выгоде в ущерб всему обществу. В статье "Как в зеркале отразили свой век..." (1989), не упоминая о баснях Дж. Гея, И.В. Ступников так объясняет причины успеха конкретных произведений среди английских читателей XVII в.: "Обличение порока было одной из важнейших задач авторов классического периода

английского Просвещения. Но они стремились прочесть и нравоучение: ничто не скроет порок — ни блеск, ни власть, ни богатство. Для любого нравоучения, однако, требовалось противопоставить пороку некий положительный идеал..." [40, с. 34]. Как видим, басни воспринимались в работах И.В. Ступникова гармоничной, но весьма скромной по своей значимости частью творческого наследия английского писателя.

На фоне многолетнего отсутствия новых переводов басен Дж. Гея (в советский период к осмыслению произведений писателя, относящихся к другим жанрам, обращались, в частности, С.Я. Маршак, П.В. Мелкова, В.Е. Васильев, Г.Е. Бен, А.В. Парин, Г.М. Кружков) значимым событием в истории их русской рецепции стала кандидатская диссертация А.И. Жиленкова "Жанровое своеобразие басенного творчества Джона Гея" (1993), вобравшая в себя материалы, посвященные генезису и источникам английской литературной басни [41, с. 14–43], традициям художественного мышления в басенном творчестве Дж. Гея (эмблематичности образа, жанровой структуре и традиции карнавала, особенностям морали, выводимой из духовных, философских принципов) [41, с. 44–129], преодолению Дж. Геем басенного традиционализма (эволюции образности, памфлетному содержанию басенной формы) [41, с. 130-182]. Исследователь отмечал в баснях Дж. Гея сочетание тенденций "нравоучительства" и "нравообличительства", переход от масочности персонажей к созданию образов действующих лиц, наделенных индивидуальными чертами, "политизацию" нравоучительного содержания текстов, пародийное переосмысление традиционных значений образов, привнесение памфлетности. Басни Дж. Гея характеризовались А.И. Жиленковым как «"переходная" форма от античного варианта жанра к басне Нового времени» [41, с. 186], именно в данном виде достигшая художественной высоты. Обращаясь к русским переводам басен Дж. Гея, осуществленным в екатерининскую эпоху, исследователь отметил их влияние на разработку темы, композиционное решение и образ персонажа басни Д.И. Фонвизина "Лисица-казнодей", в частности общность "проповеднической личины главного героя, способов комического (пародии на ритуал траурной церемонии, использования контрастов для усиления комического эффекта), речевых характеристик персонажей, а также нравоучительного пафоса произведений" [41, с. 181].

Новые публикации о басенном творчестве Дж. Гея появились в России в начале XXI в. Так,

Н.В. Крицкая при подготовке диссертационного исследования "Басни И.А. Крылова в англоязычных переводах: восприятие и интерпретация" (2009) обратила внимание на "баснеманию", которая охватила в Англии и многих профессиональных литераторов, среди которых назван Дж. Гей, сознававший необходимым компонентом жанра политическую и сатирическую направленность (см.: [42, с. 6]). Называя Дж. Гея "английским Лафонтеном", Н.В. Крицкая отмечала характерное для его басен "стремление к национальному началу", а также то обстоятельство, что писатель был "изобретателем" сюжетов всех своих басен, ссылавшихся на английские реалии и становившихся "источником информации о частной жизни, нравах, укладе августинской Англии"; "нередки упоминания актуальных исторических событий, народных примет, суеверий" [42, с. 7]. В статье "Феномен английской басни в жанровом и функциональном аспектах" (2010) Н.В. Крицкая отмечала, что басня в английской критике долгое время оставалась сравнительно малоизученным жанром в силу того, что она не рассматривалась в качестве серьезной творческой работы; в этой связи исследовательница приводила в пример Дж. Гея, чьи басни лишь вскользь упоминались в девятом томе "Истории английской и американской литературы", где внимание сосредоточивалось на произведениях, созданных английским автором в других жанрах, - пасторалях, пародиях и "Опере нищего" (см.: [43, с. 70]). Английская басня впитывает общественно-политические, идеологические споры эпохи, отражает борьбу за власть, рассуждает о коррупции, социальном паразитизме и глупости власти, делая это со всей осмотрительностью, осторожностью и беспричастностью; остросоциальность особенно существенна для второй части басен Дж. Гея, где она существенно оттесняет назидательность, свойственную его ранним басням.

Представления Н.В. Крицкой о басенном творчестве Дж. Гея наиболее полно выражены в ее статье "Джон Гей, английский Лафонтен" (2013), в которой отмечается особый успех произведений Дж. Гея в сравнении с баснями Р. Л'Эстранжа, Б. Мандевиля, Дж. Локка, М. Прайора, во многом обусловленный способностью "соединить противоположные полюса и заполнить пропасть между Граб-Стрит и рафинированной августинской литературой" [44, с. 116]. Если в классицистической парадигме развития басни за героем закреплялась определенная функция, определявшая все его дальнейшие поступки, то Дж. Гей, по наблюдению Н.В. Крицкой, отходит от обобщенных типажей, представляя "хара́ктерных

персонажей, очеловеченных и социально типизированных", актуализирует повествование злободневным материалом, отодвигая аллегоричность на второй план описания: "Для социально- и политически-ориентированных басен Гея характерны персонажи, не просто олицетворяющие те или иные человеческие качества, но подразумевающие конкретных исторических лиц: в Орле (Eagle) современники узнавали королеву, в Петухе (Cock) – главнокомандующего, Совы (Owls) были сторонниками Ганноверов, лебедь (Swan) - тори и т.д. Вместе с тем, узнаваемые портреты деятелей современности типизируют в этих баснях то или иное социальное явление, представляя читателям генерализованные образы современных политиков, литераторов, военачальников" [44, с. 117]. Н.В. Крицкая определяет басни Дж. Гея как некий жанровый "микс", вобравший в себя, вкупе с басенной аллегоричностью, "черты пародии, политической сатиры, изящной иронии", отмечает извлечение баснописцем морали из законов природы, демонстрирующее «превосходство естественнонаучных знаний над "культурными" принципами» [44, с. 117], а также разворачивание событий исключительно в рамках национального топоса, с опорой как на басенную традицию, так и на народные сказки, предания, приметы, суеверия. В конечном итоге "оригинальные и глубоко национальные басни Гея, отражающие актуальное понимание натурфилософии, социального и культурного устройства Англии периода становления буржуазного государства, являются своеобразным и точным, хотя и ироничным зеркалом своего времени" [44, с. 118].

Несколько статей, посвященных басням Дж. Гея, опубликованы в последние годы белгородскими исследователями. Из них наибольший интерес представляет обзорный материал К.С. Воробьевой и А.А. Мережко "Особенности английской литературной басни XVIII века на примере творчества Джона Гея" (2016), в котором отмечены стремление английского автора к отказу от характерной для жанра условности, выработка им средств для более глубокого и индивидуализированного изображения жизни и, вместе с тем, прочно связывающие его с традицией эмблематизм образов, сочетание в композиции произведений дидактизма и развлекательности. Как указывают К.С. Воробьева и А.А. Мережко, «истинным мудрецом в баснях Гея оказывался не "книжный" философ, а тот, кто близок Природе и живет по законам; как правило, это были пастух, земледелец, "добродетельные" мифологические персонажи» [45, с. 35]. Добродетельный идеал басен Дж. Гея исследователи

связали с геральдическими образами, являвшимися знаковым воплошением сословного мышления; по их мнению, «аналогично геральдике, законы сословного мышления проявились и в "регламентации" басенных образов в соответствии с общественным положением персонажей и их нравственной сущностью: лев и бык - монарх, лис и хамелеон – придворный, английский дог /мастиф/ и спаниель - помещик; муравей, медведь, лошадь, обезьяна - политик; дворовые собаки, осел, ячмень – простолюдины» [45, с. 35]. Видевший угрозу государства не в монархе и его наследниках, а в придворных лицемерах и злодеях, Дж. Гей ни разу не отступает от положительного образа Льва, либо слишком строгого ("Лев, Тигр и Путник"), либо требовательного ("Лев и Львенок"), но всегда являвшегося образцом для подражания, символом добродетели; плохим может быть окружение льва, к примеру, Тигр, чей положительный образ не встречается в английской геральдике, соответственно символизирует зло, угрозу Льву-монарху (см.: [46, с. 261–262]). Связь между гербовой и басенной образностью была отмечена также в басне "Воробей и две Совы", в которой последние вспоминали древних греков, изображавших мудрых птиц на гербе города Афин. Изучение геральдической эмблематики дало интересные наблюдения, представленные в статье К.С. Воробьевой и О.В. Сенюковой «Концепт "добродетель" и способы его репрезентации в баснях Джона Гея» (2013) [46, с 258–263]; изучению концептосферы Дж. Гея посвящена также статья К.С. Воробьевой и А.А. Мережко «Репрезентация концептов "good" и "evil" на примере творчества английского баснописца Джона Гея» (2014) [47, с. 67–71].

В начале XXI в. в сети Интернет появились новые переводы басен Дж. Гея, осуществленные в 2009 г. В.И. Панченко ("Зайчиха и друзья" [48]) и в 2011–2016 гг. М.Т. Полыковским ("Старуха и ее коты" [49], "Крысолов и коты" [50], "Бык и мастиф" [51], "Мотылек и улитка" [52], "Спаниель и хамелеон" [53], "Вепрь и баран" [54]). В переводе В.И. Панченко ощутимо стремление к сохранению оригинального замысла, однако многие места нуждаются в существенной редактуре: "C уютной **прятки**... / <...> / Какой-то **транспорт** ей причудился на миг, / Как вдруг, Конек на тракте перед ней возник... / <...> / Конек ответил, не стыдясь: "Мой бедный Пупс" / <...> / У скирды ячменя, угодно ль, поджидает снова. / И, вот, когда у дам опять подходит тесто, / Все вещи, знаешь ли, становятся на место. / <...> / Козел сказал, что с милой так нельзя, / И голова ее слаба, и тяжелы глаза: / <...> / И вот, потухший взор она в Телка

вперила" [48]. Отметим, что в оригинале нет уютной прятки, используется стандартное выражение, которое можно перевести как вышла погулять; лексема transport употреблена в значении сильной эмоции, порыва, передававшей внутреннее состояние героини; конь появляется не на тракте, а на виду; нераспознанная переводчиком лексема ризз должна передаваться значением косой, заяц; ответ быка, додуманный переводчиком, во многом лишен смыслового наполнения; как и у И. Ильинского, коза превращена в козла, при этом не возникает диссонанса с прочим текстом; устаревший глагол вперила требует синонимической замены, например: "В теленка взор потухший устремила".

Особенностью переводов М.Т. Полыковского является несоблюдение принципа эквилинеарности; общее количество стихов оригиналов сохранено лишь в двух ("Старуха и ее коты", "Крысолов и коты") из шести переведенных басен, в остальных случаях превышение объема составляло в среднем около 48%, что не могло не отразиться на конечном результате, причем более других пострадали басни "Вепрь и баран" (28 строк в оригинале, 54 строки в переводе) и "Спаниель и хамелеон", дополненная 56 новыми стихами. Перевод "Вепрь и баран", созданный М.Т. Полыковским, уступал интерпретации А.П. Барыковой, характеризовавшейся неверной расстановкой акцентов в эмоциональном описании действия, поскольку у М.Т. Полыковского эмоциональность отсутствовала совсем, а нарочито нейтральное начало стихотворения усугублялось многословной и бессмысленной речью Вепря: "Все трусы в мире схожи с вами. / Вот ваш палач - глядите сами, – / Он держит, кровью обагрён, / Кровавый нож, сдирает он / С овцы, лишённой жизни, шкуру. / Вершит он эту процедуру, / Не отрываясь на мгновенье. / А между тем, взывает блеянье / Принявших смладу гибель агнцев, / И матерей, отцов и старцев, / Зазря моливших о пощаде, -/ Взывает к мщению, к расплате. / Глупцы, не знающие мести! / В вас нет ни доблести, ни чести!" [54]. Небольшая мораль английской басни, состоящая из четырех стихов, расширена М.Т. Полыковским до пятнадцати стихов: "Итог резни - к иным недугам — / Ещё два важных наказанья / Из тех, что рушат мирозданье. / Не знали б войн и авантюр, / Когда бы из овечьих шкур / Не смастерили барабанов, / Чтоб сонных пробудить болванов; / И кто бы знал про суд да дело, / Когда б не сделали умело / Пергамента из нашей кожи. / Спокойно почивать на ложе / (И лаврах!) могут месть и мщенье / С тех пор как два изобретенья – / Пергаменты и барабаны — / Вовсю используют тираны" [54].

В случаях, когда М.Т. Полыковский обращался непосредственно к переводу, а не пытался заниматься сочинительством, привнося бессчетное количество дополнительных акцентов, неуместных нюансов, результат получался более удачным. В этой связи следует упомянуть перевод басни "Крысолов и коты", к которому могут быть высказаны лишь незначительные замечания - не совсем оправданное нарушение порядка следования фрагментов описания с целью сохранения рифмы, неточность в переводе лексемы engineer ("специалист"), чуждое оригиналу выражение "силы сволочные" [50], упоминание некоего надуманного "мастера-грызуноведа" [50] при трактовке простой фразы — the man replied ("человек ответил"). Относительно немногочисленны неточности при создании переводной басни "Старуха и ее коты". В целом же переводческую манеру М.Т. Полыковского вряд ли можно считать профессиональной; его переводы характеризуются многословием, излишней вольностью, отсутствием эмоциональной составляющей в описаниях.

Е.Д. Фельдман – особая фигура в непростой переводческой судьбе Дж. Гея в России. Оставив за скобками задачу осмысления творчества гениального английского драматурга, переводчик поставил перед собой сложную задачу максимально полно познакомить отечественного читателя с наследием Гея-баснописца, переведенным на многие языки мира (в частности на урду, бенгали), но, несмотря на значительную историю рецепции, охватывающую без малого два с половиной столетия, почти неизвестным в России: "Работая, испытываю наслаждение – не только от Гея, но и от возможности делать поэзию из простой, обыденной речи" [25, с. 384]. Е.Д. Фельдман стремился передать искрометную сатиру, легкость слога, нравственное наполнение произведений, позволяя себе некоторую вольность, не разрушавшую эмоциональную атмосферу подлинника, но предполагавшую отход от некоторых особенностей формы (прежде всего от принципа эквилинеарности). Публикация первого полного стихотворного перевода басен осуществлялась по мере их создания в 2017–2019 гг. [25, с. 384–462]; [55, с. 286– 324]; [56, с. 413-438]; также Е.Д. Фельдманом впервые переведены поэма "Тривия, или Искусство ходить по улицам Лондона" [57, с. 332-381] и отдельные стихотворения Дж. Гея [58, с. 382-386]; [59, с. 636-657]. Обращаясь к басням, Е.Д. Фельдман учитывал их восприятие в Англии, где они долгое время оставались одной из лучших книг, предназначенных для детской аудитории, служивших хрестоматийным материалом в школах, а также то обстоятельство, что адресату книги сыну Георга II Уильяму Августу было на момент

ее публикации всего шесть лет. В итоге созданные им переводы басен доступны читателям всех возрастов, но, что особенно важно, ориентированы прежде всего на круг детского чтения.

Как видим, восприятие басенного творчества Дж. Гея русскими переводчиками, литературными критиками, литературоведами представляло собой сложный процесс, включавший в себя как "всплески" внимания к произведениям английского баснописца в последней четверти XVIII в., в конце XIX в., так и длительные периоды затухания интереса, когда на протяжении десятилетий имя Гея-баснописца только изредка упоминалось на страницах изданий по истории английской литературы. Если первый из "всплесков" был во многом обусловлен интересом российского общества к книжным новинкам, выходившим на французском языке, и характеризовался преимущественно появлением прозаических переводов с языка-посредника, на фоне которых выигрышно смотрелись поэтические переводы с английского И. Ильинского, то второй был связан с общим усилением внимания к произведениям английских авторов, близких к традиционной культуре и доступных для восприятия массового, простонародного читателя. В советское время пристальное изучение художественного своеобразия драматургии Дж. Гея (прежде всего, "Оперы нищего") сочеталось с полным забвением его басен. Появившиеся в постсоветские лесятилетия исслелования А.И. Жиленкова и переводы Е.Д. Фельдмана обозначили новый этап русской рецепции, характеризующийся выявлением и осмыслением художественного своеобразия басен Дж. Гея, стремлением к максимально полному, целостному восприятию наследия Гея-баснописца с учетом античных, английских литературных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Le berger et le philosophe // Choix littéraire. 1758. Vol. 16. P. 103–106.
- 2. Le berger et le philosophe // Recueil pour l'esprit et pour le Coeur. 1764. Vol. 1. Pt. 2. P. 205–208.
- 3. О дружбе; Пастух и философ; Саладин и Фатьма // Утренний свет. 1778. Ч. II. Март. С. 267—282.
- 4. De l'amitié // Nouveau recueil pour l'esprit et le Coeur. 1766. Vol. 2. P. 353–362.
- 5. Salaeddin et Fatmé // Nouveau recueil pour l'esprit et le Coeur. 1766. Vol. 1. P. 10–16.
- 6. *Рак В.Д.* Переводчик В.А. Приклонский (Материалы к истории тверского "культурного гнезда" в 1770—1780-е годы) // Рак В.Д. Статьи

- 2008. C. 327-358.
- 7. Басни господина Ге: С англинского на французской, а с сего на российской язык перевеленные: [В 2 ч.]. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1783. Ч. 1. 138 с.; Ч. 2. 108 с.
- 8. Кряжев В.С. Избранные сочинения из лучших аглинских писателей прозою и стихами: Для упражнения в чтении и переводе. М.: Унив. тип., v B. Окорокова, 1792. 160 c.
- 9. Басня. Пастух и философ / С аглинск<ого> Н. Плтк <Н.Р. Политковский> // Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 11. C. 333-336.
- 10. Приятное прощание Вильяма с черноглазою Сусанной // Иппокрена, или Утехи любословия. 1800. Ч. 7. С. 85-87.
- 11. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.М. Успенский. Л.: Наука, 1984. 718 с.
- 12. Спор о лошадях. Скриблерусов рапорт о деле, совершавшемся в Надворном суде / Перевел Ва-й Бе-х // Северный Меркурий. 1809. Ч. 1. Март. C. 250-256.
- 13. Елистратова А.А. Английская литература // История всемирной литературы: В 9 т. / Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1988. Т. 5. С. 32–86.
- 14. Зыкова Е.П. Литературный быт и литературные нравы Англии в XVIII веке: искусство жизни в зеркале писем, дневников, мемуаров. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 231 с.
- 15. Gay J. Fables. Paris: A.A. Renouard, 1800. 212 c.
- 16. Библиотека В.А. Жуковского: Описание / Сост. В.В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 416 c.
- 17. Реморова Н.Б. Басня в творчестве Жуковского // Жуковский и русская культура: Сб. научн. тр. / Отв. редактор Р.В. Иезуитова. Л.: Наука, 1987. C. 95-112.
- 18. Реморова Н.Б. Басня в книжном собрании и архиве Жуковского (некоторые проблемы ее восприятия, перевода и создания поэтом) // Библиотека В.А. Жуковского в Томске: [В 3 ч.]. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. Ч. III. С. 369-372.
- 19. Gay J. The poetical works. With the life of the author. London: C. Cooke, [1805]. Vol. 2. 220, [8] c.
- 20. Чертоги смерти. Баснь. Из соч. г-на Гея / С англинского И. Ильинский // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. І. № 3. С. 228-230.
- 21. Отец и Юпитер. Баснь / С англинского из Гея Иван Ильинский // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. II. № 4. С. 64-66.

- о литературе XVIII века. СПб.: Пушкинский Дом, 22. Заяц и его друзья. Баснь / Из Гея Иван Ильинский // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. II. № 5. С. 115—117.
 - 23. Гей Дж. Заяц и его друзья / Пер. И. Ильинского // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. VIII: Сб. научн. тр. М.: Флинта; Наука, 2017. С. 462–463.
 - 24. Человек и Муха. Басня / С англинского // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. IV. № 11. C. 147-148.
 - 25. Гей Дж. Басни. Часть І / Вступительная заметка, перевод и примечания Е.Д. Фельдмана // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. VIII: Сб. научн. тр. М.: Флинта; Наука, 2017. C. 384-462.
 - 26. Геттер Г. История всеобщей литературы XVIII века. СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1863. Т. 1. Английская литература (1660—1770). [4]. VIII. 468 с.
 - 27. Зотов В.Р. История всемирной литературы в обших очерках, биографиях, характеристиках и образцах: [В 4 т.]. СПб.; М.: Издание М.О. Вольфа. 1882. Т. IV. Литература Германии, Нидерландов, Фландрии, Англии, Скандинавии, Финляндии, Венгрии. [4], II, VI, 807 с.
 - 28. Шерр И. Иллюстрированная всеобщая история литературы: В 2 т. / Перевод под ред. П.И. Вейнберга. М.: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев и K°, 1898. Т. 2. 612, LXI с.
 - 29. Тэн И. Развитие политической и гражданской свободы в Англии в связи с развитием литературы: (Histoire de la litterature anglaise): [В 2 ч.] / Пер. под ред. А. Рябинина и М. Головина. СПб.: Тип. Т-ва "Общественная польза", 1871. Ч. II. XII, 552 с.
 - 30. Веселовский Алексей Н. Английская литература XVIII века // Всеобщая история литературы / Под ред. В.Ф. Корша, А.И. Кирпичникова. СПб.: Изд. Карла Риккера, 1888. Т. 3. Ч. 1. С. 804—883.
 - 31. Гей Дж. Мудрец и фазаны; Пифагор и крестьянин; Из басни "Овчарка и волк"; Овца и кабан / Пер. А.П. Барыковой // Песни Англии и Америки: Песни, сказания, басни и притчи: Собрание стихотворений английских и американских стихотворцев в переводе русских писателей. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1895. 137 с.
 - 32. Левидов М.Ю. Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях. М.: Книга, 1986. 288 с.
 - 33. Аникст А.А. Английская драма XVIII века // История английской литературы. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1945. Т. 1. Вып. 2. С. 466-500.
 - 34. Аникст А.А. Английский театр // История западноевропейского театра / Под общей ред. С.С. Мокульского. М.: Искусство, 1957. Т. 2. С. 31-112.

- 35. *Николюкин А.Н.* Массовая поэзия в Англии конца XVIII— начала XIX веков. М.: Издательство АН СССР, 1961. 276 с.
- 36. Декс П. Семь веков романа / Под ред. и с предисловием Ю.Б. Виппера; пер. с французского Я.З. Лесюка, Ю.П. Уварова. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 483 с.
- 37. Ступников И.В. "Опера нищих" Джона Гэя: Диссертация ... кандидата филологических наук / Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. Л., 1964. 340 с.
- Ступников И.В. Джон Гей и клуб Мартина Писаки // Филологические науки. 1966. № 4. С. 146—154.
- 39. *Ступников И.В.* О Джоне Гее, Полли Пичем и джентльменах с большой дороги // Гей Дж. Опера нищего. Полли / Пер. с англ. П. Мелковой. М.: Искусство, 1977. С. 3—33.
- 40. Ступников И.В. Как в зеркале отразили свой век... // Английская комедия XVII—XVIII веков: Антология / Составление, предисловие и комментарии И.В. Ступникова. М.: Высшая школа, 1989. С. 6–42.
- 41. Жиленков А.И. Жанровое своеобразие басенного творчества Джона Гея: Диссертация ... кандидата филологических наук / Московский педагогический государственный университет им. В.И. Ленина. М., 1993. 186, XXXVI с.
- 42. Крицкая Н.В. Басни И. А. Крылова в англоязычных переводах: восприятие и интерпретация: Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Томский государственный университет. Томск, 2009. 28 с.
- 43. *Крицкая Н.В.* Феномен английской басни в жанровом и функциональном аспектах // Вестника Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8 (98). С. 70—72.
- 44. *Крицкая Н.В.* Джон Гей, английский Лафонтен // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (29). С. 116—118.
- 45. Воробьева К.С., Мережко А.А. Особенности английской литературной басни XVIII века на примере творчества Джона Гея // Актуальные вопросы современных гуманитарных наук: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Екатеринбург: ООО "Ареал", 2016. Вып. III. С. 34—36.
- 46. *Воробьева К.С., Сенюкова О.В.* Концепт "добродетель" и способы его репрезентации в баснях Джона Гея // Достижения вузовской науки. 2013. № 7. С. 258–263.
- 47. Воробьева К.С., Мережко А.А. Репрезентация концептов "good" и "evil" на примере творчества английского баснописца Джона Гея // Научные ведомости Белгородского государственного

- университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 6. С. 67—71.
- 48. *Гей Дж.* Зайчиха и друзья / Пер. В.И. Панченко. URL: http://world.lib.ru/w/wasilij i p/txt-34.shtml
- 49. *Гей Дж*. Старуха и ее коты / Пер. М.Т. Полыковского. URL: https://stihi.ru/2011/07/04/4541
- 50. *Гей Дж*. Крысолов и коты / Пер. М.Т. Полыковского. URL: https://stihi.ru/2011/07/06/3668
- 51. *Гей Дж.*. Бык и Мастиф / Пер. М.Т. Полыковского. URL: https://stihi.ru/2016/02/04/5562
- 52. *Гей Дж.* Мотылек и Улитка / Пер. М.Т. Полыковского. URL: https://stihi.ru/2016/02/10/5965
- 53. *Гей Дж.* Спаниель и Хамелеон / Пер. М.Т. Полыковского. URL: https://stihi.ru/2016/02/14/5215
- 54. *Гей Дж.* Вепрь и баран / Пер. М.Т. Полыковского. URL: https://stihi.ru/2016/02/17/9525
- 55. *Гей Дж*. Басни. Часть II (I—X) / Перевод и примечания Е.Д. Фельдмана // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. X: Сб. научн. тр. М.: Флинта, 2018. С. 286—324.
- 56. *Гей Дж.* Басни. Часть II (XI–XVII) / Перевод и примечания Е.Д. Фельдмана // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XI: Сб. научн. тр. М.: Флинта, 2019. С. 413–438.
- 57. *Гей Дж.* Тривия, или Искусство ходить по улицам Лондона / Перевод и примечания Е.Д. Фельдмана // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XII: Сб. научн. тр. М.: Флинта, 2020. С. 332—381.
- 58. Некоторые стихотворения Джона Гея в переводе Евгения Фельдмана // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XII: Сб. научн. тр. М.: Флинта, 2020. С. 382—386.
- 59. *Гей Дж.* Избранные стихотворения / Перевод Е.Д. Фельдмана // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XV: Сб. научн. тр. М.: Флинта, 2021. С. 636–657.

REFERENCES

- 1. Le berger et le philosophe. Choix littéraire. 1758, Vol. 16, pp. 103–106. (In French)
- 2. Le berger et le philosophe. Recueil pour l'esprit et pour le Coeur. 1764, Vol. 1, pt. 2, pp. 205–208. (In French)
- 3. *O druzhbe; Pastuh i filosof; Saladin i Fat'ma* [About Friendship; The Shepherd and the Philosopher; Saladin and Fatma]. *Utrennij svet* [Morning Light]. 1778, Part II, March, pp. 267–282. (In Russ.)
- 4. De l'amitié. Nouveau recueil pour l'esprit et le Coeur. 1766, Vol. 2, pp. 353–362. (In French)
- 5. Salaeddin et Fatmé. Nouveau recueil pour l'esprit et le Coeur. 1766, Vol. 1, pp. 10–16. (In French)

- Rak, V.D. Perevodchik V.A. Priklonskij (Materialy k istorii tverskogo "kulturnogo gnezda" v 1770–1780-e gody) [Translator V.A. Priklonsky (Materials for the History of the Tver "Cultural Nest" in the 1770s–1780s)]. Statji o literature XVIII veka. [Articles on the Literature of the 18th Century]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2008, pp. 327–358. (In Russ.)
- 7. Basni gospodina Ge: S anglinskogo na francuzskoj, a s sego na rossijskoj yazyk perevedennye [Fables of Mr. Ge: From English to French, and from this to Russian Translated]. In 2 Parts. Moscow, Univ. printing house of N. Novikov, 1783. Part 1. 138 p.; Part 2. 108 p. (In Russ.)
- 8. Kryazhev, V.S. *Izbrannye sochineniya iz luchshih aglinskih pisatelej prozoyu i stihami: Dlya uprazhneniya v chtenii i perevode* [Selected Works from the best English Writers in Prose and Verse: For Exercises in Reading and Translation]. Moscow, Univ. printing house of V. Okorokov, 1792. 160 p. (In Russ.)
- 9. Basnya. Pastuh i filosof. S aglinsk<ogo> N. Pltk <N.R. Politkovskij> [A Fable. The Shepherd and the Philosopher. Translated from English by N. Pltk <N.R. Politkovsky>]. Priyatnoe i poleznoe preprovozhdenie vremeni [Pleasant and Useful Pastime]. 1796, Vol. 11, pp. 333–336. (In Russ.)
- 10. Priyatnoe proshchanie Vilyama s chernoglazoyu Susannoj [William's Pleasant Farewell to the Black-Eyed Susanna]. Ippokrena, ili Utekhi lyubosloviya [Ippokrena, or the Joys of Love-making]. 1800, P. 7, pp. 85–87. (In Russ.)
- Karamzin, N.M. Pisma russkogo puteshestvennika. Izd. podg. Yu.M. Lotman, N.A. Marchenko, B.M. Uspenskij [Letters of a Russian Traveler. Edit. prep. by Yu.M. Lotman, N.A. Marchenko, B.M. Uspensky]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 718 p. (In Russ.)
- 12. Spor o loshadyah. Skriblerusov raport o dele, sovershavshemsya v Nadvornom sude. Perevel Va-j Be-h [A Dispute about Horses. Scriblerus Report on the Case that was Committed in the Aulic Court. Translated by Va-y Be-x]. Severnyj Merkurij [Northern Mercury]. 1809, Part 1, March, pp. 250–256. (In Russ.)
- 13. Elistratova, A.A. *Anglijskaya literatura* [English Literature]. *Istoriya vsemirnoj literatury. V 9 tomah* [The History of General Literature. In 9 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1988. Vol. 5, pp. 32–86. (In Russ.)
- 14. Zykova, E.P. Literaturnyj byt i literaturnye nravy Anglii v XVIII veke: iskusstvo zhizni v zerkale pisem, dnevnikov, memuarov [Literary Life and Literary Mores in England in the 18th Century: the Art of Life in the Mirror of Letters, Diaries, Memoirs]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2013. 231 p. (In Russ.)
- 15. Gay, J. Fables. Paris, A.A. Renouard Publ., 1800. 212 p. (In French)
- 16. Biblioteka V.A. Zhukovskogo: Opisanie. Sost. V.V. Lobanov [The Library of V.A. Zhukovsky: Description.

- Comp. by V.V. Lobanov]. Tomsk, Publishing house of the Tomsk University, 1981. 416 p. (In Russ.)
- 17. Remorova, N.B. Basnya v tvorchestve Zhukovskogo [Fable in the Works of Zhukovsky]. Zhukovskij i russkaya kul'tura: Sb. nauchn. trudov. Otv. redaktor R.V. Iezuitova [Zhukovsky and Russian Culture: Collection of Scientific Works. Edit. by R.V. Jesuitova]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 95–112. (In Russ.)
- 18. Remorova, N.B. Basnya v knizhnom sobranii i arhive Zhukovskogo (nekotorye problemy ee vospriyatiya, perevoda i sozdaniya poetom) [Fable in the Book Collection and Archive of Zhukovsky (Some Problems of its Perception, Translation and Creation by the Poet)]. Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske [Library of V.A. Zhukovsky in Tomsk]. In 3 Parts. Tomsk, Publishing House of the Tomsk University, 1988. Part III, pp. 369–372. (In Russ.)
- 19. Gay, J. The poetical works. With the life of the author. London, C. Cooke Publ., [1805]. Vol. 2. 220, [8] p. (In English)
- 20. Chertogi smerti. Basni. Iz soch. g-na Geya. S anglinskogo I. Iljinskij [The Halls of Death. Fables. From the Op. of Mr. Gay. Trans. from English by I. Ilyinsky]. Zhurnal dlya polzy i udovolstviya [Journal for Use and Pleasure]. 1805, Part I, No. 3, pp. 228–230. (In Russ.)
- 21. *Otec i Yupiter. Basni. S anglinskogo iz Geya Ivan Iljinskij* [Father and Jupiter. Fables. Trans. from English from Gay Ivan Ilyinsky]. *Zhurnal dlya polzy i udovolstviya* [Journal for Use and Pleasure]. 1805, Part II, No. 4, pp. 64–66. (In Russ.)
- 22. Zayac i ego druzya. Basni. Iz Geya Ivan Iljinskij [The Hare and his Friends. Fables. Trans. from Gay by Ivan Ilyinsky]. Zhurnal dlya polzy i udovolstviya [Journal for Use and Pleasure]. 1805, Part II, No. 5, pp. 115–117. (In Russ.)
- 23. Gay, J. Zayac i ego druzya. Per. I. Iljinskogo [The Hare and his Friends. Trans. by I. Ilyinsky]. Hudozhestvennyj perevod i sravniteľ noe literaturovedenie. VIII: Sbornik nauchnych trudov [Literary Translation and Comparative Literary Studies. VIII: Collection of Scientific Works]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2017, pp. 462–463. (In Russ.)
- 24. *Chelovek i Muha. Basnya. S anglinskogo* [A Man and a Fly. Fable. From English]. *Zhurnal dlya polzy i udovolstviya* [Journal for Use and Pleasure]. 1805, Part IV, No. 11, pp. 147–148. (In Russ.)
- 25. Gay, J. Basni. Chast I. Vstupitelnaya zametka, perevod i primechaniya E.D. Feldmana [Fables. Part I. Introductory Note, Translation and Notes by E.D. Feldman]. Hudozhestvennyj perevod i sravnitelnoe literaturovedenie. VIII: Sbornik nauchnych trudov [Literary Translation and Comparative Literary Studies. VIII: Collection of Scientific Works]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2017, pp. 384–462. (In Russ.)

- 26. Gettner, G. *Istoriya vseobshchej literatury XVIII veka* [The History of General Literature of the 18th Century]. St. Petersburg, Printing house of N. Tiblen, 1863. Vol. 1. English literature (1660–1770), VIII, 468 p. (In Russ.)
- 27. Zotov, V.R. *Istoriya vsemirnoj literatury v obshchih ocherkah, biografiyah, harakteristikah i obrazcah* [The History of World Literature in General Essays, Biographies, Characteristics and Samples:]. In 4 Vols. St. Petersburg; Moscow, Edition of M.O. Wolf, 1882. Vol. IV. Literature of Germany, the Netherlands, Flanders, England, Scandinavia, Finland, Hungary. II, VI, 807 p. (In Russ.)
- 28. Sherr, I. *Illyustrirovannaya vseobshchaya istoriya literatury. Perevod pod red. P.I. Vejnberga* [The Illustrated Universal History of Literature. Translated under the Editorship of P.I. Weinberg]. In 2 Vols. Moscow, Typolithography of the Partnership I.N. Kushnerev and Co., 1898. Vol. 2. 612, LXI p. (In Russ.)
- 29. Ten, I. Razvitie politicheskoj i grazhdanskoj svobody v Anglii v svyazi s razvitiem literatury: (Histoire de la litterature anglaise). Per. pod red. A. Ryabinina i M. Golovina [The Development of Political and Civil Freedom in England in Connection with the Development of Literature: (Histoire de la Litterature Anglaise). Trans. ed. by A. Ryabinin and M. Golovin]. In 2 Parts. St. Petersburg, Printing house of the Partnership "Public benefit", 1871. Part II. 552 p. (In Russ.)
- 30. Veselovskiy, A.N. *Anglijskaya literatura XVIII veka* [English Literature of the 18th Century]. *Vseobshchaya istoriya literatury. Pod red. V.F. Korsha, A.I. Kirpichnikova* [General History of Literature. Edited by V.F. Korsh, A.I. Kirpichnikov]. St. Petersburg, Karl Rikker Publishing House, 1888, Vol. 3, Part I, pp. 804–883. (In Russ.)
- 31. Gay, J. Mudrec i fazany; Pifagor i krestyanin; Iz basni "Ovcharka i volk"; Ovca i kaban. Per. A.P. Barykovoj [The Sage and the Pheasants; Pythagoras and the Peasant; from the fable "The Shepherd and the Wolf"; The Sheep and the Boar. Trans. by A.P. Barykova]. Pesni Anglii i Ameriki: Pesni, skazaniya, basni i pritchi: Sobranie stihotvorenij anglijskih i amerikanskih stihotvorcev v perevode russkih pisatelej [Songs of England and America: Songs, Legends, Fables and Parables: A Collection of Poems by English and American Poets Translated by Russian Writers]. Moscow, Printing house of the I.D. Sytin, 1895. 137 p. (In Russ.)
- 32. Levidov, M.Yu. *Puteshestvie v nekotorye otdalennye strany mysli i chuvstva Dzhonatana Svifta, snachala issledovatelya, a potom voina v neskolkih srazheniyah* [A Journey to Some Remote Countries of the Thoughts and Feelings of Jonathan Swift, first a Researcher, and then a Warrior in Several Battles]. Moscow, Kniga Publ., 1986. 288 p. (In Russ.)
- 33. Anikst, A.A. *Anglijskaya drama XVIII veka* [English Drama of the 18th Century]. *Istoriya anglijskoj literatury* [History of English Literature]. Moscow, Leningrad,

- Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1945, Vol. 1, Issue 2, pp. 466–500. (In Russ.)
- 34. Anikst, A.A. *Anglijskij teatr* [English Theater]. *Istoriya zapadnoevropejskogo teatra. Pod obshchej red. S.S. Mokulskogo* [History of Western European Theater. Under the General Editorship of S.S. Mokulsky]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1957, Vol. 2, pp. 31–112. (In Russ.)
- 35. Nikolyukin, A.N. *Massovaya poeziya v Anglii konca XVIII nachala XIX vekov* [Mass Poetry in England of the late 18th early 19th Centuries]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 276 p. (In Russ.)
- 36. Deks, P. Sem vekov romana. Pod red. i s predisloviem Yu.B. Vippera; per. s francuzskogo Ya.Z. Lesyuka, Yu.P. Uvarova [Seven Centuries of the Novel. Ed. and with a Preface by Yu.B. Wipper; Translated from the French by Ya.Z. Lesyuk, Yu.P. Uvarov]. Moscow, Publishing House of Foreign Literature, 1962. 483 p. (In Russ.)
- 37. Stupnikov, I.V. "Opera nishchih" Dzhona Geya: Dissertaciya ... kandidata filologicheskih nauk ["The Beggar's Opera" by John Gay: Dissertation ... Candidate of Philological Sciences]. Leningrad, Leningrad State University named after A.A. Zhdanov, 1964. 340 p. (In Russ.)
- 38. Stupnikov, I.V. *Dzhon Gej i klub Martina Pisaki* [John Gay and the Scriblerus Club]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. 1966, No. 4, pp. 146–154. (In Russ.)
- 39. Stupnikov, I.V. *O Dzhone Gee, Polli Pichem i dzhentlmenah s bolshoj dorogi* [About John Gay, Polly Peacham and Gentlemen from the High Road]. *Gej, Dzh. Opera nishchego. Polli. Per. s angl. P. Melkovoj* [Gay, J. The Beggar's Opera. Polly. Translated from the English by P. Melkova]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977, pp. 3–33. (In Russ.)
- 40. Stupnikov, I.V. *Kak v zerkale otrazili svoj vek...* [How did you Reflect your Century in the Mirror...]. *Anglijskaya komediya XVII—XVIII vekov: Antologiya. Sostavlenie, predislovie i kommentarii I.V. Stupnikova* [English Comedy of the 17th—18th Centuries: An Anthology. Compilation, Preface and Comments by I.V. Stupnikov]. Moscow, Higher School Publ., 1989, pp. 6–42. (In Russ.)
- 41. Zhilenkov, A.I. Zhanrovoe svoeobrazie basennogo tvorchestva Dzhona Geya: Dissertaciya ... kandidata filologicheskih nauk [Genre Originality of John Gay's Fable Creativity: Dissertation ... Candidate of Philological Sciences]. Moscow, Moscow Pedagogical State University named after V.I. Lenin, 1993. 186, XXXVI p. (In Russ.)
- 42. Kritskaya, N.V. Basni I.A. Krylova v angloyazychnyh perevodah: vospriyatie i interpretaciya: Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskih nauk [I.A. Krylov's Fables in English Translations: Perception and Interpretation: Abstract of the Dissertation ...

- Candidate of Philological Sciences]. Tomsk, Tomsk State University, 2009. 28 p. (In Russ.)
- 43. Kritskaya, N.V. Fenomen anglijskoj basni v zhanrovom i funkcionalnom aspektah [The Phenomenon of the English Fable in Genre and Functional Aspects]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University]. 2010, No. 8 (98), pp. 70–72. (In Russ.)
- 44. Kritskaya, N.V. *Dzhon Gej, anglijskij Lafonten* [John Gay, English Lafontaine]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. 2013, No. 11 (29), pp. 116–118. (In Russ.)
- 45. Vorobjeva, K.S., Merezhko, A.A. Osobennosti anglijskoj literaturnoj basni XVIII veka na primere tvorchestva Dzhona Geya [Features of the English Literary Fable of the 18th Century on the Example of the Work of John Gay]. Aktualnye voprosy sovremennyh gumanitarnyh nauk: Sbornik nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Topical Issues of Modern Humanities: A Collection of Scientific Papers Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference]. Yekaterinburg, Areal LLC Publ., 2016, Issue III, pp. 34–36. (In Russ.)
- 46. Vorobjeva, K.S., Senyukova, O.V. Koncept "dobrodetel" i sposoby ego reprezentacii v basnyah Dzhona Geya [The Concept of "Virtue" and Ways of its Representation in the Fables of John Gay]. Dostizheniya vuzovskoj nauki [Achievements of University Science]. 2013, No. 7, pp. 258–263. (In Russ.)
- 47. Vorobjeva, K.S., Merezhko, A.A. Reprezentaciya konceptov "good" i "evil" na primere tvorchestva anglijskogo basnopisca Dzhona Geya [Representation of the Concepts "Good" and "Evil" on the Example of the Work of the English Fabulist John Gay]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki [Scientific Bulletin of the Belgorod State University. The Humanities Series]. 2014, No. 6, pp. 67–71. (In Russ.)
- 48. Gay, J. *Zajchiha i druzya. Per. V.I. Panchenko* [The Hare and Friends. Trans. by V.I. Panchenko]. URL: http://world.lib.ru/w/wasilij_i_p/txt-34.shtml
- 49. Gay, J. *Staruha i ee koty. Per. M.T. Polykovskogo* [The Old Woman and her Cats. Trans. by M.T. Polykovsky]. URL: https://stihi.ru/2011/07/04/4541
- 50. Gay, J. *Krysolov i koty. Per. M.T. Polykovskogo* [The Pied Piper and Cats. Trans. by M.T. Polykovsky]. URL: https://stihi.ru/2011/07/06/3668

- 51. Gay, J. *Byk i Mastif. Per. M.T. Polykovskogo* [The Bull and the Mastiff. Trans. by M.T. Polykovsky]. URL: https://stihi.ru/2016/02/04/5562
- 52. Gay, J. *Motylek i Ulitka. Per. M.T. Polykovskogo* [The Moth and the Snail. Trans. by M.T. Polykovsky]. URL: https://stihi.ru/2016/02/10/5965
- 53. Gay, J. *Spaniel i Hameleon. Per. M.T. Polykovskogo* [The Spaniel and the Chameleon. Trans. by M.T. Polykovsky]. URL: https://stihi.ru/2016/02/14/5215
- 54. Gay, J. *Vepr i Baran. Per. M.T. Polykovskogo* [The Boar and the Ram. Trans. by M.T. Polykovsky]. URL: https://stihi.ru/2016/02/17/9525
- 55. Gay, J. Basni. Chast II (I–X). Perevod i primechaniya E.D. Feldmana [Fables. Part II (I–X). Translation and Notes by E.D. Feldman]. Hudozhestvennyj perevod i sravnitelnoe literaturovedenie. X: Sbornik nauchnych trudov. [Literary Translation and Comparative Literary Studies. X: Collection of Scientific Works]. Moscow, Flinta Publ., 2018, pp. 286–324. (In Russ.)
- 56. Gay, J. *Basni. Chast II (XI—XVII). Perevod i primechaniya E.D. Feldmana* [Fables. Part II (XI—XVII). Translation and Notes by E.D. Feldman]. *Hudozhestvennyj perevod i sravnitelnoe literaturovedenie. XI: Sbornik nauchnych trudov* [Literary Translation and Comparative Literary Studies. XI: Collection of Scientific Works]. Moscow, Flinta Publ., 2019, pp. 413—438. (In Russ.)
- 57. Gay, J. *Triviya, ili Iskusstvo hoditj po ulicam Londona. Perevod i primechaniya E.D. Feldmana* [Trivia, or the Art of Walking the Streets of London. Translation and Notes by E.D. Feldman]. *Hudozhestvennyj perevod i sravnitelnoe literaturovedenie. XII: Sbornik nauchnych trudov* [Literary Translation and Comparative Literary Studies. XII: Collection of Scientific Works]. Moscow, Flinta Publ., 2020, pp. 332–381. (In Russ.)
- 58. Nekotorye stihotvoreniya Dzhona Geya v perevode Evgeniya Feldmana [Some Poems of John Gay Translated by Evgeny Feldman]. Hudozhestvennyj perevod i sravnitelnoe literaturovedenie. XII: Sbornik nauchnych trudov [Literary Translation and Comparative Literary Studies. XII: Collection of Scientific Works]. Moscow, Flinta Publ., 2020, pp. 382–386. (In Russ.)
- 59. Gay, J. *Izbrannye stihotvoreniya*. *Perevod E.D. Feldmana* [Selected Poems. Translated by E.D. Feldman]. *Hudozhestvennyj perevod i sravnitelnoe literaturovedenie*. *XV: Sbornik nauchnych trudov* [Literary Translation and Comparative Literary Studies. XV: Collection of Scientific Works]. Moscow, Flinta Publ., 2021, pp. 636–657. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 9 августа 2021 г. Статья поступила после рецензирования и доработки: 13 сентября 2021 г. Статья принята к публикации: 15 сентября 2021 г. Дата публикации: 31 октября 2021 г.

> Received by Editor on August 9, 2021 Revised on September 13, 2021 Accepted on September 15, 2021 Date of publication: October 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017129-4

Русский Пратчетт (на материале переводов романа "Monstrous Regiment")

© 2021 г. М. В. Цветкова

Доктор филологических наук, профессор Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" — Нижний Новгород, Россия, 603155, Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, д. 25/12 mtsvetkoya@hse.ru

© 2021 г. А. Н. Кульков

аспирант Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" — Нижний Новгород, Россия, 603155, Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, д. 25/12 akulkov@hse.ru

Резюме. В статье рассматриваются два перевода на русский язык романа Терри Пратчетта "Monstrous Regiment". В отличие от работ, затрагивающих вопросы адекватности перевода, в данном исследовании предлагается подойти к переводу с точки зрения рецепции: прослеживаются трансформации, происходящие при переложении романа с английского на русский, выявляются отличия русского Пратчетта от оригинала. Сравнительный анализ сосредоточен на случаях перекодирования интертекстуальных включений, которые являются неотъемлемой частью всех произведений британского писателя. Сравнительный анализ переводов показывает, что из перевода уходит все нерелевантное для принимающей культуры: пронизывающая весь текст оригинала насмешливость тона и сама концентрированность комической стихии, являющейся выражением английского чувства юмора; прецедентные тексты, которые не являются таковыми для принимающей культуры. Эти переводческие "потери" приводят к исчезновению в русском варианте дополнительных измерений романа Пратчетта, который, как всякий постмодернистский текст, одновременно ориентирован на все слои — от интеллектуального до массового читателя. В то же время в переводе сохранен важный для прозы Пратчетта аспект, связанный с пародированием традиционных персонажей и шаблонных ходов, характерных для литературы жанра фэнтези. Именно этот аспект, вкупе с нетривиальным развитием сюжета и постоянной игрой с ожиданиями читателей, принес писателю широкую популярность у российских почитателей фэнтезийного жанра.

Ключевые слова: Пратчетт, перевод, прецедентный текст, интертекстуальность, "Монстрячий взвод", "Пехотная баллада".

Для цитирования: *Цветкова М.В., Кульков А.Н.* Русский Пратчетт (на материале переводов романа "Monstrous Regiment") // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 71—80. DOI: 10.31857/S241377150017129-4

Russian Pratchett (Based on Translations of the Novel "Monstrous Regiment")

© 2021 Marina V. Tsvetkova

Doct. Sci. (Philol.), Professor at Higher School of Economics — Nizhny Novgorod, 25/12 B. Pecherskaya Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russia mtsvetkova@hse.ru

© 2021 Aleksandr N. Kulkov

Postgraduate student at Higher School of Economics — Nizhny Novgorod, 25/12 B. Pecherskaya Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russia akulkov@hse.ru

Abstract. The article examines two Russian translations of Terry Pratchett's novel "Monstrous Regiment". Unlike works that deal with the adequacy of translation, this study proposes the approach to translation from the point of view of reception: the transformations occurring during the translation of the novel from English into Russian and the differences between Russian Pratchett and the original. The comparative analysis focuses on cases of transcoding of intertextual inclusions, which are an integral part of all the works of the British writer. This comparative analysis of the translations shows that everything irrelevant for the host culture leaves the translation: the mocking tone that permeates the entire text of the original and the very concentration of the comic element, which is an expression of the English sense of humour; precedent texts unknown for the host culture. These "losses" lead in translations to the disappearance of the additional dimensions of Pratchett's novel, which, like any postmodern text, is simultaneously focused on all layers — from the intellectual to the general reader. At the same time, the translation retains an important aspect for Pratchett's prose, associated with parodying traditional characters and hackneyed plots of fantasy literature. It is the aspect, coupled with the non-trivial development of the plot and the constant play with readers' expectations, that has brought the writer popularity among Russian fans of the fantasy genre.

Key words: Pratchett, translation, precedent text, intertextuality, Monstrous Regiment.

For citation: Tsvetkova, M.V., Kulkov, A.N. Russkij Pratchett (na materiale perevodov romana "Monstrous Regiment") [Russian Pratchett (Based on Translations of the Novel "Monstrous Regiment")]. Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 5, pp. 71–80. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017129-4

Терри Пратчетт (1948–2015) – британский писатель, снискавший мировую известность благодаря циклу романов о "Плоском мире". Все его романы написаны в жанре фэнтези, который, отпочковавшись от фантастического жанра, пережил в 60-70-е гг. XX в. настоящий бум в англоязычной литературе и к настоящему моменту получил широкое распространение во всем мире. Время стремительного распространения фэнтези совпало с эпохой постмодернистской чувствительности, потому большинство работ, созданных в этом жанре, отличают такие характерные для постмодернистской литературы черты, как всепроникающая ирония, игра с читателем и интертекстуальность. В романах Пратчетта все перечисленные особенности проявились особенно ярко. Понятно, что для переводчика его творчество представляет серьезную сложность.

Сложность эта многоуровневая. В основе художественного мира Пратчетта лежит пародийный элемент. Цикл романов о "Плоском мире" был задуман как пародия на растиражированные к моменту его создания эпигонами Толкиена ходы фэнтезийной литературы. Пародийная установка стала ключевой доминантой художественного мира цикла и не ограничилась жанром фэнтези: пародийному переосмыслению подвергаются широко и малоизвестные классические произведения, материалы массмедиа и сама английская действительность.

Пародийная установка побуждает автора обращаться к хорошо знакомым англоязычному, и прежде всего британскому, читателю текстам (в широком семиотическом смысле этого слова) как прошлых эпох, так и современности, а также к языковой игре. В этом смысле Терри Пратчетта можно сравнить с Льюисом Кэрроллом, чья "Алиса в Стране чудес" является копилкой пародийно переосмысленных прецедентных феноменов британской культуры Викторианской эпохи. Роман Кэрролла тоже считается серьезным "вызовом" для переводчиков.

Роднит Пратчетта с Кэрроллом и отношение к языку. И.А. Столярова в своей диссертации, посвященной проблеме перевода комического в литературе фэнтези, приводит перечень языковых приемов создания комического в творчестве Пратчетта. Среди них оказываются: обыгрывание полисемии, омонимии, паронимов, омофонов, общеупотребительных выражений, фразеологизмов; создание авторских неологизмов; использование неожиданных метафор, сравнений, нестандартной сочетаемости, парадокса и оксюморона; обыгрывание буквального и образного значения, использования приемов "очеловечивания", обманутого ожидания, нарушения законов логики [1, с. 16—17].

Склонность к языковой игре не свойственна русскому сознанию в такой степени, в какой она

характерна для английского культурного мира, где она является частью национального самосознания и воспринимается как естественная форма образного мышления. Английские дети приучаются к игровому отношению к языку с молодых ногтей (традиция "nonse poetry", лимерики, детские книжки, основанные на игре слов ("punning books for kids")). Н.М. Демурова, чей перевод сказок об Алисе считается образцовым, отметила, что переводчику в этом случае "приходится иметь дело с трудностями двоякого рода: литературными и, пожалуй, в еще большей степени, психологическими, - ибо он во многом лишен внутреннего ориентира на родноязычные образцы; у него нет подлинной опоры ни в собственной практике, ни в практике своей аудитории" [2, с. 333].

Языковая игра является неотъемлемой частью английского юмора, который принято считать трудно "экспортируемым" в другие культуры. Этот тип юмора строится на остроумии, острословии, иронии, самоиронии и знаменитом феномене "understatement", нацеленном на ироническую "нейтрализацию" излишней серьезности и пафоса. Главной же особенностью английского юмора британский этнограф Кейт Фокс называет то, что он является всепроникающей стихией, на которой в английском культурном мире строится любая коммуникация [3, р. 61]. Поскольку в случае с Пратчеттом речь идет о стилевой доминанте, понятно, что передача этой стороны его произведений становится серьезным вызовом и для переводчиков, и для читателей, чья ментальность сформирована другой национальной традицией. Необходимость "прочувствовать" и передать эту стихию становится для переводчика Пратчетта на русский язык задачей повышенной сложности, без решения которой, однако, невозможно сохранить дух оригинала.

В то же время в творчестве Пратчетта можно встретить и интеллектуальные аллюзии, которые оказываются герметичными не только для представителей иных лингвокультур, но и для большинства его соотечественников. Такого рода аллюзии не всегда различимы с первого прочтения и составляют измерение романов Пратчетта, подсказывающее аналогию с джойсовским "Улиссом". Аналогия не такая неожиданная, как может показаться на первый взгляд. Переводчик Джойса на русский язык С.С. Хоружий отмечает, что писателя "всегда удивляло, что так мало обращают внимания на дух комизма в его книгах" [4, с. 501].

Постмодернистский характер прозы Пратчетта, конечно, уравновешивает элитарный пласт

нетривиальностью авантюрного сюжета и увлекательностью описаний устройства пародийно-фэнтезийного мира¹, однако в полной мере игнорировать интеллектуальные аллюзии при переводе — значит снимать только поверхностный пласт произведений английского писателя.

Учитывая перечисленные особенности прозы Пратчетта, неудивительно, что по вопросам, связанным с переводом его произведений на русский язык, уже написано достаточно много работ. В.В. Мошкович исследует переводческие ошибки и отклонения от адекватного и эквивалентного перевода в русских версиях романов Пратчетта [7]. И.А. Столярова изучает приемы создания комического эффекта на лексическом, фразеологическом, синтаксическом и гипертекстовом уровнях [1]. М.В. Вербицкая, А.А. Гусева и М.В. Игнатович разбирают случаи культурно-специфичных интертекстуальных включений [8]; [9]. Е.Г. Воскресенская посвящает свои исследования изучению способов перевода прецедентных имен в романах Пратчетта как отдельной переводческой задаче [10]. Практически все перечисленные работы подчинены прагматической цели – выявить в произведениях Пратчетта трудности для перевода, классифицировать их и предложить подходы для их решения.

В настоящей статье авторы ставят принципиально иную задачу: проследив трансформации, которые происходят при переводе произведений Пратчетта на русский язык, показать, каким оказывается "русский Пратчетт" в сравнении с его английским оригиналом; что он утрачивает, а что приобретает, и как это связано с особенностями принимающей и передающей культуры.

Переводчик, работая на пограничье двух культур, каждая из которых обладает собственной традицией и функционирует в своей реальности, выполняет одновременно две роли: читателя и автора нового текста. Он "перекодирует" первоисточник средствами другого языка, материал которого не содержит абсолютных эквивалентов языку оригинала. Кроме того, переводной текст, входя в целевую культуру, чтобы быть успешным, должен соответствовать горизонту ожиданий читателя, воспитанного в духе традиции принимающей культуры и характерной для нее реальности. Очевидно, что "входя" в иную культуру оригинал неизбежно будет претерпевать существенные трансформации, которые вызваны

¹ Сам жанр фэнтези рассматривается исследователями как жанр, сочетающий признаки массовой и элитарной литературы [5]; [6].

сразу несколькими факторами как языкового, так и культурного характера.

В качестве материала для анализа выбран роман "Monstrous Regiment", написанный Пратчеттом в 2003 году, и два его перевода на русский язык, любительский и "официальный".

Первый перевод романа был опубликован в 2006 году пользователем под ником Адити на отечественном форуме pratchett.org, посвященном творчеству английского писателя. Позже этим пользователем был выполнен также перевод романов "Night Watch" (Ночная Стража) и "Good Omens" (Добрые предзнаменования). Как это обычно происходит в сетевой среде, в процессе перевода другие пользователи помогали переводчику с редактурой и переводом отдельных фраз.

Автором второго перевода стала В.С. Сергеева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, специалист по средневековым английским балладам. Роман был опубликован издательством "Эксмо" в 2013 году под редакцией М. Назаренко и стал дебютом для автора в качестве переводчика Терри Пратчетта. Впоследствии В.С. Сергеева адаптировала на русский язык три романа о Плоском мире: "Thud!" (Шмяк!, 2013), "Snuff" (Дело табак, 2014), "Unseen Academicals" (Незримые академики, 2014), а также первые два романа из цикла "Бесконечная Земля": "The Long Earth" (Бесконечная Земля, 2013), "The Long War" (Бесконечная война, 2015).

Основным свойством романа "Monstrous Regiment" (как и других произведений Пратчетта) является многообразие его связей с прототекстами, без узнавания которых произведение утрачивает свой пародийный дух. Понятие "прототекст" целый ряд исследователей [8]; [11]; [12] связывают с феноменом прецедентности. Под прецедентным текстом Ю.Н. Караулов, впервые это явление описавший, предлагает понимать тексты, "1) значимые для языковой личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности" [13, с. 216].

Развивая идеи Ю.Н. Караулова, Д.Б. Гудков и И.А. Воронцова отмечают, что всякий прецедентный феномен имеет свой уровень прецедентности, обусловленный частотой апелляции к нему. Ученые предлагают разделять прецедентные феномены на социумно-прецедентные тексты

(известные в определенном социуме (профессиональном, религиозном и пр.)); национально-прецедентные тексты (известные представителю национальной лингвокультурной общности); универсально-прецедентные тексты (известные практически любому человеку вследствие глобализации культуры); автопрецедентные тексты (значимые для отдельной личности) [11, с. 103]; [12, с. 131]².

В случае с Пратчеттом прецедентными феноменами дело не ограничивается. Постмодернистский характер художественного мира его произведений диктует включение "высоколобых" интеллектуальных аллюзий, смысл которых доступен лишь читателям с богатым культурным багажом и кругозором.

В настоящей статье будут рассмотрены случаи переводов аллюзий на универсально-прецедентные, национально-прецедентные, социумно-прецедентные тексты, а также примеры переводов интеллектуальных аллюзий. Аллюзии на автопрецедентные тексты остались за рамками исследования по причине трудности их выявления и малой релевантности для воссоздания пародийного характера романа в переводе.

Первая трудность, с которой сталкиваются оба переводчика Пратчетта, это название романа. Заглавие "Monstrous Regiment" на первый взгляд носит буквальный характер и сообщает читателю, что речь в книге пойдет про военный полк, который состоит из разномастных чудовищ, принадлежащих к разным "расам" фэнтезийного мира: тролль, вампир, гном и пр. С другой стороны, "monstrous" имеет значение "inhumanly or outrageously evil or wrong" [14]. Это может намекать на тот факт, что в "отряд монстров" набрали отъявленных головорезов или, напротив, солдат-неумех. Полисемично и слово "regiment" - это может быть "полк", а также "власть, правление". Оно отсылает нас к памфлету шотландского реформатора Джона Нокса 1558 года "The First Blast of the Trumpet Against the Monstruous Regiment of Women" (Первый трубный зов против чудовищного правления женского), обращенному против женщин-королев (Марии Стюарт и Марии Кровавой) на троне. Тем самым Пратчетт уже в названии зашифровывает разгадку основной интриги

² М.В. Вербицкая, А.А. Гусева предлагают делить прецедентные тексты (прототексты) по степени узнаваемости и трудности перевода на общеизвестные, распознаваемые для читателей как передающей, так и принимающей культуры; "ядерные" тексты, известные только для одной культуры и нераспознаваемые для представителей иных культур, и тексты, известные в узком, профессиональном кругу [8, с. 12].

романа — не только главная героиня Полли Перкс будет выдавать себя за мужчину, но и все рекруты отряда окажутся переодетыми женщинами. Другая — ироническая — отсылка к памфлету Нокса прочитывается в религии Борогравии, с ее поклонением богу Нуггану, который провозгласил владычество женщин "мерзостью" (abomination); только мужчины имеют право в этой стране быть во главе государства, служить в армии.

В любительском переводе роман носит название "Монстрячий взвод", в официальном переводе — "Пехотная баллада" (причем, по признанию В.С. Сергеевой в личной переписке с авторами статьи, выбор заглавия романа был решением редакции).

Пользователь Адити вводит отсутствующий в оригинале неологизм "монстрячий" для сохранения буквального смысла "полк, состоящий из чудищ / монстров". Замена слова "полк" на "взвод" семантически оправдана и адаптирует текст к принимающей культуре. В английском языке лексема "regiment" (досл. "полк") используется для обозначения общевойсковой тактической единицы, размер которой может сильно варьироваться в зависимости от контекста (страны, специализации, исторического периода и пр.) от нескольких батальонов (~8000 солдат) до взвода (от 10 до 100 солдат). В рассматриваемом романе "полк женщин" включает 15 новобранцев. Дословный перевод мог бы создать в сознании русского читателя неверную картину, так как в российской армии именно взвод может составлять от 10 до 50 солдат, в то время как размер полка составляет от 500 до 2500 человек.

Однако сделанная переводчиком замена принесла в жертву интертекстуальную игру оригинала, опустив отсылку к памфлету Нокса, который русскому читателю незнаком. Аллюзия Пратчетта носит интеллектуальный характер. Он зашифровывает разгадку главной сюжетной тайны романа, что все рекруты — переодетые особи женского пола, уже в самом его заглавии, но только "высоколобый" читатель способен этим ключом воспользоваться. Такой прием типичен для постмодернистской литературы с ее установкой на игру с читателем.

В заглавии официального перевода предпринята попытка эту игру сохранить при помощи культурной адаптации. "Пехотная баллада" содержит аллюзию на известный фильм Эльдара Рязанова "Гусарская баллада", героиня которого, выдавая себя за мужчину, отправляется на войну в качестве гусара. Замена прецедентного текста на инокультурный эквивалент отчасти сохраняет

авторский замысел, но остальные уровни смысла заглавия приносятся в жертву. Понятно, что "ученую" аллюзию Пратчетта опознает и поймет не каждый англоязычный читатель, однако у читателя оригинала потенциально это возможность остается, в то время как читатель перевода ее лишен.

Интеллектуальных аллюзий, предполагающих широкий кругозор у читателя, в романе Пратчетта встречается достаточно много. Многие из них связаны с универсальными прецедентными текстами. Так, в первой главе, рассказывая о портрете герцогини, который висел в каждом доме Борогравии, автор замечает: "In Borogravia, you grew ир with the Duchess watching you" [15, с. 9], остроумно вплетая в рассказ отсылку к роману Оруэлла "1984", которая сообщает портрету соответствующий семантический ореол. В любительском переводе эта аллюзия осталась за кадром: "В Борогравии герцогиня смотрела, как вы растете" [16], как и в переводе В.С. Сергеевой: "Жители Борогравии росли с мыслью о том, что Герцогиня смотрит на них" [17, с. 6], хотя фраза "Большой брат следит за тобой" стала вполне прецедентной в русскоязычном мире после публикации перевода романа Оруэлла в 1988 г.

Подобными отсылками к универсальным прецедентным текстам пронизан весь роман: лейтенант Блуз дает своей лошади имя Thalacephalos (Талацефал) в честь генерала Тактикуса, прообразом которого является Александр Македонский, коня которого звали Висернаюз (Буцефал); героиня Элис Гум, подобно Жанне Д'Арк, слышит голоса святых (причем у Пратчетта эта параллель иронически снижается: Элис слышит голос герцогини Аннаговии, дающей советы отряду, как действовать, чтобы положить конец войне) и т.д. Однако в основной своей массе такого рода прецедентные тексты именно в силу своей универсальности в переводе не утрачиваются.

Имеются в романе аллюзии, требующие гораздо большего кругозора, чтобы оценить остроумие авторского замысла. После победы над отрядом драгунов в казарму к Полли и ее товарищам заходит взять интервью газетчик Анк-Моркпорка Вильям де Словв (William de Worde) со своим фотографом Отто Шриком (Otto Chriek). Отто — вампир, родом из Убервальда. Его фамилия — трансформированное прецедентное имя, отсылающее к Максу Шреку (Friedrich Gustav Max Schreck), немецкому актеру, прославившемуся благодаря немому фильму "Носферату, симфония ужаса" (1922), в котором он исполнил роль вампира, графа Орлока. Имя Otto и манера персонажа

говорить с акцентом также указывают на его "немецкое" происхождение. Одновременно в имени вампира "зашита" остроумная языковая игра. Согласно Оксфордскому словарю, одно из значений лексической единицы "shriek" - "make a high-pitched screeching sound" [14], то есть "издавать резкий / пронзительный визг". Вампир, действительно, при фотографировании превращается под действием вспышки в пепел, издавая при этом визг, после чего снова приобретает телесную форму. Прочитанные последовательно имя и фамилия звучат как "ought to shriek" – буквально: "следует кричать". В.С. Сергеева и Адити идут по пути транскрибирования имени: Отто Шрик. И хотя подобный переводческий ход нередко вызван необходимостью придерживаться традиции перевода имен персонажей, появлявшихся в уже опубликованных версиях романов цикла (именно так и было в случае с Отто Шриком – который впервые появился в переводе Н. Берденникова, А. Жикаренцева романа "Truth" (Правда) в 2008 году [18]), его результатом становится исчезновение из русских версий романа интеллектуальной отсылки к немому кино и связанной с ней остроумной словесной игры.

Любовь Пратчетта к игре словами становится серьезным "вызовом" для переводчиков романа. Чтобы пробраться в крепость, рекруты решают переодеться в прачек и отправляются на поиски подобающей одежды. На входе одной из палаток, которая оказывается борделем, Полли видит вывеску "The SoLid DoVes", на что сержант замечаet "ladies weren't hired for their spelling" [15, c. 240]. Прибегая к паронимии, Пратчетт дает аллюзию на эвфемизм для проституток "soiled doves" (дословно "грязные голубки"), возникший на американском Западе времен фронтира. Неожиданный эпитет "solid" в надписи вывески должен настроить на комический лад, позиционируя обитательниц полевого борделя как "высококачественных" и "безопасных" (being of a good quality that can be trusted; certain or safe [19]) представительниц древнейшей профессии. Одновременно он указывает на то, что это дамы мощные (of a person: strong), "матерые и закостенелые" в своем отношении к делу (hard or firm, keeping a clear shape) (хозяйка палатки пытается опоить сержанта и содрать с него денег).

В.С. Сергеева сосредоточила внимание на "неграмотности" девиц: "Креппкие галубушки" [17, с. 303], в то время как Адити помимо этого частично воссоздала словесную игру: "Прочные Галупки" [16], где "прочные" выступают как пароним к "порочные", сразу обнаруживая род

занятий обитательниц палатки. Однако весь характерный для оригинала комический комплекс, построенный на соединении остроумной словесной игры и аллюзии на жизнь Дикого Запада, передать для русского читателя оказывается затруднительно. Впрочем, вряд ли и средний англичанин осведомлен о значении эвфемизма "Soiled doves".

Ряд аллюзий национально-прецедентного характера достаточно легко поддаются переложению на русский язык при помощи эквивалента, принятого в русскоязычном культурном мире. Однако они не всегда распознаются переводчиком. Примером может служить аллюзия на американскую военную доктрину иракской кампании 2003 г. "Shock and Awe", известную отечественному читателю как "Шок и трепет", подразумевающую демонстрацию силы и моральное подавление противника. Когда сержант Джекрам предлагает капитану обращаться с пойманным вражеским солдатом так, чтобы тот ощутил "шок и трепет": "temporary feelings of shock and awe, sir" [15, с. 101], пленник осознает, что с ним планируют обращаться весьма жестоко. В "Пехотной балладе" переводчик заменяет "шок" на "страх": "испытать немножко страха и трепета" [17, с. 123], нивелируя комический эффект, заданный аллюзией в оригинале. В "Монстрячем взводе" аллюзия тоже осталась без внимания: "испытает временный шок и страх" [16].

В разговоре с капитаном Ваймсом, рассуждая о способах получения информации, сержант Ангва задает вопрос: "So you're not actually waylaying field reports from the Times, then, sir?" [15, c. 112]. Это отсылка к событиям времён войны 1991 г. в Персидском заливе, скандально известной тем, что воевавшие стороны чаще получали информацию из газет и телевизионных новостей, нежели из данных военной разведки. Аллюзия носит национально-специфичный характер и, по-видимому, в первые годы XXI века достаточно хорошо идентифицировалась англоязычным читателем, интересующимся событиями внешней политики. По мере отдаления от события эта аллюзия, как и отсылка к доктрине времен иракской кампании, будет становиться все менее узнаваемой и "стираться", приобретая все более "интеллектуальный характер". Переводчики заменяют название британской газеты "The Times" на отечественный аналог: «То есть вы не перехватываете фронтовые корреспонденции "Правды", сэр?» [17, с. 137]; «Значит, вы не перехватываете сообщения "Вестей", сэр?» [16]. Адаптивный перевод Сергеевой довольно точно схватывает замысел автора – в "Правде" в советские годы освещались основные политические и военные события, к тому же массовость распространения "Правды" была сопоставима с британской "The Times". В любительском переводе название газеты заменено названием телевизионного выпуска новостей. Тем не менее оба перевода сохраняют авторскую мысль — получение разведывательных данных не от военной разведки, а из прессы. Однако комический заряд эпизода может быть воспринят только читателем, который осведомлен о специфике военного конфликта 1991 года.

Почуяв приближение врагов, Маладикта, вампир и один из членов отряда монстров, предупреждает своих товарищей: "Charlie's tracking us!" [15, с. 191]. Данный прецедентный текст носит социумный характер, представляя собой отсылку к событиям войны во Вьетнаме. Viet Cong (Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, Вьетконг) обозначался аббревиатурой "VC", которая в фонетическом алфавите по радиосвязи прочитывалась как "Victor Charlie". Со временем это словосочетание было сокращено до "Charlie", ставшего общим сленговым термином для обозначения врага.

Автор любительского перевода пошел по пути дословной передачи оригинала: "Чарли следит за нами" [16], с сопровождающим комментарием, поясняющим о каких "Чарли" идет речь. Переводчик официального издания ориентируется на передачу смысла и переводит "Charlie" как "узкоглазый" — обозначение, используемое в пренебрежительном смысле применительно к представителям азиатской расы: "Узкоглазые идут за нами!" [17, с. 239]. Однако без пояснений связь с событиями Вьетнамской войны утрачивается.

Еще один пример того, каким образом оба переводчика подходят к передаче аллюзии на социумно-прецедентный текст. На объявление о наборе новых рекрутов откликается тролль. Капрал Страппи не желает принимать его в отряд на основании того, что тот является троллем. Джекрам пытается успокоить капрала и, предлагая записать тролля, говорит: "Don't ask, don't tell" [15, с. 32] (в английском варианте – чрезвычайно емкая формулировка: "не спрашивают, не отвечай" и одновременно "не спрашивай, не ответят"). Здесь комический эффект построен на аллюзии на принятый в США закон 1993 года, запрещавший служить в армии представителям нетрадиционной сексуальной ориентации в случае ее открытой демонстрации. При этом специально интересоваться ориентацией солдат командованию было запрещено. Для представителей русскоязычной

культуры эта аллюзия "не срабатывает", так как вряд ли среднестатистический россиянин осведомлен о существовании упомянутого закона.

В переводе Адити фраза Джекрама лишена всякого смысла: "Ты ведь тролль! — взорвался Страппи. — Перестань, капрал, — произнес сержант Джекрам. — Не спрашивай, не отвечай" [16]. В версии Сергеевой фраза звучит так же непонятно: "Ни о чем не спрашивай, ничего не говори" [17, с. 35]. Читателю остается воспринять высказывание буквально: капралу молча, без протестов нужно согласиться принять нетипичного рекрута в армию.

Творчество Пратчетта явилось выражением специфической английской картины мира, которая нашла отражение во всепроникающей иронии и остроумии. Остроумие ("wit") – важная категория английской литературной традиции, которая имеет глубокие корни. Еще со времен "университетских умов" (The University Wits) она соединяла в себе установку на острословие с интеллектуальной остротой ума. Потому интеллектуализм в английской культурной традиции неотделим от традиции "бессмыслиц", остроумие от языковой игры. Все эти качества причудливо сплелись в творчестве двух прецедентных фигур национальной литературы: профессора математики Льюиса Кэрролла и эрудита и полиглота Джеймса Джойса. В известной степени наследником этих традиций можно считать и Т. Пратчетта, что делает его произведения трудными для перевода на другие языки, а главное, на языки других культур.

Сравнительный анализ романа "Monstrous Regiment" и двух его русских версий (в статье были рассмотрены лишь самые показательные примеры общих тенденций, обнаруженных с использованием методики параллельного пристального чтения текстов оригинала и двух его переводов) наглядно демонстрирует, что вне зависимости от того, придерживается переводчик буквального или адаптирующего подхода к переводу, все, что оказывается нерелевантно для русского представления о чувстве юмора, из переводных версий романа уходит (отчасти оттого, что не воспринято переводчиками, отчасти оттого, что не передается средствами иного языка, отчасти оттого, что иначе воспринимается русским читателем, даже когда воссоздано с максимально возможной точностью). В результате в переводах снимается концентрация комической стихии, которой насыщен роман в оригинале. Показательно, что в англоязычной традиции жанр, в котором работал Пратчетт, обозначается как "comic fantasy" – комическое фэнтези.

Анализ читательских откликов на переводы романов (поскольку сайт объединяет любителей фантастики и фэнтези и носит общий характер, подчас невозможно с точностью сказать, о которой из двух версий пишет автор того или иного "коммента") свидетельствует о том, что целый ряд ценителей творчества Пратчетта ощущает ослабление пародийной стихии и насмешливости тона романа на русском языке и, как это часто бывает в Сети, весьма резко высказывает свое мнение (цитаты приводятся в том виде, в каком они размещены на сайте): «"Пехотная баллада" не иронична и не смешна» (StasKr) [20]; "Даже юмор и сатира здесь слабей, чем обычно" (Тимолеонт) [21]; "Автор написал гораздо не смешнее обычного. Или перевод подкачал. Или до меня просто не дошло. Но, мне не было смешно. И... весь вкус от книги пропал" (Дон Румата) [21]; «Для начала — переводчик названия потряс. До глубины души. Учитывая, что название книги просто, прямо и несколько в лоб задает тему романа — перевести это, как Монстрячий взвод.... мда, талант. Полемический трактат Джона Нокса от 1558 года "О противоестественном правлении женщин" читать точно не обязательно, но можно же хоть погуглить оригинальное название! Тем более, что суперуслужливый Гугл выдает его одной из первых ссылок... Прэтчетт схохмил, объединив старое и новое значение слова "монструозный", но в переводе шутка была потеряна безвозвратно» (Aryan) [20]. И т.п.

Как показал проведенный сравнительный анализ, еще одна важная составляющая художественного мира романов Пратчетта, часто "выпадающая" в процессе перевода, — это универсально и социумно-прецедентные тексты, которые в силу своей герметичности оказываются переводчиками неопознанными или не могут быть опознаны среднестатистическим читателем, даже при условии репрезентативного перевода аллюзий на них. В результате из текстов Пратчетта исчезают пласты, которые создают в них дополнительные измерения, что приводит к сглаживанию постмодернистской установки автора одновременно на интеллектуальную и массовую читательскую аудиторию.

Тексты, обладавшие прецедентностью в момент написания романа (связанные с войной в Персидском заливе, военной кампанией в Ираке и т.п.) и утратившие ее со временем, в одинаковой мере становятся герметичными как для англоязычного, так и для русскоязычного читателя. Однако отсутствие аллюзий на них в переводе

ставит читателей подлинника и читателей перевода в разные условия: в первом случае у читателя имеется потенциальная возможность распознать аллюзию; во втором случае читатель такой возможности лишен.

Правомерно возникает вопрос, за что русский читатель, незнакомый с произведениями Пратчетта в оригинале, полюбил этого писателя, дошедшего до него в столь "урезанном" виде?

Во-первых, романам Пратчетта свойственна увлекательность сюжета, который всегда построен небанально, на эффекте обманутого ожидания, постоянно удивляет своей непредсказуемостью.

Во-вторых, в русскоязычном мире, как и в англоязычном, жанр фэнтези пользуется невероятной популярностью. Доказательством этому может служить тот факт, что в сетевой литературе, которая развивается самостийно без вмешательства издателей и профессиональных критиков и отражает истинный читательский спрос, фэнтези, в рамках которого постоянно возникают все новые и новые жанровые разновидности, является безусловным лидером среди других жанров. Отечественные любители фэнтези легко "считывают" пародийный характер романов Пратчетта, так как пародируемые в них произведения фэнтезийного жанра им хорошо известны.

В-третьих, вкусы русскоязычной читательской аудитории сформировались в рамках традиции, где, в отличие от традиции английской, насмешливость не является центральной коммуникативной доминантой, напротив, предполагается четкое разделение серьезного и смешного, для того и другого есть строго определенное время и место. Потому смещение в сторону сказочной, волшебно-фэнтезийной стихии с вкраплениями остроумных каламбуров и пародийных элементов прекрасно резонирует с ожиданиями русского читателя Пратчетта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Столярова И. А.* Некоторые особенности перевода комического в литературе жанра фэнтези: на материале произведений Т. Пратчетта: автореф. дис. кан. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2009. 24 с.
- 2. *Демурова Н.М.* О переводе сказок Льюиса Кэрролла // Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М.: Наука, 1978. С. 315—336.
- 3. *Fox K*. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder, London, 2004. 424 p.
- 4. *Хоружий С*. "Улисс" в русском зеркале // Джойс Д. Улис: роман (часть III); перевод с англ.

- C. 363-605.
- 5. Фетисова Т.А. Фэнтези феномен современной культуры. Обзор // Культурология. 2017. № 2. C. 179-192.
- 6. Мончаковская О.С. Феномен фэнтези и критерии оценки жанра в эпоху постмодерна // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 19. C. 342-349.
- 7. Мошкович В.В. Адекватность и эквивалентность как основополагающие критерии оценки качества перевода: дис. к. филол. н.: 10.02.20. Челябинск, 2013. 348 с.
- 8. Вербицкая М.В., Гусева А.А. Проблема перевода интертекстуальных элементов: категориальный подход // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. C. 9-18.
- 9. Игнатович М.В. Культурная адаптация интертекстуальных включений при переводе произведений английской литературы XX века (на материале романов Т. Пратчетта и их переводов на русский язык): дис. к. филол. н.: 10.02.20. Москва, 2011. 168 с.
- 10. Воскресенская Е.Г. Имена собственные в произведениях Т. Пратчетта как переводческая проблема // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. 2020. № 3. С. 42–51.
- 11. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. 288 с.
- 12. Воронцова И.А. Прецедентные феномены в художественном тексте: проблема интерпретации и перевода (на материале романов Дж. Фаулза "Коллекционер" и "Любовница французского лейтенанта") // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 3. C. 131-136.
- 13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
- 14. Оксфордский словарь английского языка [Электронный ресурс]. URL: https://www.lexico.com/ definition/monstrous
- 15. Pratchett T. Monstrous Regiment. Doubleday, London, 2003. 429 p.
- 16. Прамчетт Т. Монстрячий взвод [Электронный pecypc]. URL: http://www.pratchett.org/%D0%9A% D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%91%D0 %B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82 %D0%B5%D0%BA%D0%B0/%D0%9C%D0%BE%D 0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%8F%D1%87% D0%B8%D0%B9%D0%92%D0%B7%D0%B2%D0% BE%D0%B4/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D1%81 %D1%82%D1%80%D1%8F%D1%87%D0%B8%D0% B9%D0%92%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4% D0%A71/tabid/162/language/en-US/Default.aspx

- В. Хинкиса и С. Хоружего. М.: ЗнаК, 1994. 17. Прамчет Т. Пехотная баллада / Терри Пратчетт; [пер. с англ. В.С. Сергеевой]. М.: Эксмо, 2013.
 - 18. Прамчетт Т. Правда / Терри Пратчетт; [пер. Н. Берденникова, А. Жикаренцева]. М.: Эксмо, 2008. 512 c.
 - 19. Кембриджский словарь английского языка [Электронный ресурс]. URL: https://dictionary. cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0% B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD% D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%B A%D0%B8%D0%B9/solid
 - 20. Лаборатория Фантастики. Отзывы. Страница 1 [Электронный ресурс]. URL: https://fantlab.ru/ work 1950
 - 21. Лаборатория Фантастики. Отзывы. Страница 2 [Электронный ресурс]. URL: https://fantlab.ru/ work1950?page=2#responses

REFERENCES

- 1. Stolyarova, I.A. Nekotoryye osobennosti perevoda komicheskogo v literature zhanra f·entezi: na materiale proizvedeniy T. Pratchetta [Some Features of the Translation of the Comic in the Literature of the Fantasy Genre: Based on the Works of T. Pratchett]. Extended Abstract of Candidate's Thesis. St. Petersburg, 2009. 24 p. (In Russ.)
- 2. Demurova, N.M. O perevode skazok Lyuisa Kerrolla [On the Translation of Lewis Carroll's Fairy Tales]. Carroll L. Alisa v Strane chudes. Alisa v Zazerkalve [Alice in Wonderland. Alice Through the Looking-Glass]. Moscow, Nauka Publ., 1978. pp. 315-336. (In Russ.)
- 3. Fox, K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder, London, 2004. 424 p. (In Engl.)
- 4. Khoruzhiy, S. "Uliss" v russkom zerkale ["Ulysses" in the Russian Mirror]. Joyce J. *Ulis: roman (chast' III)* [Ulysses: Part 3]. Moscow, ZnaK Publ., 1994, pp. 363–605. (In Russ.)
- 5. Fetisova, T.A. Fentezi fenomen sovremennoy kul'tury. *Obzor* [Fantasy is a Phenomenon of Modern Culture. Overview]. Kulturologiya [Culturology]. 2017, No. 2, pp. 179–192. (In Russ.)
- 6. Monchakovskaya, O.S. Fenomen fentezi i kriterii otsenki zhanra v epokhu postmoderna [The Phenomenon of Fantasy and Criteria for Assessing the Genre in the Postmodern Era]. Problemy istorii, filologii, kultury [Problems of History, Philology, Culture]. 2008, No. 19, pp. 342-349. (In Russ.)
- 7. Moshkovich, V.V. Adekvatnost i ekvivalentnost kak osnovopolagayushchiye kriterii otsenki kachestva perevoda [Adequacy and Equivalence as Fundamental

- Criteria for Assessing Translation Quality]. PhD Thesis. Chelyabinsk, 2013. 348 p. (In Russ.)
- 8. Verbitskaya, M.V., Guseva, A.A. Problema perevoda intertekstualnykh elementov: kategorialnyy podkhod [The problem of Translating Intertextual Elements: a Categorical Approach]. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya [The Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication]. 2009, No. 2, pp. 9–18. (In Russ.)
- 9. Ignatovich, M.V. Kulturnaya adaptatsiya intertekstualnykh vklyucheniy pri perevode proizvedeniy angliyskoy literatury XX veka (na materiale romanov T. Pratchetta i ikh perevodov na russkiy yazyk) [Cultural Adaptation of Intertextual Inclusions in the Translation of Works of English Literature of the 20th Century (Based on the Novels of T. Pratchett and their Translations into Russian)]. PhD Thesis. Moscow, 2011. 168 p. (In Russ.)
- Voskresenskaya, E.G. Imena sobstvennyye v proizvedeniyakh T. Pratchetta kak perevodcheskaya problema [Proper Names in the Works of T. Pratchett as a Translation Problem]. Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya [The Science of Person: Humanitarian Researches]. 2020, Vol. 14, No. 3, pp. 42–51. (In Russ.)
- 11. Gudkov, D.B. *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 288 p. (In Russ.)
- 12. Vorontsova, I.A. Pretsedentnyye fenomeny v khudozhestvennom tekste: problema interpretatsii i perevoda (na materiale romanov Dzh. Faulza "Kollektsioner" i "Lyubovnitsa frantsuzskogo leytenanta") [Precedent Phenomena in the Aspect of Intertextual Analysis and Translation (a Case Study of "The Collector" and "The French Lieutenant's Woman" by John Fowles)].

- *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University]. 2015, No. 3, pp. 131–136. (In Russ.)
- 13. Karaulov, Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p. (In Russ.)
- 14. Oxford Dictionary of English. URL: https://www.lexico.com/definition/monstrous
- 15. Pratchett, T. Monstrous Regiment. Doubleday, London, 2003. 429 p. (In Engl.)
- 16. Pratchett, T. *Monstryachiy vzvod* [Monstrous Regiment]. URL: http://www.pratchett.org/%D0%9A%D 0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%91%D0%B 8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82%D 0%B5%D0%BA%D0%B0/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%8F%D1%87%D0%B8%D0%B9%D0%92%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D 0%B4/%D0%9C%D0%BE%D0%BB%D0%B9%D0%92%D1%80%D1%8F%D1%87%D0%B8%D0%B9%D0%92%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%A71/tabid/162/language/en-US/Default.aspx (In Russ.)
- 17. Pratchett, T. *Pekhotnaya ballada* [Monstrous Regiment]. Moscow, Eksmo Publ., 2013. 448 p. (In Russ.)
- 18. Pratchett, T. *Pravda* [The Truth]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 512 p. (In Russ.)
- 19. Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/solid
- 20. Laboratory of SciFi & Fantasy. Reviews. Page 1. URL: https://fantlab.ru/work1950 (In Russ.)
- 21. Laboratory of SciFi & Fantasy. Reviews. Page 2. URL: https://fantlab.ru/work1950?page=2#responses (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 10 мая 2021 г. Статья поступила после рецензирования и доработки: 2 июля 2021 г. Статья принята к публикации: 15 июля 2021 г. Дата публикации: 31 октября 2021 г.

> Received by Editor on May 10, 2021 Revised on July 2, 2021 Accepted on July 15, 2021 Date of publication: October 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017130-6

"Герой" или "антигерой"? (Проблема героя в творчестве М. Горького начала 1920-х годов)

© 2021 г. Н. Н. Примочкина

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а ORCID ID: 0000-0002-5536-7657 nprim47@yandex.ru

Резюме. В статье поставлен и решается вопрос об особом отношении Горького к одному из ключевых понятий его философско-этической концепции – понятию "герой", устанавливается глубокое различие, которое проводил писатель между "Человеком с большой буквы" – полноценной, творчески одаренной и духовно богатой личностью — и "героем", вынужденным в условиях войны и революции прибегать к насилию. В качестве примера рассмотрены произведения Горького, написанные им почти одновременно, летом 1923 г.: очерк "Герой", "Рассказ о герое" и рассказ "Карамора". В них "герой" под воздействием страха перед жизнью и другими людьми, вследствие своего эгоизма и экзистенциального одиночества превращается в "антигероя" - предателя и убийцу. Анализ поэтики этих произведений позволяет сделать вывод о ее родстве с поэтикой модернизма и авангарда. Знаменитый горьковский гуманизм, который особенно ярко проявился в революционные и первые послереволюционные годы, вызвал к жизни произведения, в которых писатель протестовал против героизма солдат и революционеров, готовых убивать людей, ставших для них врагами. В 1930-е годы, поддерживая классовую идеологию большевизма, Горький попытался "подкорректировать" свои прежние произведения и написал цикл "Рассказы о героях", в которых воспевались герои революции и гражданской войны. Но рассказы получились невыразительными, бледными, образы героев – схематичными. Несмотря на все старания, ему так и не удалось создать ни одного сколько-нибудь значительного произведения, в котором бы прославлялся герой.

Ключевые слова: М. Горький, проблема героя, "Герой", "Рассказ о герое", "Карамора", поэтика авангарда.

Благодарность. Работа выполнена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 21-18-00131).

Для цитирования: *Примочкина Н.Н.* "Герой" или "антигерой"? (Проблема героя в творчестве М. Горького начала 1920-х годов) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 81—91. DOI: 10.31857/S241377150017130-6

"Hero" or "Antihero"? (The Problem of the Hero in the Works of M. Gorky in the Early 1920s)

© 2021 Natalia N. Primochkina

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5536-7657
nprim47@yandex.ru

Abstract. The article considers one of the key elements of Gorky's philosophical-ethical system – the concept of a "hero", noting a profound difference between, on the one hand, the writer's treatment of a "Person", capitalized (Chelovek s bol'shoi bukvy), and meaning a full-fledged, creatively gifted and spiritually rich human being, and on the one hand, a "hero", who was forced to recourse to violence and even murder under conditions of war and revolution. The article draws on Gorky's works, all of which appeared in the summer of 1923: the essay "Hero" and two short stories – "The Story of the Hero" and "Caramora". There, a heroic figure, being afraid of life and of other people, due to his egoism and existential loneliness, turns into an "antihero", a traitor and a murderer. Our analysis of the poetics of these works makes it possible to align it to the poetics of modernism and the avant-garde. The notorious Gorky humanism, writ large during the revolutionary years and immediately after, brought to life works, where the writer protested against the "heroism" of soldiers and revolutionaries ready to kill their own people like enemies. In the 1930s, supporting the class ideology of Bolshevism, Gorky tried to "streamline" his works and wrote a series of "Stories about Heroes", in which he celebrated the heroes of the Revolution and of the (Russian) Civil War. However, the stories turned out to be uncompelling and unmemorable; the images of the characters – schematic. Despite all his efforts, Gorky has never managed to create any significant works in which the valiant heroic type would be glorified.

Key words: M. Gorky, the problem of the hero (valiant type), "Hero", "The Story of the hero", "Caramora", poetics of the avant-garde.

Acknowledgments: The work was conducted at A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences, with the grant support from the Russian Science Foundation (RSF, project number 21-18-00131).

For citation: Primochkina N.N. "Geroj" ili "antigeroj"? (Problema geroya v tvorchestve M. Gorkogo nachala 1920-h godov) ["Hero" or "Antihero"? (The Problem of the Hero in the Works of M. Gorky in the Early 1920s)]. Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 5, pp. 81–91. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017130-6

Горький с детства активно искал героическое начало в жизни и в искусстве, с первых литературных шагов начал изображать настоящего героя, который самоотверженно боролся за счастье других людей и чаще всего погибал в этой борьбе. Всем известны незабываемо яркие образы его романтических героев: Данко, Буревестника, Сокола и т.п. Но, как это ни парадоксально, произведения с названиями, в которых присутствовало слово "герой", появились у Горького в более позднее время, и звучало это слово порою сомнительно, с явным ироническим подтекстом. Дело в том, что зрелый писатель Горький для выражения своего эстетического и этического идеала человеческой личности "изобрел" собственное новое определение – "Человек с большой буквы". Понятие же "герой", вообще более узкое в представлении писателя, не просто эволюционировало в его творчестве, но даже совершало неожиданные метаморфозы. В начале 1920-х годов под воздействием существенных сдвигов в мировоззрении писателя, глубоко разочарованного и подавленного кровавыми событиями Первой мировой войны и русской революции, понятие "герой" стало восприниматься им скорее как отрицательное, "герой" в его изображении превращался порою в "антигероя".

Первое произведение с названием "Герой" Горький написал только в 1915 г. В этом небольшом рассказе писатель с грустной иронией поведал о своих безуспешных юношеских попытках "найти человека, похожего на тех, о которых рассказывали хорошие книги" [2, т. 14, с. 459], и о жестоком разочаровании, постигшем его, молодого романтика, на этом пути.

Еще более негативный оттенок приобрело понятие "герой" в одноименном очерке, вошедшем в книгу "Заметки из дневника. Воспоминания" (1924). Очерк "Герой" был написан, видимо, летом 1923 г. Но в его основу легли воспоминания и дневниковые записи Горького времен Первой мировой войны.

Повествование в "Герое" ведется от лица автора-рассказчика. Вначале приводится хвалебная газетная заметка о русском снайпере, убившем за несколько недель около 40 немцев. Этот, по определению Горького, "механический истребитель себе подобных" напомнил писателю другого героя войны, с которым он познакомился в железнодорожном вагоне. Автор отнюдь не любуется своим попутчиком. Напротив, этот меткий стрелок, убивший много немцев, отталкивает писателя каким-то животным самодовольством и душевной грубостью. Солдат сам публично

называет себя "героем", удивляется своему подвигу, гордо хвастается: "Другой охотник за всю жизнь зайцев столько не убьет, сколько я в один годок людей наколотил <...>. Один раз я в день восемь штук положил" [2, т. 17, с. 178].

Изображая этого "героя", Горький, вероятно, хотел показать, как изменились, даже перевернулись с ног на голову за время войны основные человеческие ценности, как убийство, в мирное время считавшееся самым страшным грехом и преступлением, стало вдруг доблестью и заслугой. Писателя-пацифиста возмутил тот факт, что даже русская церковь оправдывала теперь убийство человека, если этот человек – враг. Знакомый священник, которому автор рассказал об этом солдате, ответил ему: "Чем же возмущаетесь? <...> Если Господь наш допускает грозную кару войны, значит: обязаны мы принять допущение это как закон <...>. Господь – не жесточе нас..." [2, т. 17, с. 179]. Однако автор не мог и не хотел согласиться с этим убийственным законом войны, и слово "герой" в контексте произведения звучит с явной иронией.

Фактически Горький пытался в этом и других очерках книги "Заметки из дневника. Воспоминания" полвести читателей к тем же мыслям и выводам, которые он проповедовал в своих публицистических выступлениях. Главной темой и горьковской книги, и его статей военного времени оставался человек, его судьба, его творческий потенциал. И в художественных произведениях, и в публицистике он доказывал: в результате войны "потрясен до основания и разрушается весь порядок гуманитарных идей, выработанных мучительными усилиями человечества <...> пропаганда идеалов человеколюбия сменилась пропагандой человекоистребления <...>. Война не может возбудить добрые чувства, она возбуждает только инстинкты зверя" [4, с. 184-185].

Сложную и неоднозначную для Горького проблему "героя", "русского героя" он продолжил художественно исследовать и в других произведениях этого времени, например, в "Рассказе о герое" и "Караморе", вошедших в книгу "Рассказы 1922—1924 годов" (1925). Их объединяет в единый смысловой узел общая художественная задача изображения "героя", поставленного в условия морального и политического выбора, выбора, который приводит его к предательству, перерождению и нравственной гибели, превращению в "антигероя".

Закончив "Рассказ о герое", Горький сообщал 6 августа 1923 г. Р. Роллану: «Написал злой "Рассказ бандита"» [1, т. 14, с. 218]. Замысел

автора — как человек, которого с юных лет родные и учителя прочили в герои, превратился в жестокого бандита – угадывается уже в этих противоположных оценочных заголовках. Но сначала Горький хотел назвать это произведение "Рассказом о страхе". Писатель задался целью показать, как панический страх перед жизнью, перед людьми приводит главного героя Макарова к полному отчуждению от мира, внутреннему опустошению и нравственному падению. Хотя в рассказе, начиная с его названия, лейтмотивом многократно звучит слово "герой" (и Макаров, и особенно его учитель и духовный наставник Новак много рассуждают о герое и толпе, неизменно противопоставляя их друг другу), применительно к главному персонажу это определение звучит даже не с иронией, а с явным сарказмом. Испытывая постоянный животный страх перед жизнью, этот "герой" с детства мечтал спрятаться за спиной какой-нибудь сильной личности. В школе это был учитель истории Новак, потом полковник из охранки Бер, которому Макаров сам предлагал свои услуги осведомителя, и, наконец, столичный "патрон", в канцелярии которого он нашел на какоето время защиту от своих страхов.

"Рассказ о герое" не вызвал большого интереса у критики. А.З. Лежнев, например, характеризуя номер журнала "Беседа", в котором было напечатано это произведение, отозвался о нем отрицательно: «Довольно крупная вещь Горького "Рассказ о герое" - рассудочна, надумана и бледна» [2, т. 17, с. 611]. На самом деле, можно согласиться только с первыми двумя определениями критика. Вероятно, очень трудно, может быть, вообще невозможно написать талантливую вещь, не согретую какими-то чувствами (если не любви, то хотя бы насмешки, иронии) по отношению к герою. У Горького, который экспериментировал, пытаясь "влезть в шкуру" такого однозначно антипатичного ему персонажа, произведение вышло действительно слишком прямолинейным. "Героем" Макарова можно было бы назвать только с изрядной долей иронии, но никакого смыслового иронического подтекста в этом повествовании от лица главного персонажа нет, и текст временами приобретает форму прямого публицистического высказывания негодяя и подлеца. Подобный способ повествования лишил рассказ тех полутонов, символического подтекста, игры словами и образами, таинственного мерцания его художественной ткани - всего того, что так украшало другие произведения книги. Но согласиться с Лежневым в том, что "Рассказ о герое" бледен, - трудно. В нем присутствуют очень яркие портретные описания, картины городского

пейзажа и жанровые сцены, исполненные в новой для Горького эстетике экспрессионизма, направления, получившего большое распространение в искусстве Европы и России в годы Первой мировой войны.

В начале 1920-х годов Горький, всё еще переживавший впечатления кровавой войны и революционного террора, искал ответ на мучительные для него вопросы о причинах особой жестокости в душе человека. В "Рассказе о герое" он приходит к выводу, что именно страх перед жизнью, перед людьми делает индивида патологически жестоким. "Страх перед людьми, - рассуждает Макаров, – и дает инстинкту жизни в человеке право быть безжалостно жестоким с людьми <...>. Иван Грозный был, наверное, трус, как все так называемые тираны. Политика трусов всегда политика жестокости, все политики безжалостны" [2, т. 17, с. 338]. Из этого наш трусливый "герой", стараясь возвыситься в собственных глазах, делает вывод, что героев создает сила страха, что "героизм есть отчаянный поступок испугавшегося человека" [2, т. 17, с. 338]. Так Макаров объяснял свою эволюцию, оправдывал свой путь от трусливого мальчишки, боявшегося тараканов и пчел, грозы и темноты, к жестокому циничному палачу и убийце. "Да, если б я обладал властью, делает он жутковатое признание, – я оставил бы в мире страшную, ослепительную память о себе, я затмил бы славу всех тиранов мира, я бы выстирал и выгладил людей, как носовые платки" [2, T. 17, c. 338].

Как и в других произведениях книги "Рассказы 1922—1924 годов", в "Рассказе о герое" тоже вспыхивает и чуть мерцает мотив "необыкновенного". Сначала Макаров называет "необыкновенным человеком" своего одноклассника Рудометова, но этот эпизодический персонаж неожиданно погибает. Видимо, в кошмарной реальности главного героя "необыкновенным" людям нет места. Позже "патрон" Макарова тем же словом характеризует учителя Новака. Но эта "необыкновенность" означает здесь не полноту и богатство духовной жизни учителя, а кровожадную жестокость его идеологии, призыв к публичным пыткам и казням.

Несомненно, "Рассказ о герое", несмотря на его возможные художественные просчеты, представляет интерес для историка литературы своей необычной для Горького поэтикой, наиболее близкой к экспрессионизму. Автор книги "Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века" В.Н. Терехина дает следующее определение этому течению в искусстве: «Экспрессионизм (от лат.

"expressio" — выражение) — художественное направление, в котором утверждается идея прямого эмоционального воздействия, подчеркнутой субъективности творческого акта, предполагает отказ от правдоподобия в пользу деформации и гротеска, сгущение мотивов боли, крика. <...> Экспрессия, экспрессивность присущи самой природе художественного творчества и только крайняя, экстатическая степень их проявления может свидетельствовать об экспрессионистском способе выражения» [8, с. 3].

Горьковский рассказ написан от лица главного героя – Макарова. Стиль его повествования – это рубленые короткие фразы. Жизнь в его описании предстает как сплошной ужас и мрак. Все проникнуто отчаянным пессимизмом, окрашено чувствами ненависти и злобы. Крупным планом даны только портреты духовных вождей героя учителя Новака и "патрона". Учитель – это серый кардинал, идеолог бюрократической верхушки царского режима, жестокая энергия, приводящая в движение машину управления государством. "Патрон" Макарова – человек, стоящий на вершине государственной пирамиды, та самая машина. Соответственно этим ролям Горький глазами своего антигероя рисует уродливо искаженные, деформированные портреты каждого из них, подчеркивая в фигуре Новака изломанность, бесплотность, мертвенность, а в "патроне" – звероподобность, сходство с каким-то фантастическим животным.

Нереальность, призрачность Новака напоминает двумерную, плоскую, бесшумную фигуру фантастического персонажа Павла Волкова из "Рассказа об одном романе". "Удивительно бесшумно ходил по земле этот почти бесплотный человек, подобный тени", - вспоминал Макаров [2, т. 17, с. 332-333]. Чуть ниже о Новаке сказано, что он становился "все более бесплотен и похож на тень" [2, т. 17, с. 333]. В следующую встречу с учителем Макаров снова констатирует: "...Новак казался еще менее ощутимым. Лицо его было мертвее, чем всегда, голос звучал уныло" [2, т. 17, с. 337]. В последней сцене рассказа герою удалось, наконец, разглядеть глаза Новака: "Они были маленькие, бесцветные, без ресниц и воспалены, - спрятаны в таких красненьких подушечках, должно быть, полных гноя" [2, т. 17, с. 339].

Отталкивающе уродливым рисует герой и портрет своего начальника, "патрона" — "скуластого человека с густою, черной бородой и неуклюжим телом медведя", оттопыренной, "толстой, очень мясной нижней губой" и очень большими, настороженно торчащими ушами [2, т. 17, с. 329].

Сходство "патрона" с диким зверем усилилось накануне революции 1917 г., когда он поверил, что скоро возьмет власть над страной в свои руки: "Он подтянулся, похудел, стал еще более часто и крепче гладить свои руки, в калмыцких глазках его вспыхнул жуткий синий огонек. И всё чаще видел я, как весело и голодно блестят его оскаленные зубы" [2, т. 17, с. 338].

Макаров ведет свой рассказ как бы в пустом абстрактном пространстве. Основные события его жизни описаны им очень пунктирно, отрывисто. Революция 1905 г. в его глазах — это "отвратительное", "бешеное" время. Восставшие рабочие — "толпа грязных, полудиких людей" [2, т. 17, с. 324], похожих на стадо баранов или муравьиное шествие. Своих сослуживцев он характеризует как "полускотов, полупризраков".

Отдельные скупые пейзажные или интерьерные зарисовки и жанровые сцены тоже даны в эстетике экспрессионизма, выпячивающего ужасное, страшное, уродливое. Вот, например, как видит главный герой толпу людей из окна своего кабинета: "Я подошел к окну, посмотрел вниз, на площадь, - по ней во все стороны шагали люди, некоторые - подпрыгивая, точно лягушки. В тумане все они казались широкими, круглыми, точно разбухли, и мне было приятно, что я не среди них, а над ними, один в строгой, чистой и сухой комнате, куда почти не достигал воющий шум странного города" [2, т. 17, с. 330]. А вот изображение улиц Петрограда в первые дни Февральской революции 1917 г: "Дома города изрыгнули на улицы всех людей, на площадь вывалилась раздраженная темная масса живого, голодного и жадного мяса. Красные пятна флагов, выстрелы, и снова, и еще пятна флагов, - мясную лавку напомнили мне они" [2, т. 17, с. 339]. Подобная картина городского пейзажа вызывает в памяти знаменитые натюрморты с мясными тушами талантливого французского художника-экспрессиониста Х. Сутина.

В той же ярко экспрессивной манере, деформирующей действительность и нагромождающей ужасы в ее восприятии, дано описание занятий Макарова на медицинском факультете: "Медицина оказалась наукой не для меня. Мне противно было рыться во внутренностях вонючих трупов и было страшно воображать себя трупом, из которого ножичком глупой формы вырезывает сердце веселый молодой человек с папироской в зубах. Эти молодые люди с папиросками, с прищуренными от дыма глазами, пугали меня не менее, чем трупы, два-три дня тому назад такие же живые и, вероятно, столь же глупые, как сами будущие

врачи тела. Препарируя, они шутили, смеялись, и мне казалось, что они рисуются друг пред другом грубо сделанной небрежностью их отношения к вопросу о тайне жизни, о душе, куда-то ускользнувшей из груды безобразно изрезанного гниющего мяса" [2, т. 17, с. 319—320].

Вслед за этой кошмарной жанровой картиной герой дает описание мертвой девушки, страшный портрет которой отдельными чертами напоминает знаменитую картину "Крик" норвежского художника-экспрессиониста Э. Мунка: "Вот пред ними лежит на столе тело капризной и веселой девицы Клавдии Ивановой, она убила себя два дня тому назад, выпив раствор меди в соляной кислоте. Глаза ее выкатились, брови неровно приподняты, одна выше другой, веки туго натянуты на глаза, вздутые ужасом и болью. Губы разодраны немым криком, но мне кажется, что я слышу этот крик, он всё растет, распространяется в воздухе едким запахом, вызывая у меня головокружение и тянущую все жилы мои тошноту" [2, T. 17, c. 320].

Главные оценочные определения Макарова для описания окружающей действительности и встречающихся на его жизненном пути людей – уныло, жутко, страшно, бешеный страх, безумный ужас, жгучая дрожь, безумный дегенерат и т.д. и т.п. "Градус" эмоционально-экспрессивного письма значительно повышается к концу рассказа. Это связано с панической растерянностью и животным страхом Макарова и его благодетеля Новака перед разбушевавшейся революционной стихией. Их истерический диалог, переходящий в прямое столкновение и потасовку, Горький мастерски передает, используя экспрессивную, на грани срыва и истерики, лексику. "Потом в комнату мою, – рассказывает Макаров, – изломанно согнувшись, ворвался Новак и, захлебываясь словами, присвистывая, захрипел, зарычал, толкая меня в кабинет патрона:

- Что вы сидите? Рвите, жгите... Вы сошли с ума? Р-революция! Он арестован! Где мои письма? Р-рвите-уп-уп-уп-жгите... В камин..." [2, т. 17, с. 339]. Не менее возбужден и экспрессивен в этой сцене Макаров:
- "— Негодяй! сказал я в глаза ему, ноги у меня дрожали, и в груди моей я слышал этот режущий душу зимний свист, тонкий и злой.
- Негодяй! сказал я, встряхивая учителя. Воспитатель героев, а? Подлец, где твои герои?

Он подпрыгивал, царапал руки мои кривыми пальцами и хрипел:

- Не смей... я не виноват... революционер... не смей, изменник...
- Негодяй, говорил я ему уже с наслаждением, неведомым мне до этих минут. Я боялся тебя, я тебе верил, верил, что ты сильный, страшный. Во что же мне верить теперь, чего бояться? Ты убил во мне страх, ты человека убил во мне, негодяй!" [2, т. 17, с. 339].

Исследовательница творчества Горького Ли Ми Э справедливо связывает художественные особенности "Рассказа о герое" с эстетикой экспрессионизма. "Страх перед историей и народом, - утверждает ученый, - заставляет героя взять на себя функцию устрашителя жизни. Страх перед мнимыми или реальными опасностями, предчувствие чего-то ужасного пронизывает весь рассказ. Ничего от светлого романтизма ранних произведений Горького или беспощадного реализма, жизнь обретает трагически фантастическую окраску <...>. Стиль рассказа — судорожно-разорванный, кричащий, изломанный. Горький проявил в нем себя как экспрессионист, выражая революционные <вероятно, описка. Следует: антиреволюционные. — $H.\Pi.$ > настроения героя в экстатической форме. Крупным планом описываются предельно драматические состояния героев. Наличие эстетики экспрессионизма в горьковских рассказах не случайно: действительность изображена в них сквозь призму страха и пессимизма" [6, с. 13].

После финальной, взвинченной до истерики сцены Макарова с Новаком следует краткая развязка, своеобразный эпилог, резко контрастирующий своей холодной, спокойной, решительной тональностью с предыдущей сценой. Макаров, который прятался от революции 1905 г. в канцелярии губернатора, а затем в столичной канцелярии своего монархически настроенного "патрона", после победы Февральской революции 1917 г. оказался за решеткой. Здесь он сблизился с бандитами, которые помогли ему освободиться и даже стать агентом уголовного розыска.

Кажется, никто из обращавшихся к этому рассказу исследователей не обратил особого внимания на его довольно смутный финал. Можно предположить, что Горький намеренно сделал его таким, опасаясь советской цензуры. Но если внимательно вчитаться в эпилог и сопоставить его с текстом рассказа, можно попытаться разгадать "зашифрованный" в нем смысл. Итак, последние описанные Макаровым события, которые похоронили его надежды на установление сильной тиранической власти в России, происходили, судя по всему, в дни Февральской революции.

Небольшой, в несколько строк эпилог начинается словами: "...Около года я сидел в тюрьме" [2, т. 17, с. 339]. Значит, всё, о чем говорится в эпилоге, относится к 1918—1919 гг. Скороговоркой, не совсем внятно здесь сказано, что "перекрасившийся" бывший монархист, ненавидевший революцию, после победы большевиков быстро нашел себя, смог в новых условиях революционного террора воплотить наконец в жизнь свои мечты о жестокой тирании, получил законное право в качестве агента уголовного розыска убивать и казнить людей. Последние слова Макарова свидетельствуют о его полном обесчеловечении: "Убивал людей, — это делается очень просто. Теперь я сам бандит. Могу быть палачом. Всё равно" [2, т. 17, с. 339].

Рассказ "Карамора" Горький начал писать сразу по завершении "Рассказа о герое". Сообщив 6 августа 1923 г. Р. Роллану о том, что он написал "злой" "Рассказ бандита", писатель далее делился своим новым замыслом: «Пишу о некоем русском герое, искреннем революционере, который, в то же время, был искренним провокатором и посылал друзей своих на виселицу. Это не Азеф, которого я знал и который был, мне кажется, просто скотом, жадным на удовольствия. Нет, мой герой хуже. Он действительно совершал подвиги самоотвержения, но однажды ему "захотелось совершить подлость", как он дал объяснение, когда его судили. Мучает меня эта загадка – человеческая, русская душа. За четыре года революции она так страшно и широко развернулась, так ярко вспыхнула. Что же — сгорит, и останется только пепел — или?» [1, т. 14 с. 218].

Особый интерес к революционерам-провокаторам родился у Горького именно в это время не случайно. Вскоре после победы Февральской революции, открывшей доступ к архивным делам царской охранки, российская общественность была неприятно удивлена тем, что многие революционеры-подпольщики одновременно оказались и тайными агентами этой печально известной организации. Горький тоже был поражен открывшимися фактами предательства бывших революционеров. Он искренно хотел понять мотивы их поступков, разгадать страшную загадку "двойной" души такого человека.

Горький называет в письме к Роллану главного персонажа "Караморы", как раньше Макарова, "героем". Но, в отличие от схематичного, однозначно-отрицательного Макарова Петр Каразин по прозвищу Карамора, при всей сложности его личности, раздробленности его души, гораздо более человечен и даже способен вызывать, несмотря на свое ренегатство, некое подобие

сочувствия. Как и в предыдущем рассказе, Горький хотел в "Караморе" изобразить духовного банкрота, опустошенную душу индивидуалиста-одиночки, человека, отъединенного от людей. Но если история жизни и краха личности Макарова была дана как некая идейная схема, план, то в "Караморе" Горький задался целью показать глубокие социально-психологические корни ренегатства в России.

Как и предыдущий, этот рассказ тоже написан от лица главного героя. Текст представляет собой записки потомственного рабочего, профессионального революционера и одновременно провокатора, агента охранки Петра Каразина, его исповедь перед скорой казнью. В отличие от Макарова, не склонного к рефлексии, не сомневающегося в правоте своих самых чудовищных поступков, Карамора искренно пытается разобраться в собственной раздробленной душе, понять себя. Текст этих предсмертных записок отражает поток сознания главного героя, поток его мысли. Эти мысли Караморы подчас отрывочны и сумбурны, они постоянно путаются и противоречат друг другу, как будто в нем живет не один человек, а сразу несколько, и все они непрерывно спорят между собой. Карамора сидит в тюрьме, ему грозит смертная казнь. Но его страшит не смерть, а эта постоянная утомительная борьба нескольких "я" в его душе, в его сознании.

Решив заняться художественным исследованием раздробленной противоречивой личности, прикоснуться к "страшной и мучительной загадке образа Караморы" [7, с. 203], Горький не мог пренебречь опытом Достоевского. Известно, что многие сюжеты и образы Горького рождались в творческом споре с писателями - его предшественниками. Зачастую он пользовался приемом иронического снижения идейной проблематики их произведений, пародирования характеров их героев. В образе Петра Каразина, ставящего над собой эксперименты, желая понять, до какого края, до какой бездны падения он может дойти, можно уловить черты Родиона Раскольникова из "Преступления и наказания". А сцена, в которой Карамора насильно заставляет повеситься предателя Попова, вызывает в памяти эпизод самоубийства Кириллова из "Бесов", совершенного по принуждению Петра Верховенского.

Герой горьковского рассказа цитирует известный лозунг Достоевского "Смирись, гордый человек!", произнесенный на открытии памятника Пушкину. Горький нашел нужным прокомментировать его в статье "Призвание писателя и русская литература нашего времени", написанной

в том же 1923 г., что и "Карамора": «...Он <Достоевский. — *Н.П.* > учил: "Смирись, гордый человек!", а был он наименее терпимым и наиболее непримиримым среди русских писателей, — это еще одно из доказательств противоречивости и сложности человеческой натуры. Его мрачный и жестокий гений привил русской литературе психологический садизм, стремление к микроскопическому анализу "души" и очень ослабил волю к жизни» [3, с. 8]. Но в рассказе "Карамора" Горький, явно следуя за Достоевским, отдает дань и "психологическому садизму", и "микроскопическому анализу" разорванного сознания и подсознания своего героя.

В этой же статье писатель, опираясь на известное высказывание Достоевского, провозгласил: "Душа человека — поле битвы Дьявола с Богом" [3, с. 4]. Именно такую непрекращающуюся мучительную борьбу в душе Караморы он и попытался изобразить в своем рассказе. Но одновременно Горький показывает, что дьявольское и божественное перемешано не только в русской душе, которую он великолепно изучил, а в самой идее революции. Здесь он как бы пророчествует о неизбежном конце её идеалов, о невозможности построить справедливое общество для всех, когда за него борются такие "герои", как Карамора.

Кажется, именно с Достоевским связан в рассказе Горького и таинственный образ неизвестного пришельца. Этот полуреальный, полуфантастический персонаж неожиданно появляется и так же внезапно исчезает из жизни Караморы. Своей внешностью и манерой поведения он напоминает то ли князя Мышкина из романа "Идиот", то ли посланного с небес ангела, то ли святого апостола. «Сижу у ворот на лавочке, пригрело меня солнцем, задремал, - вспоминает Карамора, - вдруг рядом со мною очутился этот человек и начал говорить о "распятом за ны". Говорил изумительно, с такой детской наивностью и так, как будто сам непосредственно пережил всю авантюру Христа» [2, т. 17, с. 374-375]. Пришелец попытался обратить Карамору к вере в Бога, спасти его раздробленную душу. Но Карамора начал яростно спорить с ним, доказывая, "что Бога нет, Христос – наивная поэзия, лирика, выдумка, обман в конце концов" [2, т. 17, с. 375]. А проснувшись среди ночи, он услышал, как странник, указывая на него рукой, строго просил кого-то (вероятно, Христа): "Помоги ему, ты – должен, помоги!" [2, т. 17, с. 375].

И тут же Карамора провалился в кошмарный сон, возможно, внушенный ему таинственным незнакомцем. В этом метафорическом сне он

увидел свою будущую страшную судьбу и свое раздробленное "я" в их истинном свете, хотя и в искореженном, исковерканном виде: "Тут и приснилось мне, будто я хожу по краю плоского круга, покрытого сводом серенького неба. Хожу я по черте горизонта и щупаю руками холодное, твердое, это — край неба, он плотно врос, притерт к жесткой, как железо, но беззвучной земле, шагов моих на ней не слышно. Как тусклое зеркало, небо отражает мое уродливо изогнутое тело, лицо у меня искаженное, руки дрожат, и мое отражение протягивает ко мне эти дрожащие руки, пальцы их неестественно изогнуты, не сжимаются. Я уже несколько раз обошел пустоту, быстро и всё быстрее двигаясь по черте горизонта, но не понимаю, чего ищу, и не могу остановиться. Невыносимо тяжело мне и тревожно, я помню, что на земле существует жизнь, множество людей, - где же всё это? В непоколебимом молчании, в совершенной безжизненности, мое движение по кругу становится всё быстрее, вот оно уже как полет ласточки, а обок со мною летит, размахивая руками, отражение мое, и всюду, куда бы я ни взглянул, - только оно. Круг, сжимаясь, становится всё меньше, купол неба всё ниже, я бегу, задыхаюсь, кричу..." [2, т. 17, с. 376].

Возможно, для описания страшного сна Караморы, в котором нашло отражение его разорванное, смятенное подсознание, Горький использовал впечатления своего собственного сна. Неоконченная запись этого сна, местами дословно совпадающая с началом сна Караморы, относится, видимо, к тому же времени, когда создавался рассказ: "Я – один на краю плоского круга пустоты, она покрыта сводом мутно-серенького неба, в центре его над темной каменной землей, извиваясь, колеблется - не падает - кусок черной материи..." [2, т. 18, с. 420]. В рассказе это описание развернуто, оно несет определенную философскую и психологическую нагрузку, подчеркивая ощущение героем своего экзистенциального одиночества, деформации своей души и предчувствие скорой гибели.

"Страшнее этого сна я ничего не помню", — признается Каразин. Но перерождения его души, воскресения и роста личности не произошло. Страшное "зияние", "черная дыра" в душе героя все ширились, одиночество все возрастало. Неспособность к искреннему раскаянию за грех предательства, непомерное тщеславие и властолюбие, неумение любить, различать добро и зло привели Карамору к полному опустошению и духовной гибели его личности, гибели, наступившей гораздо раньше физической смерти.

Поскольку Горький ввел в рассказ таинственный персонаж, близкий к Богу, к Христу, то, вполне естественно, что в кошмарном мире Караморы, больше похожем на ад, должен был появиться и черт-соблазнитель. На наш взгляд, эту роль выполняет начальник охранного отделения Симонов, в образе которого явственно проступает некий иной, символический смысл. Раскрытию этого образа писатель уделил особое внимание, целые страницы рассказа заполнены воспоминаниями Караморы о его долгих философско-психологических беседах с Симоновым, напоминающих пародийно сниженные беседы Фауста с Мефистофелем.

Симонов из всех прочих персонажей рассказа выделяется своей подчеркнуто заурядной, обыкновенной, реалистически описанной внешностью: «Человек лет пятидесяти, среднего роста, плотный. Седые волосы подстрижены бобриком. Неопределенной формы — "русский" — нос, мягкий, красноватый, небольшие, приличные усы. Глаза светлые, спокойные, даже немножко сонные. Людей такого облика очень много, их встречаешь часто, они водятся во всех сословиях, служат во всевозможных учреждениях, живут на всех улицах, по всем городам. Я привык смотреть на таких людей, как на заурядных и обыденных» [2, т. 17, с. 390].

При этом именно с Симоновым связан объединяющий все произведения книги "Рассказы 1922-1924 годов" мотив "необыкновенного", который превратился в "Караморе" в некую игру, выявляющую относительность понятий "необыкновенного" и "обыкновенного". Хотя при первом знакомстве начальник охранки показался Караморе "досадно обыкновенным человеком", это мнение вскоре изменилось. Он почувствовал, что в Симонове "скрыто что-то значительное, таинственное" [2, т. 17, с. 395]. Начальник охранки оказался своеобразным философом с "не совсем обыкновенными" мыслями, проповедующим полное освобождение в человеке звериных инстинктов, заменившим Евангелие книгой "Жизнь животных" Брема, по натуре охотником, которому доставляет удовольствие выслеживать и гнать людей, как диких зверей, и игроком, одурачивающим своих партнеров.

Но самая большая мечта Симонова — выступать с дурацкими фокусами, чтобы обманывать зрителей и устраивать на сцене "кавардак". Фокусники — это люди, которые играют с реальностью, подменяют одни предметы и явления другими, создают иллюзорный мир. "Чёрт знает до чего можно одурачить людей! Чёрт знает как!"

[2, т. 17, с. 401] — с восторгом говорит начальник охранки. Именно он играет в рассказе роль дьявола-искусителя, соблазнившего Карамору стать своим осведомителем, предателем, посылающим на виселицу товарищей по революционной борьбе. Именно он становится тем спусковым крючком, который запустил механизм разрушения личности героя, гибели его души.

Экзистенциальная тема — пограничная ситуация, в которой оказался заключенный в тюрьме герой накануне казни, - выражена в рассказе художественными средствами, наиболее близкими к поэтике экспрессионизма. Записки Петра Каразина — это фрагменты текста, фиксирующие поток его разорванного сознания, скачки и метания его мысли, пытающейся понять собственное "я". Глубоко психологичный образ героя предельно противоречив и эмоционально напряжен. Его мысли и чувства выражены с крайней степенью экспрессии и интонационной взвинченности. Мир в смятенном сознании Караморы предстает как бессмысленный хаос, бесконечное столкновение природных и социальных сил. В рассказе имеется свойственное авангарду подчеркнуто антиэстетичное портретное изображение, которое можно поставить рядом с произведениями самых известных художников-экспрессионистов. Таков отталкивающе уродливый портрет разоблаченного Караморой предателя Попова, с которого слетело вдруг всё человеческое: "Тут я увидел пред собою человека, у которого действительно не было лица: его заменяла серая масса какого-то студня, и в нем, вместе с ним дрожали отвратительно выпученные глаза. Бескровным куском мяса отвисла нижняя губа, дрожал подбородок, морщины бежали по щекам, - казалось, что вся голова этого человека гниет, разлагается и вот сейчас потечет на плечи и грудь серой грязью" [2, T. 17, c. 384].

Как будто следуя заветам Симонова, провозгласившего человека "зверем, который сошел с ума" и "встал на дыбы" [2, т. 17, с. 392], Карамора описывает собственную внешность и облик других персонажей, привлекая анималистические детали портрета, что также было характерно для авангарда. В начале рассказа, давая объяснение своего прозвища, он сравнивает себя с комаром и пауком: "Есть такой крупный комар, похожий на паука, в просторечии его зовут — карамора. Я был мальчишка длинноногий, худощавый; любил ловить птиц" [2, т. 17, с. 366]. В другом месте герой называет себя "хорошей собакой" "охотника" Симонова [2, т. 17, с. 393]. В таком же зверином обличье предстают и некоторые другие

персонажи рассказа. Наставник Караморы Леопольд казался ему "хвореньким галчонком", воображаемый жандарм — "хорошим зверем в мундире", "чистенький, сытенький, розовощекий и курносый" Попов при первой встрече выглядел как "преданная собака", а позже, когда стало известно о его службе в охранке, — как "теленок, превращенный в полицейскую собаку" [2, т. 17, с. 368, 377, 382, 385].

Горький считал, что его рассказы 1922—1924 гг. — «это — ряд поисков иной формы, иного тона для "Клима Самгина", — работы очень трудной и ответственной» [1, т. 17, с. 269]. Сказанное в полной мере относится к "Рассказу о герое" и "Караморе". В них писатель испробовал многие новаторские, в том числе экспрессионистские, авангардные приемы изображения мира и человека, которые получат дальнейшее развитие в его романе-эпопее.

Горький еще в юности сформулировал кредо своей жизни и своего творчества, написав широко известную фразу "Я в мир пришел, чтобы не соглашаться...", а позже неоднократно называл себя еретиком. Он действительно почти всю свою жизнь посвятил развенчанию общепринятых философских и моральных истин, ниспровержению старых общественных устоев, уничтожению духовных стереотипов. Как мы видели, то же самое он проделал и с общеизвестным понятием "герой".

В годы революции и первое послереволюционное время Горький твердо стоял на гуманистических позициях, всегда и везде защищал страдающую человеческую личность. При этом писатель с тревогой наблюдал, как старый гуманизм, рожденный эпохой Ренессанса, гибнет в пожаре мировой войны и революции, как на смену ему идет что-то новое — грозное и безжалостное. Именно поэтому он с таким интересом отнесся к знаменитому докладу А.А. Блока "Крушение гуманизма", по инициативе Горького прочитанному поэтом в марте 1919 г. в издательстве "Всемирная литература". В этой ситуации писатель не хотел и не мог оправдывать человека, "геройски" убивающего себе подобных, пусть даже объявленных врагами отечества или рабочего класса.

Позиция Горького кардинально изменилась в 1930-е годы, когда он вернулся из Италии в СССР и постепенно превратился в рупор советской идеологии. Железному сталинскому режиму удалось обуздать свободный дух великого писателя и направить его в нужное русло. В 1930 г. Горький задумал целую книгу очерков и рассказов о героях — простых людях, участниках

революции и гражданской войны, партийцах и тружениках. Но Горький-художник упорно сопротивлялся Горькому-идеологу. Им было написано всего три небольших рассказа на эту тему, и те получились бледными и неказистыми, образы главных героев — схематичными, их речи — невыразительными и спутанными.

Вероятно, Горький-художник чувствовал неудовлетворенность написанным и не стал продолжать этот цикл. Но книгу "Рассказы о героях" он все-таки в 1932 г. выпустил, включив в нее, кроме упомянутых трех произведений цикла, мемуарный очерк еще об одном герое – рабочем-партийце, революционере-большевике Михаиле Вилонове. Горький построил очерк "Михаил Вилонов" (1927), всячески подчеркивая главную черту характера и главную идею жизни этого человека – идею "правды ненависти". "Ненависть, – характеризовал он Вилонова, – была как бы его органическим свойством, он насквозь пропитан ею, с нею родился, это чувство дышало в каждом его слове" [2, т. 18, с. 376]. По мнению этого революционера-боевика, только "правда ненависти" может очистить мир и людей от скверны и привести их к лучшей жизни. Христову правду любви он заменил большевистской правдой ненависти. По сути, Горький здесь присоединяется к мнению Вилонова, называя ненависть "глубоким и творческим чувством", а самого революционера - "Человеком с большой буквы" и "настоящим героем" [2, т. 18, с. 373, 375, 382]. Таким образом, в этом очерке писатель попытался снова соединить два прежде им же разделенных понятия своей философско-эстетической концепции: "Человека с большой буквы" и "героя". А отсюда было недалеко и до его публицистических выступлений 1930-х годов, в которых Горький ниспровергал старый, "лживый", буржуазный гуманизм и провозглашал новый, особый, "пролетарский", основанный не на любви человека к человеку, а на классовой ненависти, на праве мирового пролетариата безжалостно раздавить "муравейник лавочников" [5, т. 27, с. 241]. Одна из его статей 1934 г. так и называлась — "Пролетарский гуманизм", а другая, 1935 г. – "Пролетарская ненависть".

Подводя итоги, еще раз подчеркнем: проблема героя была одной из самых важных, ключевых в творчестве Горького. Образ героя пережил не просто творческую эволюцию, но существенную метаморфозу. Ломая общественные стереотипы, писатель разделил понятия идеального "Человека с большой буквы" и "героя". Если Человек, по мысли Горького, проявляет себя в творческом

деянии, в богатстве и сложности своей личности, то герой в его представлении – понятие более узкое, это человек, который вынужден действовать в экстремальных обстоятельствах войны или революционной борьбы, рискуя своей жизнью и жизнью других людей. Знаменитый горьковский гуманизм, который особенно ярко проявился в революционные и первые послереволюционные годы, вызвал к жизни ряд произведений, в которых писатель протестовал против героизма солдат и революционеров, готовых убивать людей, ставших для них врагами. В 1930-е годы, поддерживая классовую идеологию большевизма, Горький попытался "подправить", "подкорректировать" свои прежние произведения, написать рассказы, в которых воспевались герои революции и гражданской войны. Но художественная правда писателя сопротивлялась подобной трактовке. Несмотря на все старания, ему так и не удалось создать ни одного сколько-нибудь значительного произведения, в котором бы прославлялся герой. И, напротив, там, где Горький был искренен и художественно правдив при изображении Человека с большой буквы (например, в очерках "Лев Толстой", "А.А. Блок", "Владимир Ленин"), он смог создать бессмертные образы и настоящие литературные шедевры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Горький М*. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1997—2019.
- 2. *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1968—1976.
- 3. *Горький М*. Призвание писателя и русская литература нашего времени // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. Вып. 2. М.: Наука, 1989. С. 3—19
- 4. *Горький М*. Речь на публичном заседании "Лиги социального воспитания" // Летопись. 1917. № 7—8. С. 184—191.
- 5. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1949—1956.
- 6. Ли Ми Э. Идейно-эстетическое своеобразие "Рассказов 1922—1924 годов" А.М. Горького. Автореф. дисс. кандидата филологических наук. М.: Тип. МПГУ, 2005. 14 с.
- 7. *Тагер Е.Б.* Творчество Горького советской эпохи. М.: Наука, 1964. 376 с.
- 8. Терехина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 318 с.

REFERENCES

- 1. Gorky, M. *Poln. sobr. soch. Pisma: V 24 vol.* [Complete Collection of Works. Letters: in 24 Vols.]. Moscow, Nauka Publ, 1997–2019. (In Russ.)
- 2. Gorky, M. *Poln. sobr. soch. Hudozhestvennye proizvedenija: V 25 vol.* [Complete Collection of Works of Art: in 25 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1968–1976. (In Russ.)
- 3. Gorky, M. "Prizvanie pisatelja i russkaja literatura nashego vremeni" ["The Vocation of the Writer and Rrussian Literature of Our Time"]. Gorky i ego jepoha. Issledovanija i materialy. Vyp. 2 [Gorky and His Epoch. Research and Materials]. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 3–19. (In Russ.)
- 4. Gorky, M. «Rech na publichnom zasedanii "Ligi socialnogo vospitanija"» [«Speech at a Public Meeting of the "League of Social Education"»]. Letopis [Record]. No. 7–8, 1917, pp. 184–191. (In Russ.)

- 5. Gorky, M. *Sobr. soch.:* v 30 vol. [Collected Works: in 30 Vols.]. Moscow, GIHL Publ., 1949–1956. (In Russ.)
- 6. Li Mi Je. *Idejno-jesteticheskoe svoeobrazie "Rasskazov 1922–1924 godov" A.M. Gorkogo. Avtoref. diss..... kandidata filologicheskih nauk* [Ideological and Aesthetic Originality of "Stories of 1922–1924" by A.M. Gorky. Abstract. Diss. Candidate of Philological Sciences]. Moscow, Tip. MPGU Publ., 2005. 14 p. (In Russ.)
- 7. Tager, E.B. *Tvorchestvo Gorkogo sovetskoj epohi* [Gorky's Work of the Soviet Era]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 376 p. (In Russ.)
- 8. Terekhina, V.N. *Ekspressionizm v russkoj literature pervoj treti XX veka: Genezis. Istoriko-kulturnyj kontekst. Pojetika* [Expressionism in Russian Literature of the First Third of the 20th Century: Genesis. Historical and Cultural Context. Poetics]. Moscow, IMLI RAN, 2009. 318 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 16 декабря 2020 г. Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 июня 2021 г. Статья принята к публикации: 15 сентября 2021 г. Дата публикации: 31 октября 2021 г.

> Received by Editor on December 16, 2020 Revised on June 27, 2021 Accepted on September 15, 2021 Date of publication: October 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017131-7

Автобиографическое "Я" в повести Скитальца "Этапы": сопоставление вариантов

© 2021 г. Чэн Лян

Аспирант филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51 chengliangvila@yandex.ru

© 2021 г. М. В. Михайлова

Доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51 mary1701@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается "проявление" автобиографического героя в повести Скитальца "Этапы", существующей в двух вариантах — 1908 и 1937 гг. Первый вариант был создан, когда писатель уже завоевал определенное место в литературе; второй был опубликован вскоре после его возвращения на родину в 1934 г. из эмиграции. Оба варианта написаны от первого лица, писатель ведет рассказ о своей жизни. Разница между ними заключается в том, что в первом случае Скиталец сосредоточивает внимание на анализе внутреннего мира автобиографического героя, раскрывает психологические изменения в нем. Во втором варианте упор сделан на формировании личности под влиянием окружающей среды, обстоятельств. Причем теперь автор, желая показать формирование "общественного" человека, подчиняющего личное коллективному, готового отдать жизнь борьбе за революционное дело, ориентируется на канон социалистического реализма, возобладавший в советской литературе 1930-х гг.

Ключевые слова: Скиталец (С.Г. Петров, 1869—1941), повесть "Этапы", автобиографизм, внутренний монолог, травма, социалистический реализм.

Для цитирования: Чэн Л., Михайлова М.В. Автобиографическое "Я" в повести Скитальца "Этапы": сопоставление вариантов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 92-100. DOI: 10.31857/S241377150017131-7

The Autobiographical "I" in Skitalets's Novelette "Stages": Comparison of Editions

© 2021 Cheng Liang

Postgraduate student of the Faculty of Philology at the Lomonosov Moscow State University, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia chengliangvila@yandex.ru

© 2021 Maria V. Mikhailova

Doct. Sci. (Philol.), professor at the Lomonosov Moscow State University, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia mary1701@mail.ru **Abstract.** The article examines the "manifestation" of the autobiographical hero in Skitalets's novelette "Stages", which exists in two editions — 1908 and 1937. The first edition appeared when the writer already had a footing in literary circles; the second was published shortly after his return to Homeland from emigration, in 1934. Both editions contain a first-person narrative and relate the author's life story. However, in the earlier editions, Skitalets focuses on the analysis of the inner world, revealing the psychological changes in the hero's mind. In the latter, the author mainly explores the development of the personality under certain influence of his environment and various circumstances. Moreover, from the very beginning the author was guided by the canon of socialist realism, wishing to present the growth of a "social" person, who subordinates the individual to the collective and is ready to offer his entire life for the revolutionary cause.

Key words: Skitalets (S.G. Petrov, 1869–1941), novelette "Stages", autobiography, inner monologue, trauma, socialist realism.

For citation: Cheng L., Mikhailova, M.V. Avtobiograficheskoe "Ya" v povesti Skital'ca "Etapy": sopostavlenie variantov [The Autobiographical "I" in Skitalets's Novelette "Stages": Comparison of Editions]. Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 5, pp. 92–100. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017131-7

Жанр художественной автобиографии имеет почти тысячелетнюю историю. Часто именно биографическая составляющая становилась основой художественного произведения. Автобиографизм в литературе — одна из наиболее актуальных и последовательно изучаемых проблем в современном литературоведении. Автобиография изначально "ориентирована на внетекстовую действительность" [12, с. 7], т.е. события, происходившие в реальности. И литературоведы указывают, что "принцип соотношения художественной и нехудожественной реальности" заключается "в трансформации автором в собственных текстах автобиографического жизненного материала" [5, с. 13].

Русская автобиографическая проза XX века связана с традициями отечественной литературы предшествующего периода, в первую очередь с художественным опытом Л.Н. Толстого ("Детство", "Отрочество", "Юность"). На рубеже XIX-XX вв. "тяготение к автобиографизму в разных его проявлениях охватило почти все наиболее значимые литературные течения" [13, с. 34]. Е.М. Болдырева, обсуждая причины популярности автобиографической литературы в это время и последующие годы, высказала мнение, что «одним из самых сильных "катализаторов" этого расцвета явилась эмиграция» [5, с. 1]. Но и до этого времени М. Горьким, Н.Г. Гариным-Михайловским, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал был заложен фундамент жанра. Действительно, именно в это время «центральным "персонажем" литературного процесса» все больше становится "не произведение, подчиненное канону, а его создатель, центральной категорией поэтики – не стиль, а автор" [1, с. 33].

В этой сфере пробовал свои силы и Скиталец (псевдоним Степана Гавриловича Петрова, 1869—1941). Литературоведы всегда указывали,

что "отличительной особенностью творческого почерка" писателя "является то, что у большинства его героев есть очень близкие прототипы"; v него "автобиографический материал играет исключительно большую роль <...>" [9, с. 13]. Обычно он кладет в основу своих произведений "непосредственно пережитый и лично прочувствованный материал" [17, с. 615]. В этом плане особый интерес представляет его повесть "Этапы", существующая в двух вариантах. Первый написан в 1908 г., второй был издан в 1937 г. после возвращения писателя на родину из эмиграции. Ко времени обращения к автобиографическому материалу Скиталец уже успел занять прочное место в литературе, стать соратником М. Горького по сборникам "Знание", регулярно публиковался в печати. Критика отмечала его самобытность: босяки Скитальца отличались от горьковских, были не философами, а "артистическими натурами", как назвал их критик В. Шулятиков 1 , обладали прекрасными голосами, ценили красоту. Сюжеты своих произведений Скиталец черпал из своей жизни: он сам родился на берегах Волги, которую с любовью описывал; а жизненный путь его отца лег в основу повести "Сквозь строй" (1902). Критики в целом одобрительно отнеслись к его творческим усилиям, хотя высказывались и критические замечания. Особенно доставалось Скитальцу за его пристрастие к украшательству, приподнятости тона. Остроумно обозначил эту его особенность А. Горнфельд, озаглавив свою статью о писателе "Бархатная тафта"2. Но когда Скиталец решил запечатлеть свою собственную жизнь, свое рождение как писателя, он встретил

¹ См. его ст. "Артистические натуры" босяцкого царства // Курьер. 1902. № 83. 26 марта. С. 3.

 $^{^2}$ См. его ст. Литературные беседы (Бархатная тафта) // Товарищ. 1907. № 389. 5 окт. С. 3.

непонимание именно по сути. И в первую очередь со стороны Горького. Это послужило началом охлаждения в отношениях писателей.

Горький был недоволен самолюбованием автобиографического героя в повести "Этапы" (1908). В письме к Скитальцу он прямо сказал об этом: автор «прежде всего - слеп духовно: весь мир, все люди, города, лошади, камни, звезды — все закрыто для него его же нелепой и не очень гениальной фигурой; он ничего не видит, не ощущает, кроме себя, и он невероятно надоедлив своим "унижением, кое паче гордости", самолюбием, самохвальством» [7, с. 52-53]. Повесть "Этапы" Горький не рекомендовал к публикации, но она произошла без его ведома: повесть появилась в XXV сборнике "Знание" за 1908 год. Это горьковское суждение стало основой восприятия повести на протяжении всех последующих лет. Советский литературовед А. Трегубов "констатировал": в повести нет "надежды на скорое освобождение народа. Картины мрачной жизни и изображение безысходной тоски одинокого обозленного героя-интеллигента, лишенного связи с народом, составляли ее содержание" [17, с. 619]. Автор диссертации о Скитальце Л. Королькова обнаружила в ней "декадентскую беспредметность", "узость наблюдений", "мещанский индивидуализм" [8, с. 298-299]. Ее даже поразил "болезненный эгоцентризм" [8, с. 275] повествователя. А как известно, сосредоточенность на собственной персоне считалась в советское время, ставившее общественное выше личного, наибольшим пороком. И истоки этого коренятся в пролетарском мировоззрении, проводником которого считали Горького, на мнение которого и ссылались.

Похоже, что в советское время первый вариант внимательно и не читали: так, Трегубов даже ошибся, приняв рыжеволосого горбуна из рассказываемой героем сказки за самого автора-повествователя. Это говорит о сложности отношений между автором и автобиографическим героем, о чем писал М.М. Бахтин: "Я гляжу на себя глазами другого, оцениваю себя с точки зрения другого" [3, с. 241]. Но такая ошибка делает еще более актуальной самохарактеристику героя в повествовании, а кроме того, говорит о том, что Скиталец весьма убедительно изобразил своего неуживчивого персонажа.

Итак, в первом варианте Скиталец больше глядит на себя "своими глазами", а вот во втором уже в большей степени присутствует "взаимодействие" с другими лицами. Второй вариант, возможно, Скиталец начинал писать во время

пребывания в Харбине, готовясь к возвращению домой (повесть появилась в печати уже в 1937 г.). Оба варианта, написанные от первого лица, выдвигают в центр автобиографическое "Я". Автор сам рассказывает о своей жизни. И там, и там присутствует "установка на подлинность" [6, с. 7].

Такая нацеленность на повествование о самом себе стала приметой литературы XX века. Множество событий, которые воссозданы на страницах повести, действительно произошли в жизни Скитальца. Но разница между двумя вариантами заключается в том, что в первом варианте "Я" рассказчика - это центр сюжета: упор делается на описание "моей" психической деятельности. А во втором варианте показано формирование "Я" при помощи наблюдателей, участников и свидетелей. Больший акцент сделан на том, чтобы видеть окружающее глазами автобиографического героя.

Нельзя не согласиться с наблюдением Я.Л. Либермана, написавшего, что "одним из наиболее интересных и эффективных методов исследования <...> является сопоставительный анализ художественных преобразований текстов" [10, с. 168]. Он, правда, имел в виду трансформацию некоего чужого базового произведения, которое вначале отражается в сознании автора, а затем оно «"материализуется" вновь в значительно или незначительно измененной форме <...>» [10, с. 168]. Но не менее интересен факт трансформации одного и того же текста, "перекраиваемого" самим его создателем в зависимости от привходящих обстоятельств. Как в таком случае преобразуются творческие импульсы, что становится довлеющим – рациональное или интуитивное? И сопоставление двух вариантов "Этапов" во многом способно дать ответы на эти вопросы.

Во-первых, оно заставляет пересмотреть устоявшуюся точку зрения на первый вариант. Он, несомненно, имеет свою ценность - ведь повествование можно рассмотреть как внутренний монолог, который выступает в качестве основного приема раскрытия характера автобиографического героя, благодаря чему мы можем проникнуть в духовный мир персонажа, выявить то, что представляется ему важным. Более того, с современной точки зрения содержание первого варианта чрезвычайно интересно, т.к. в нем зафиксирован процесс обретения индивидуальности, которая характеризуется повышенной чувствительностью, эмоциональностью, сензитивностью. В.Е. Хализев вообще считал автобиографическое повествование "самостоятельным родом, близким лирике". Он писал о некоей двойственности такого

рода произведений: «В той мере, в какой произведение и с выдвинутым на авансцену автобиографическим "я" повествовательны, они согласуются с художественным законами эпического рода литературы. В той же степени, в какой подобные произведения инвестируют повествовательное начало во имя эмоциональных размышлений носителя речи, они оказываются лирическими» [18, с. 36]. И первый вариант — это именно тот случай. В нем как раз и происходит "подавление" эпического начала. Оно затмевается "эмоциональными размышлениями", которые возникают в сознании героя практически по любому поводу. Главный герой на наших глазах переживает психологическую трансформацию, пытаясь нащупать свое истинное "Я".

Скиталец, несомненно, совершает некий прорыв в автобиографическом жанре. В центр поставлена травма: герой переживает комплекс неполноценности по поводу своей внешности. Он постоянно чувствует "ненависть и отвращение к себе" [14, с. 5]. Это странное и даже немного забавное для мужчины чувство, потому что переживания из-за своей непривлекательности свойственны в основном женшинам. А здесь перед нами молодой человек, который постоянно о своей внешности помнит, фиксирует ее, смотрит на себя со стороны: "Мне теперь двадцать четвертый год, но многие дают мне тридцать, так я старообразен. Длинное, бледное, худое лицо, морщины горечи около рта и неласковый взгляд исподлобья — взгляд загнанного волка. Долговязый и неуклюжий. Голос у меня низкий, грубый, и говорю я так, как будто сердит на кого-то. Никогда не улыбаюсь и только иногда смеюсь громким раскатистым смехом, от которого потом стыдно" [14, с. 5]. Возможно, что именно непривычное внимание к телесности и вызвало раздражение Горького, который счел это "выпячиванием" собственной личности. Но именно недовольство своим внешним обликом многое объясняет в характере героя. Как справедливо заметили составители сборника "Травма: пункты" в аннотации к нему, травма "не только единовременное событие, резко изменившее жизнь человека, но и <...> процесс, который продолжает влиять на отношение людей к их прошлому, настоящему и будущему" [16, с. 4].

Из-за своей, как ему кажется, уродливой внешности герой в детстве подвергался насмешкам, и это стало причиной того, что он вырос подозрительным и обидчивым. Но на личность героя наложило отпечаток и классовое происхождение, что он осознает вполне отчетливо: "Я болезненно

самолюбив: мне все кажется, что меня хотят оскорбить <...>. Больное самолюбие в крови у всех рабов, у всех угнетенных" [14, с. 6]. Но самое интересное заключается в том, что именно непривлекательная внешность и чувство униженности и явились стимулом к творчеству. Это выглядело совсем не "по-пролетарски" - ведь главным импульсом для творчества в социал-демократическом дискурсе должно было быть желание поднять на борьбу эксплуатируемых, возбудить ненависть к поработителям. И то, что молодой писатель избирает романтическую форму почти в чистом виде, т.е. уходит в область фантазии и сказочности, тоже не вызывало восторга. Романтизм в пролетарском искусстве приветствовался, но писатель не должен был забывать и об изображении общественных язв.

Тяга к творчеству показана в обеих редакциях. В первом случае герой написал рассказ и решил его предложить в газету, когда все другие попытки прокормиться не увенчались успехом. Творческий процесс воспроизведен подробно: "Я, в пальто и шапке, посинелый от холода, сижу в своем чердаке, на морозе, и пишу окоченевшей рукой веселый рассказ. <...> мне весело <...>. Я уже не чувствую более ни трескучего мороза в моей комнате, ни злейшего аппетита в моем голодном желудке: вот что значит вдохновение!" [14, с. 70]. Налицо резкий контраст между физическими страданиями и душевным подъемом. В сознании автора вырисовывается романтический идеал: искусство - это способ отвлечься от унылой действительности, своего рода наркотик, дающий возможность забыться. Он продолжает мечтать, рисуя разные варианты будущего: "Отнесем рассказ в редакцию. Там, конечно, его не примут, даже и не прочтут, пожалуй, но ведь больше ничего не остается нам делать, муза: уже все испробовано, все исчерпано, не умирать же нам сложа руки? <...> Кто же знает? Может быть, в этом есть указание судьбы? Уж не готовит ли она меня к тому, чтобы я сделался модным фельетонистом или даже сочинителем бульварных романов?" [14, с. 69–70]. В этом внутреннем монологе нетрудно обнаружить, что автор примеривает на себя разные маски, видит себя в той или иной роли: и неудачника, и модного писаки... Факт взят из реальной жизни: «Зимой 1895 года, оставшись без всяких средств к существованию, сидя в холодной комнате, дрожа от холода, в шапке, пальто и чуть ли не в рукавицах, Скиталец написал свой первый фельетон и отнес в редакцию харьковской газеты "Южный край". В канцелярию редакции он постеснялся зайти "по оборванности своего костюма", а передал рукопись

швейцару редакции» [4, с. 467]. Но в повести "все подчинено цели - опоэтизировать страдания" [2, с. 204]. Это цитата из работы советского литературоведа, и она звучала как упрек.

Этот же сюжет сохранен и во втором варианте, но теперь внутренний монолог значительно сокращен. И психологический настрой у героя иной: "Есть веселый, забавный рассказ о собственных наших мытарствах с тобой!.. Давай сейчас от нечего делать, с голоду, с холоду и от невозможности спать – напишем его! <...> Я бы, может быть, писал для себя, но никогда не пошел бы в редакцию, - так мы еще скромны с тобою, муза! Но меня нигде не приняли, я везде оказался лишним!" [15, с. 357-358]. Хотя психологические мотивировки разные - в обоих случаях ощутима ирония. Но персонаж первого варианта более задирист и оптимистичен. Во втором варианте подчеркнута его скромность, что было уже продиктовано эстетикой социалистического реализма, когда простой парень не должен был что-то возомнить о себе.

Многие эпизоды дублируются в обоих вариантах. Например, ситуация с продажей жилетки. Но полученные от продажи деньги использованы по-разному. В первом варианте герой решил шикануть: пошел в ресторан! Понятно, что это проистекает от желания доказать свою значимость, он хочет почувствовать себя не хуже других. Возникает неоднозначный характер: стремление пустить пыль в глаза — не лучшая черта в человеке, но очень по-человечески понятная... Во втором варианте неоднозначность сглажена. Поведение героя прямолинейно, мотивы наглядны: войдя в лавку, он "не стал торговаться. Снял жилет, отдал ей (скупщице. - $4.<math>\pi$., M.M.). У нее же купил два фунта черного хлеба и тут же в лавочке начал есть его с необычайной жадностью. Впрочем, половину краюхи я засунул в карман. С закушенным ломтем вышел из лавочки, медленно и с наслаждением пережевывая ржаной хлеб, казавшийся мне таким вкусным, как никогда" [15, с. 354–355]. Автор замедляет процесс поглощения пищи с помощью деталей: стал "есть с необычайной жадностью", "засунул в карман", "медленно и с наслаждением" жевал хлеб... Ясно, что такой герой более соответствует соцреалистическому образцу, он поступает в соответствии с предлагаемыми обстоятельствами, не отрывается от земли. Образ героя здесь оказывается приближенным к трудящемуся человеку эпохи социализма, когда упрощенность, последовательность, вразумительность действий приветствовались.

Читателю должны были быть ясны мотивы поступков: раз голоден — должен голод утолить.

В отличие от окружающих его людей герой первого варианта сосредоточен главным образом на себе. Все явления бытия он пропускает через себя, и автору важно показать неоднозначность реакции на события. Так, он не чувствует себя счастливым даже тогда, когда в его внешней жизни все хорошо складывается. Он думает о возвышенном, не может удовлетвориться карьерой, которая всех устраивает: "Я иду на службу. Вот уже три месяца, как я служу в управлении дороги, заведую там складом билетов. <...> Мое место считают хорошим, с него можно шагнуть по службе, и есть люди, которые завидуют мне. Но я мечтаю о том, чтобы как-нибудь случайно меня выгнали из управления: прежняя моя голодная жизнь представляется мне теперь в розовом свете" [14, с. 91–92]. Герой не желает проводить свою жизнь, занимаясь рутинным трудом. По его мнению, бродяжничать лучше, чем корпеть над бумагами. И его мечта была в конце концов воплощена в жизнь: он бросил стабильную службу и примкнул к бродячей труппе актеров. Теперь он чувствует себя хорошо: "Мне радостно, что я уже — не служащий в управлении, а бродячий певец в косматой бурке без багажа" [14, с. 93]. Как видим, герой склонен к театральности, в актерстве он видит свое призвание, он даже любуется собой, будто наблюдая за собой со стороны: "вижу там картинную высокую фигуру в голубых запорожских шароварах и белой вышитой рубахе: это – сам я, мое отражение в зеркальных стеклах витрин" [14, с. 99]. При этом герой превыше всего ценит свою уникальность и стремление к свободе: "...я вольнодумец, <...> я умнее их, возмутительно-высокого мнения о своей особе"; я не хочу "ни счастья, ни несчастья, ни смокинга! Позвольте мне жить по-своему и оставаться самим собой..." [14, с. 100-101]. Вот это сочетание внутренних монологов и "сторонних" наблюдений и составляет особенность первого варианта.

Приведенная тирада, пожалуй, является ключом к пониманию того, что представляет из себя герой. И именно это исключил писатель из его характера в советское время. О какой независимости, о каком вольнодумстве могла идти речь? Человек должен был выковывать из себя пламенного борца за свободу других. Эгоцентризм – самое страшное зло в коллективистском мировосприятии. И странно, что Горький не увидел утрированности в подаче образа, не понял, что автор, очевидно, педалировал свою заносчивость, делая это сознательным художественным приемом.

Скиталец явно конструировал юношескую ментальность – самолюбивую, дерзкую, эгоистичную. И это был, несомненно, новый опыт написания "автобиографии" с опорой на предельную искренность. Герой, как видим, настойчиво подчеркивает собственную неповторимость, дорожит ею. И этот момент становится ступенью, с которой герой начинает свое "восхождение", он в свою очередь стимулирует самокритику: "В сущности у меня нет в душе самого главного стержня, двигателя, честолюбия, что ли, или настоящего призвания. Я, должно быть, просто дилетант и лентяй <...>. На одно только я и жаден, в одном неутомим: это — новые впечатления, новые переживания. Я искатель приключений. Я хотел бы пройти по всем дорогам жизни, все испытать, все видеть, все узнать и - в конце концов — ничего не избрать для себя, остаться только зрителем жизни" [14, с. 136-137]. Иными словами, герой находится на распутье, перед ним расстилается веер возможностей. Интрига повествования как раз и заключается в том, что читатель подключается к поиску пути, сам вместе с героем осуществляет выбор... Он словно электрической нитью связан с автобиографическим персонажем: взрослеет и растет вместе с ним.

На этом этапе персонаж готов быть не деятелем, а созерцателем. Однако это ему не удается осуществить до конца. Время же строительства социализма требовало деяний, склонность к пассивному отношению к жизни даже в виде "этапа" не могла быть сохранена, и Скиталец безжалостно удалил этот и следующий абзац: "Я стал рабом свободы: в угоду ей отрекаюсь от жизни: от любви, от семьи, от всего, что называется личным счастьем, но зато одно: свободу!.." [14, с. 146]. Конечно, такое высказывание обнажало ницшеанский подтекст повести. В то же время свобода как самоцель постоянно в ней подвергается проверке. На суд читателя выносятся изначальные ценности бытия: любовь, семья, свобода. В итоге все перевешивает творчество. Однако осознание его значимости приходит далеко не сразу, оно проходит проверку в актерской среде, описанию которой посвящена третья часть. В ней много оригинальных наблюдений. Как бывший бродячий певец Скиталец хорошо знал жизнь таких трупп "перекати-поле". Опровергается мнение об актерском содружестве: «У актеров бывают друзья только в публике. И в каждом городе новые. "Любимцы публики" имеют их сотнями, а "знаменитости", вероятно, тысячами. Но если иметь несколько тысяч друзей и быть со всеми "на ты", то не значит ли это, в сущности, не иметь ни одного друга?» [14, с. 122]. Вопрос поставлен

прямо. И ответ на него однозначен: актер не знает привязанностей, его открытость и доступность иллюзорны. Перед глазами повествователя проходит немало реальных драм: "артистка Черноморская плачет навзрыд: она стоит перед антрепренером, умоляет его о чем-то, ломает руки, и ее некрасивое исхудалое еврейское лицо облито слезами. <...> Слезы, как дождь, катятся из глаз <...>, лицо сжалось в беспомощную, детскую, жалко-плачущую гримасу" [14, с. 125]. Реальные переживания гораздо серьезнее тех, что разыгрываются на сцене.

Вообще, актерская среда дала возможность автобиографическому герою впрямую коснуться столь важной для него темы, как искусство и жизнь. Накопление жизненного опыта, постижение жизненных ценностей, наблюдение за окружающими становятся стержнем второй редакции повести. Теперь уже не работа над собой и своими ошибками, а влияние людей, воздействие обстоятельств формируют его личность. Повесть 1937 года густо населена. Перед нами разворачивается панорама человеческих судеб. Это студенты и революционеры-подпольщики ("Старик", Крупицын, Попов, Митя Даров, Францевич, Козьма и др.), актеры труппы (Барон Штемпель, Ефрем, Матвеев, Гинский, Бугай, Пакля, Глазунов, Загорский), жители провинциального Грая. Каждый привносит свой "опыт", одаривает им рассказчика. Если в первом варианте основное внимание герой уделял своей внешности, то теперь он всматривается в лица людей, теперь каждый встречный получает портретную характеристику. Возникают парные портреты, нужные, чтобы показать диапазон человеческих индивидуальностей. Вот Загорский – "серьезный, флегматичный комический актер: играет большею частью пьяных и сам всегда немножко пьян. Он высок и строен, вероятно, был когда-то красавцем, но теперь бритое лицо у него заскорузло и затвердело от многолетнего гримирования, обрюзгло от водки и беспокойной жизни". А Глазунов, наоборот, "молодой, полный сил, необычайно живой весельчак, с красивым, смуглым лицом и смеющимися глазами" [15, с. 417]. Права Л. Королькова, когда пишет, что здесь "герой показан в разнообразных общественных связях, рисуется широкая картина жизни демократических слоев общества в 90-е годы, оживление студенческого и рабочего революционного движения в этот период" [8, с. 299]. Действительно, во втором варианте речь идет о годах, непосредственно предшествовавших революционному подъему начала XX века. В разных местах: и в захолустном уездном городишке Грае, и в Харькове, и

в Петербурге герой сталкивается с революционно настроенными людьми. Но расширение диапазона произведения не во всем пошло на пользу тексту. Уменьшение доли лиризма, смена оптики, эпический размах привели к скороговорке и перечислительной интонации. Люди революционных устремлений выдвинулись на первый план, в чем-то даже заслонив автобиографического героя (подробно описывается, что первую опубликованную им вещь подпольщики хвалят именно как книгу, нужную рабочим). Акценты смещены: не внутренние колебания и сомнения героя движут сюжет, а наработка впечатлений, встречи с людьми, так или иначе повлиявшими на него, теперь в центре внимания. Это коренным образом меняет жанр произведения. Если в первом случае перед нами лирическая исповедь, то во втором автобиографическое повествование с элементами социально-политического романа, созданное в духе социалистического реализма, когда человек растет по мере овладения революционными идеями. Вот уж поистине перед нами история "о том, как стихийность героя сменяется сознательностью, потенциально хороший превращается в идеологически грамотного, отличного, личностные устремления совпадают с общепартийными и государственными" [11, с. 20]. И такой человек по определению не может быть уродлив. У него самая обычная, пожалуй, даже не примечательная внешность: "Я – человек в пенсне, с волосами до плеч, худой, высокий, бледный, носивший широкополую шляпу и плед, напоминая студента шестидесятых годов" [15, с. 326]. В нем уже нет и тени сомнений, организует его личность позитивный настрой, герой уверен в себе: "Грай для меня только зацепка. Мне бы перекочевать в университетский город, уж там-то я непременно попытался бы поискать счастья в литературе или на сцене" [15, с. 326]. Он нацелен на успех, последовательно овладевает различными сферами деятельности, оставляет погоню за мечтой и свободой. "Дела мои поправлялись. Я пел в капелле, сотрудничал в газете, приоделся <...> Времена скитаний без угла и приюта прошли" [15, с. 374]. Он больше не стремится к одиночеству, его не сжигает жажда скитаний. Он довольно уютно чувствует себя в коллективе, ему интересны люди, поэтому некоторые страницы теперь напоминают отдельные новеллы, посвященные их историям жизни.

Если в первом варианте значим был любовный сюжет (герой искал свой идеал красоты), то теперь женские персонажи зачастую появляются, чтобы автор мог высказаться о женском вопросе, порассуждать о роли женщин в русском обществе.

Прослежена судьба молодой девушки, которой герой был увлечен в Грае, двадцатитрехлетней "стриженной блондинки в красной кофточке" [15, с. 321], убежденной, что "женщина должна быть свободной" [15, с. 322]. Это нужно, чтобы показать ее гибель во время разгона демонстрации. Она сознательно выбрала путь революционной борьбы и стала жертвой. Но жертвы неизбежны...

Встречал рассказчик и "падших" женщин. Он не испытывает к ним презрения, считает их равными себе: "С точки зрения публики, все мы были людьми ниже ее стоящими, но эти женщины и мы относились к публике одинаково: за деньги одни отдавали ей тело, другие - голос, но никто не открывал и не отдавал ей душу" [15, с. 441]. Это достаточно неожиданный поворот темы падших женщин в русской литературе. Для героя они не жертвы, в них он наблюдает гордость, рост самосознания: "...Пожалуйста, разъясните нам, почему вы, ученые, ставите женщин ниже мужчин? Почему вам, ученым, не надо нашего ума или таланта, а требуется только наше тело! <...> Если бы вы знали, как много из нас кончают с собой, отравляются ядом, вешаются, стреляются! Объясните нам, маленьким несчастным женщинам, - как нам быть, чтобы выбиться из нашего позора, из нашего насильства, из продажности нашей?" [15, с. 444-445]. Авторская позиция выражена однозначно: задаваемые вопросы тоже симптом зреющей революции, и они рождают в герое протест. Но это уже не протест во имя личной свободы, а желание помочь людям, находящимся "на дне" жизни. Речь здесь идет не об отвлеченных вопросах, не о теоретизировании, а о насущной потребности. Вот почему нужна революция! Она решит вопросы социальной несправедливости, униженные получат защиту. Так обнажается соцреалистический канон: характеры кроятся по готовым лекалам, хотя не исключено, что подобная встреча и имела место в жизни Скитальца.

Завершается второй вариант описанием демонстрации 4 марта 1901 года у Казанского собора в Петербурге. Но ни событие, ни его результат не показаны "изнутри". Скиталец словно бы докладывает об изменениях, которые в нем произошли: "Кончилась и моя оторванность одиноких исканий, почти кандальных блужданий по бесконечным этапам. <...> Надвигалась эпоха первой революции. Впереди предстояло много тяжелой борьбы, за победами еще могли быть отступления, но окончательная победа была несомненной" [15, с. 541]. По сравнению с первым вариантом второй вариант имеет, несомненно, большую

социальную значимость, но рассказчик здесь уж точно больше похож на зрителя, чем на участника. Он перечисляет события, регистрирует увиденное, и это сильно обедняет произведение в художественном плане.

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что в первом варианте "Этапов" Скиталец сосредоточен на анализе внутреннего мира своего автобиографического героя, фиксирует малейшие переливы настроений, пишет о психологических изменениях в его состоянии. Второй вариант — своего рода "накопитель" впечатлений. Автор ставит автобиографическое "я" в положение наблюдателя за окружающими, что обогащает его "количественно", но не обуславливает его эволюцию. "Этапы" превратились всего-навсего в "ступени", по которым бодро взбирается человек, постигнувший революционную сущность бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 3—38.
- 2. *Аникина Г.П.* Проза С.Г. Скитальца дооктябрьского периода (1894—1917 годы): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 295 с.
- 3. *Бахтин М.М.* К вопросам самосознания и самооценки // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 241–248.
- 4. *Бейсов П.* Скиталец (С.Г. Петров) // Скиталец. Дом Черновых. Ульяновск: Ульяновское книжное издательство, 1962. С. 466—490.
- 5. *Болдырева Е.М.* Автобиографический метатекст в контексте русского и западноевропейского модернизма: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ярославль, 2007. 46 с.
- 6. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. 415 с.
- 7. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма в 24 т. Т. 7. Письма. Конец августа 1908—1901. М.: Наука, 2001. 627 с.
- 8. *Королькова Л.И*. Творческий путь С.Г. Скитальца: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1964. 402 с.
- 9. *Королькова Л.И.* Творческий путь С.Г. Скитальца: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1964. 21 с.
- 10. Либерман Я.Л. Авторское "я" в поэтических трансформациях одного фрагмента трактата "Пиркей Авот" // Дергачевские чтения-98.

- Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы международной научной конференции 14—16 октября 1998 года. Екатеринбург.: Изд-во Уральского университета, 1998. С. 168—169.
- 11. *Литовская М.А.* Социалистический реализм как "образцовый" творческий метод // Филологический класс. 2008. № 19. С. 14—21.
- 12. *Медарич М.* Автобиография // Автоинтерпретация: Сб. ст. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1998. С. 5—32.
- 13. *Максимов Д.Е.* Идея пути в поэтическом сознании Блока // Блоковский сборник. Т. II: Труды Второй науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1972. С. 25–121.
- 14. *Скиталец*. Этапы // Скиталец. Рассказы. Т. 3. СПб.: Издание товарищества "Знание", 1910. С. 1–174.
- 15. *Скиталец*. Этапы // Скиталец. Избранные произведения. М.: ГИХЛ, 1955. С. 317—541.
- 16. Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 903 с.
- 17. *Трегубов А.* С.Г. Скиталец // Скиталец. Избранные произведения. М.: ГИХЛ, 1955. С. 611–622.
- 18. *Хализев В.Е.* Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование). М.: Издательство МГУ, 1986. 259 с.

REFERENCES

- 1. Averintsev, S.S., Andreev, M.L., Gasparov, M.L., Grintser, P.A., Mikhailov, A.V. *Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh* [Categories of Poetics in the Change of Literary Eras]. *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya* [Historical Poetics. Literary Eras and Types of Artistic Consciousness]. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 3–38. (In Russ.)
- 2. Anikina, G.P. *Proza S.G. Skitaltsa dooktyabrskogo perioda (1894–1917 gody): Dis. ... kand. filol. nauk* [Prose of Skitatets (S.G. Petrov) of the Period Before the October Revolution (1894–1917): Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1976. 295 p. (In Russ.)
- 3. Bakhtin, M.M. *K voprosam samosoznaniya i samootsenki* [The Issues of Self-Awareness and Self-Esteem]. *Avtor i geroi: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and Hero: Towards the Philosophical Foundations of the Humanities]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000, pp. 241–248. (In Russ.)
- 4. Beisov, P. *Skitalets (S.G. Petrov)* [Skitalets (S.G. Petrov)]. *Dom Chernovykh* [The House of Chernovs]. Ulyanovsk, Ulyanovskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1962, pp. 466–490. (In Russ.)

- 5. Boldyreva, E.M. Avtobiograficheskiy metatekst v kontekste russkogo i zapadnoevropeiskogo modernizma: Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Autobiographical Metatext in the Context of Russian and Western European Modernism: Doct. philol. sci. thesis diss.]. Yaroslavl, 2007. 46 p. (In Russ.)
- 6. Ginzburg, L.Ya. *O psikhologicheskoi proze* [About Psychological Prose]. Moscow, INTRADA Publ., 1999. 415 p. (In Russ.)
- 7. Gorky, M. *Poln. sobr. soch. Pisma v 24 t. T. 7. Pisma. Konets avgusta 1908–1901* [Complete Words. Letters in 24 Vols. Vol. 7. Letters. End of August 1908–1901]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 627 p. (In Russ.)
- 8. Korolkova, L.I. *Tvorcheskii put' S.G. Skitaltsa: Dis. ... kand. filol. nauk* [The Creative Path of Skitalets: Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 1964. 402 p. (In Russ.)
- 9. Korolkova, L.I. *Tvorcheskii put' S.G. Skitaltsa: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Creative Path of Skitalets: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Tomsk, 1964. 21 p. (In Russ.)
- 10. Liberman, Ya.L. Avtorskoe "ya" v poeticheskikh transformatsiyakh odnogo fragmenta traktata "Pirkei Avot" [The author's "I" in the Poetic Transformations of One Fragment of the Treatise "Pirkei Avot"]. Dergachevskie chteniya-98. Russkaya literatura: natsionalnoe razvitie i regionalnye osobennosti. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 14—16 oktyabrya 1998 goda [Dergachev Readings-98. Russian Literature: National Development and Regional Peculiarities. Materials of the International Scientific Conference, October 14—16, 1998]. Ekaterinburg, Izd-vo Uralskogo universiteta Publ., 1998, pp. 168—169. (In Russ.)

- 11. Litovskaya, M.A. Sotsialisticheskii realizm kak "obraztsovyi" tvorcheskii metod [Socialist Realism as a "Model" Creative Method]. Filologicheskii klass [Philology Class]. 2008, No. 19, pp. 14–21. (In Russ.)
- 12. Medarich, M. *Avtobiografiya* [Autobiography]. *Avtointerpretatsiya: Sb. st.* [Auto-Interpretation: Collection of Articles]. St. Petersburg, Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1998, pp. 5–32. (In Russ.)
- 13. Maksimov, D.E. *Ideya puti v poeticheskom soznanii Bloka* [The Idea of the Path in Blok's Poetic Consciousness]. *Blokovskii sbornik. T. II: Trudy Vtoroi nauch. konf., posvyashch. izucheniyu zhizni i tvorchestva A.A. Bloka* [Blokovsky Collection. Vol. II: Proceedings of the Second Scientific Conference on the Study of the Life and Works of A.A. Blok]. Tartu, 1972, pp. 25–121. (In Russ.)
- 14. Skitalets. *Etapy* [Stages]. Skitalets. *Rasskazy*. *T. 3* [Stories. Vol. 3]. St. Petersburg, Izdanie tovarishchestva "Znanie" Publ., 1910, pp. 1–174. (In Russ.)
- 15. Skitalets. *Etapy* [Stages]. Skitalets. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, GIKhL Publ., 1955, pp. 317–541. (In Russ.)
- 16. *Travma: punkty: Sbornik statei* [Trauma: Points: Collection of Articles]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 903 p. (In Russ.)
- 17. Tregubov, A. *S.G. Skitalets* [S.G. Skitalets]. Skitalets. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, GIKhL Publ., 1955, pp. 611–622. (In Russ.)
- 18. Khalizev, V.E. *Drama kak rod literatury (poetika, genezis, funktsionirovanie)* [Drama as a Kind of Literature (Poetics, Genesis, Functioning)]. Moscow, Izdatelstvo MGU Publ., 1986. 259 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 12 августа 2021 г. Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 сентября 2021 г. Статья принята к публикации: 15 сентября 2021 г. Дата публикации: 31 октября 2021 г.

> Received by Editor on August 12, 2021 Revised on September 5, 2021 Accepted on September 15, 2021 Date of publication: October 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017132-8

О метрическом репертуаре стихотворений Г. Р. Державина в прижизненном собрании сочинений (опыт статистического анализа)

© 2021 г. Е. А. Пастернак

Аспирант филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник Института мировой культуры МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51 katrusia95@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается метрический репертуар стихотворений Г.Р. Державина в подготовленном им самим собрании сочинений (Ч. 1–4. СПб., 1808; Ч. 5. СПб., 1816). Статистический анализ метрики стихотворений в первых трех частях и в пятой части (ч. 4, в которой собраны драматические произведения, не рассматривалась) показывает, что в творчестве Державина сосушествуют две тенденции. С одной стороны, большое количество стихотворений написано привычными для современного читателя размерами, такими как Я4 или Х4, при этом статистически количество стихотворений, написанных такими "обычными" размерами, совершенно не совпадает с общими тенденциями времени. Можно предположить, что с точки зрения распределения размеров по количеству стихов Державин опережает свое время. С другой стороны, метрические эксперименты – также не редкость в "Сочинениях". Поэт использует разностопные ямб и хорей, довольно часто у него встречаются редкие в конце XVIII — начале XIX в. трехсложные размеры, в каждом томе есть полиметрические композиции. Встречаются и более радикальные эксперименты — например, несколько логаэдов или произведения, в которых имитируется античная метрика, однако не вполне последовательно, что приводит к появлению таких текстов, как "Полигимнии", размер которых в итоге совпадает с тактовиком. В "Сочинениях" собраны далеко не все стихотворения Державина, а лишь те, которые он хотел представить публике. Этот корпус текстов был лучше всего известен его читателям, в том числе читателям-поэтам, и включенные в него произведения, в том числе с точки зрения выбора размеров и их распределения по объему стихов, могли оказать наибольшее версификационное влияние на дальнейшее развитие русской поэзии.

Ключевые слова: Г.Р. Державин, стиховедение, метрический справочник, стихотворные размеры, экспериментальные тексты.

Благодарность. Исследование выполнено в Институте мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 19-78-10132).

Для цитирования: *Пастернак Е.А.* О метрическом репертуаре стихотворений Г.Р. Державина в прижизненном собрании сочинений (опыт статистического анализа) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 101—107. DOI: 10.31857/S241377150017132-8

To the Metric Repertoire of G. R. Derzhavin in His Lifetime Collected Works (An Essay in Statistical Analysis)

© 2021 Ekaterina A. Pasternak

Postgraduate student of the Faculty of Philology at Lomonosov Moscow State University, Junior Researcher of the Institute of World Culture at the Lomonosov Moscow State University, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia katrusia95@mail.ru

Abstract. The article examines the metric repertoire of poems by G.R. Derzhavin in the collected works prepared by himself (Vol. 1-4. St. Petersburg, 1808; Vol. 5. St. Petersburg, 1816). A statistical analysis of the metrics of poems in the first three volumes and in the 5th volume (Vol. 4, which contains dramatic works, was not considered) shows that two tendencies coexist in Derzhavin's work. On the one hand, a large number of poems are written in the usual meters, such as four-foot iambic or four-foot trochee, while statistically the number of poems written in such "usual" meters does not at all coincide with the general trends of the time. It can be assumed that in terms of the distribution of meters according to the number of verses. Derzhavin is ahead of his time. On the other hand, metric experiments are also not uncommon in the "Works". The poet uses iambic and trochaic varieties, which are not very common in the late 18th – early 19th centuries, threesyllable meters; each volume contains polymetric compositions. There are also more radical experiments: for example, several logaedos or works in which the ancient metric is imitated, but ineptly, which leads to the emergence of texts such as "Polyhymnii", whose meter eventually coincides with the tactician. In the "Works" not all of Derzhavin's poems are collected, but only those that he wanted to present to the public, therefore, we can assume that, since this corpus of verses was best known to the poet's readers, including readers-poets, these verses, including number in terms of the choice of meters and their distribution over the volume of poems, could have the most obvious versification influence on the further development of Russian poetry among all the poet's verses.

Key words: G.R. Derzhavin, versification, metric reference book, metrical feet (prosody), experimental texts.

Acknowledgments: This article results from the research project based at the Institute for World Culture of Lomonosov Moscow State University (MSU) and supported by the Russian Science Foundation grant 19-78-10132.

For citation: Pasternak, E.A. *O metricheskom repertuare stikhotvorenii G.R. Derzhavina v prizhiznennom sobranii sochinenii (opyt statisticheskogo analiza)* [To the Metric Repertoire of G.R. Derzhavin in His Lifetime Collected Works (An Essay in Statistical Analysis)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 5, pp. 101–107. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017132-8

Поэзия Г.Р. Державина с точки зрения версификации изучалась еще в XIX в. Так, еще Н.Ф. Остолопов в "Словаре древней и новой поэзии" (Ч. 1-3. СПб., 1821) в статьях о стиховедческих терминах часто приводил примеры из Державина. Некоторые замечания об особенностях его версификации содержатся в общих трудах о русском стихе XVIII – начала XIX в. (см., например: [1]; [2]; [3]); в нескольких работах затрагивались вопросы, касающиеся конкретных версификационных проблем в творчестве поэта или в определенных стихотворениях (см., например: [4]; [5]; [6]). Однако комплексный стиховедческий анализ всего корпуса его текстов, в частности метрики его стихотворений, до сих пор практически не проводился. С точки зрения метрических особенностей комплексно анализировались стихотворения других поэтов: образцовым можно считать известный труд И.В. Лапшиной, И.К. Романович и Б.И. Ярхо о метрике стихотворений А.С. Пушкина [7], удачными и полезными являются и другие метрико-строфические справочники (см., например: [8]; [9]; [10]; [11]).

В нашей работе рассматриваются стихотворения Державина, вошедшие в прижизненное издание "Сочинений", составленное самим поэтом, в частях 1—3 [12] и 5 [13]. Часть 4-я, в которой

содержатся драматические произведения, не рассматривается.

Композиция каждого тома тщательно продумана поэтом, в книги включены далеко не все стихотворения Державина (они содержат 325 текстов, в то время как в академическом собрании под редакцией Я.К. Грота содержится более 600 стихотворений (см.: [14])), по отобранному для "Сочинений" корпусу можно судить о том, какие произведения поэт считал удачными и достойными быть включенными в это собрание, каким ему хотелось запомниться публике. Кроме того, поскольку это самое полное его прижизненное собрание сочинений, можно утверждать, что именно включенные в него произведения были в первую очередь известны его читателям (в том числе читателям-поэтам), а значит, могли оказать наиболее очевидное влияние (в том числе версификационное) на дальнейшее развитие русской поэзии.

Державин известен как поэт, не боявшийся экспериментировать со стихом на всех версификационных уровнях, включая метрику. Анализ метрического репертуара его стихотворений позволяет не просто заполнить лакуну, существующую в изучении истории русской поэзии, но и увидеть, насколько верны общие представления

об экспериментах Державина с метрикой, проследить изменения в его метрических предпочтениях (или, наоборот, отметить верность однажды найденным размерам), а также использовать полученный материал для сравнения с метрикой других поэтов.

Всего в прижизненное собрание Державина включено 325 стихотворений (в общей сложности в них 21548 стихов). Состав первых трех томов в целом описан еще Я.К. Гротом в первом материале, открывающем академическое собрание сочинений (см.: [14, т. 1, с. ХХІІІ]). В ч. 1 содержатся произведения, "писанные при жизни императрицы <Екатерины II>", т.е. до 1796 г. включительно; в ч. 2 – "позднейшие лирические стихотворения" (до 1808 г.), в ч. 3 — анакреонтические стихотворения (в этом томе, в отличие от других, рассматриваемых нами, соблюден жанровый принцип отбора текстов¹), в ч. 5 - стихотворения 1807 - 1816 гг. (среди них находится одно стихотворение 1796 г. – "Доказательство Творческого бытия", переложение 18-го псалма).

В 1-м томе -66 стихотворений (6572 стиха), во 2-м -79 (6388 стихов), в 3-м -123 (3873 стиха), в 5-м - 57 (4715 стихов). Очевидно, что средняя длина стихотворения в 3-м томе резко падает. Это неслучайно: в этот том вошло много коротких лом Державин предпочитает не очень длинные произведения. В "Сочинениях" 200 стихотворений содержат 50 и меньше стихов (5368 стихов, 24,91% от общего количества стихов), 67-51-100 стихов (5054 стиха, 23,45%), 31–101–150 стихов (3750 стихов, 17,4%), 8–151–200 стихов (1467 стихов, 6,81%), в 15-201-400 стихов (3909 стих, 18,14%), и только 4 разножанровых произведения являются очень крупными: "Изображение Фелицы"; "Водопад"; "Целение Саула" и "Гимн лироэпический..." (вместе в них ровно 2000 стихов, 9,28%).

Распределение размеров по томам выглядит следующим образом (в строках – названия размеров, в столбцах - количество произведений, написанных ими, в каждом томе):

Размеры	Ч. 1	Ч. 2	Ч. 3	Ч. 5
Я3	2	1	16	_
Я4	52	54	33	22
Я6	1	_	10	3

¹ В целом оно повторяет вышедшие отдельным изданием "Анакреонтические песни" Державина (СПб.: Тип. Шнора, 1804), однако "с прибавлением многих, там не находящихся" [14, T. 1, c. XXIII].

Разностопный ямб ²	3	5	6	15
Вольный ямб	_	1	1	_
X3	_	_	_	3
X4	1	5	52	6
Разностопный хорей	_	_	2	2
Дк	3	4	1	1
Амф	_	1	_	1
Полиметрические композиции ³	2	3	2	1
Логаэды и метрические эксперименты	_	5	_	3

В ч. 1 (1808) эксперименты с метрикой малочисленны. Абсолютное большинство текстов написано двусложными размерами (такая тенденция будет сохраняться и дальше, однако в 1-м томе это особенно заметно). Преобладает Я4 (5514 стихов), два стихотворения – "Прогулка в Сарском Селе" и "На крещение великого князя Николая Павловича" – написаны Я3, только одно произведение – "На отсутствие Ея Величества в Белоруссию" – написано хореем (Х4). Довольно оригинальными выглядят стихотворения, написанные разностопным ямбом (с повторяющимися из строфы в строфу метрическими схемами): анакреонтических стихотворений, однако и в це- "К Каллиопе" (схема: Я4-4-4-4-3) и "Храповицкому" (Я4-4-4-4-2-4). В третьем стихотворении, "На кончину г. Орлова", первые стихи обеих строф содержат 6 стоп ямба, остальные – 4 стопы ямба.

> Любопытно, что 6-стопным ямбом, размером, который был очень популярен в XVIII в., здесь написано только одно стихотворение, "Памятник". По-настоящему необычной можно назвать метрику "Ласточки", которая вызывала споры среди исследователей (см., например: [6, с. 193-198]; [15]). Стихотворение начинается как написанное дактилем, однако впоследствии происходят изменения в метре. Их можно трактовать как отступления от дактиля, но можно считать, что "Ласточка" не пишется этим метром осознанно, а первые стихи просто совпадают

² Под написанными разностопными метрами понимаются те стихотворения, в которых стихи с разным количеством стоп повторяются из строфы в строфу; под написанными вольными метрами – те, в которых стихи содержат разное количество стоп.

³ Здесь под полиметрическими композициями понимаются стихотворения, части которых написаны несколькими разными размерами.

⁴ Строфы, в которых последний стих на стопу короче предыдущих, Державин будет активно использовать и в более позднем творчестве.

104

с возможной дактилической схемой. Ещё три стихотворения, безусловно, написаны именно дактилем: "К лире" – Дк3, "На кончину великой княжны Ольги Павловны" – Дк2, "Богине здравия" – Дк вольный. Также в книге есть две полиметрические композиции: "Любителю художеств" и "На взятие Варшавы".

В ч. 2 уже гораздо больше экспериментов. С одной стороны, здесь по-прежнему много Я4 (54 произведения), пять раз используется Х4 ("Буря", "Храповицкому", "Зима", "Время" и "Хор III на тот же случай <на коронацию Императора Александра І>", есть ЯЗ (впрочем, представленный здесь только в одном стихотворении: "Молитва по Высочайшем отсутствии в армию Его Императорского Величества"), как и в первом томе, встречаются стихотворения, написанные вольным ямбом ("Утро") и разностопным ямбом ("На коронацию Императора", "Ко второму соседу", "Маневры", "На выступление корпуса Гвардии в поход" и "Евгению. Жизнь Званская"). С другой стороны, остальные произведения выглядят в большей или меньшей степени необычно. По сравнению с предыдущим томом более оригинальными выглядят четыре дактилических текста: среди них нет написанных каким-либо одним видом дактиля, во всех стихи с разным количеством стоп сменяют друг друга: "Поход Озирида" – Дк3-3-3-3-2-2-2-2-4+Дк2, "Пиндарова Олимпическая первая песнь" – Дк4+Дк3, "Издателю моих песней" – Дк3-3-3-3-3-3-4-2. Еще более интересны дактили в стихотворении "Лето" (Дк4-4-4-2), поскольку здесь в последнем стихе не только меняется количество стоп, но появляется анакруза 1 (т.е. дополнительный безударный слог в начале):

Сткляные реки лучем полудневным Жидкому злату подобно текут, Кравы и овцы с млеком накопленным Под кущи бегут [12, ч. 2, с. 228].

В одном стихотворении ("Четыре возраста") появляется Амф2.

Особого внимания заслуживает "Фонарь", чья содержательная сторона уже подробно изучалась (в частности, о визуальности в произведении см.: [16]), а с точки зрения версификации здесь особенно любопытна строфика (16-стишия с оригинальной рифмовкой) и чередование стихов с разным количеством стоп ямба, в том числе с резкими переходами от длинных стихов к коротким:

Явись! И бысть.

Пешеры обитатель дикий. Из тьмы ужасной превеликий Выходит лев.

Стоит, — по гриве лапой кудри Златые чешет, вьет хвостом;

Ирев

И взор его, как в мраке бури, Как яры молнии, как гром, Сверкая, по лесам грохочет. Он рыщет, скачет, пищи хочет И. меж лревес

Озетя агницу смиренну,

Прыгнув, разверз уж челюсть гневну... Исчезнь! Исчез [12, ч. 2, с. 170].

Три произведения представляют собою полиметрические композиции: "Цирцея", "Дева за арфою" и "Персей и Андромеда". Однако наиболее интересными являются тексты с необычной, "экспериментальной" (по крайней мере, для своего времени) метрикой. В стихотворении "Г. Озерову на приписание Эдипа" причудливо чередуются Амф3-Я4-Амф3-Я4-Амф2, получается логаэд:

Вития! кому Мельпомена, Надев котурн, дала кинжал; А север, как лавром, из клена Венцом зеленым увенчал Блестяще чело [12, ч. 2, с. 243].

Стихотворение "Осень" – также логаэд:

На скирдах молодых сидючи Осень, И в полях зря вокруг год плодоносен, С улыбкой свои всем дары дает, Пестротой по лесам живо цветет, Взор мой дивит! [12, ч. 2, с. 230].

Похоже на логаэдическое и устройство строф "Весны":

Тает зима дыханьем Фавона, Взгляда бежит прекрасной весны: Мчится Нева к Бельту на лоно, С брега суда спущены [12, ч. 2, с. 207].

"На безбожников" (подражание псалму 52) – почти логаэд, с небольшими отступлениями от схемы первой строфы, которая звучит так:

Царствует, вижу, всюду разврат, К правде сокрыты путь и дорога; Глупые, злые в сердце их мнят: Где добродетель? – верно нет Бога; Случай все, случай творит [12, ч. 2, с. 26].

Очень необычной выглядит метрика в стихотворении "Радуга": его строфы сами по себе не выдержаны в рамках какого-либо одного размера, при этом и между собой схемы строф

ции первую строфу произведения:

Взглянь, Апеллес! взглянь в небеса! В сумрачном облаке там, Видишь, какая из лент полоса, Огненна ткань блещет очам, Склонясь над твоею главою Дугою! [12, ч. 2, с. 266].

В ч. 3 собраны анакреонтические стихотворения Державина. Здесь резко падает количество стихотворений, написанных Я4, зато становится намного больше, чем ранее, Х4 и Я3: эти размеры Державин считал "подходящими" для такой лирики. Неожиданно появляется целых 10 стихотворений, написанных Яб (никак не ассоциирующимся с анакреонтикой), необычно и то, что трехсложным размером (Дк2) написана только "Пчела" ("Пчолка златая! // Что ты жужжишь?.."). Только одно стихотворение написано вольным ямбом - "К добродетельной красавице", и только два – разностопным хореем: "Скромность" (Х4-4-5-4) и "Гитара" (Х4-4-4-4-3). В ч. 3 гораздо больше, чем в предыдущих томах, и стихотворений, написанных разностопным ямбом ("Амур и Псишея", "К Музе", "Мечта", "Цыганская пляска", "Философы пьяный и трезвый", "Кружка"). Ситуация же с полиметрическими композициями остается примерно такой же, как и прежде (здесь два таких текста: "Соломон и Суламита" и "Обитель Добрады"). В ч. 3 меняется соотношение размеров, которые уже встречались ранее, и появляются новые виды хореев и ямбов, но столь радикальных экспериментов, как в ч. 2, здесь нет.

В ч. 5 сохраняются общие тенденции предыдущих томов (большое количество Я4 и Х4), однако метрика становится более разнообразной, экспериментам отводится больше места, чем ранее. Поскольку в этом томе намного меньше стихотворений, чем в любом из предыдущих, эксперименты выглядят особенно заметными.

По три произведения написаны ХЗ ("Сетование", "Умиление" и "В память Давыдова и Хвостова") и Яб ("К Каллиопе"5, "На отъезд Императора" и "На торжество, бывшее в Петербурге Марта 19 дня 1816 году на память взятия Парижа"). Некоторые размеры встречаются единожды — как чередование строф X4 со строфами X5 в "Жилище богини Фригги" и Амф2 в "Воцарении Правды".

не повторяются. Приведем в качестве иллюстра- Также один раз встречается чередование стихов X5 и X4 — в "Доказательстве Творческого бытия".

> Поэт не останавливается на таких скромных экспериментах – и чередует строфы с разным количеством стоп дактиля (Дк3+Дк2) в стихотворении "На покорение Парижа".

> В ч. 5 становится еще больше разностопного ямба (15 стихотворений). Например, в стихотворении "На освящение храма Казанския Богородицы" строфы, написанные Я4, чередуются со "вставками", написанными ЯЗ. Приведем строфу из "Проблеска" (Я6-5-5-6-3):

Хранителя меня ты Ангела крылами, О мысль бессмертия! Приосеняй, Да в нем, как в зеркале, души очами Я будущих блаженств увижу рай; Подобно путник как сверх вод, сквозь лес, в мрак нощи Зрит проблеск от луны [13, с. 79].

"Гимн лироэпический на прогнание французов из отчества" ("исполинский", по выражению М.Л. Гаспарова [4, с. 106]), один из смысловых центров книги, написан "пиндарическими триадами": две части (строфы) каждой триады — это Я4, третья – разностопный ямб (подробнее об этом "Гимне" см.: [17]). Другое объемное произведение в ч. 5 является полиметрической композицией это оратория "Целение Саула" (см. о ней: [18]).

Однако, пожалуй, самыми необычными выглядят попытки Державина имитировать античную метрику в трех стихотворениях – "Сретение Орфеем Солнца", "К Бахусу" и "Полигимнии". Приведем одну из строф последнего стихотворения:

Но холодная старость, седая, Бледным покрыв щитом костяным, Стрелы твоих очес отражая, Хоть упасть ко стопам мне твоим, Строго тогда воспретила, Избег я тебя; — но твой взгляд, Луч как в льде, блещет во мне [13, с. 238].

То, что получилось у Державина, полностью не совпадает ни с каким определенным размером из тех, с помощью которых в русской поэзии впоследствии было принято имитировать античные размеры, – однако размер "Полигимнии" неожиданно совпал с тактовиком, причем стихи с тремя и четырьмя ударениями расположены в тексте без очевидной закономерности.

Если сравнить эти данные с общими по периоду, то получится, что державинская поэзия выбивается из общих тенденций. Так, в ч. 1 у него гораздо больше текстов, написанных Я4, чем во 2-й половине

⁵ Интересно, что текст оказался значительно переработанным по сравнению с одноименным произведением, находящимся в 1-м томе: новое стихотворение намного короче, оно написано Яб и почему-то приобретает постоянную рифму, что, казалось бы, не очень уместно в стилизации под античность.

XVIII в. в целом ($84\%^6$ против 17,93%)⁷, зато очень мало Я6 (0,67% против 24,15%!). Та же тенденция повторится с Я4 и в ч. 2 (74,41% от всех текстов в томе у Державина против 17,93% от в целом написанных в это время стихотворений). В ч. 3 у него очень много Х4 вопреки общим тенденциям (45,31% против 8%), несколько больше Я4, чем в корпусе текстов в целом (22,13% против 17,93%), намного больше Я3 (9,94% против 2,97%).

Только в ч. 5 поэт становится ближе к общим тенденциям времени: только X3 у него будет больше, чем в среднем в это время (4,07% против 0,79%), остальные цифры намного ближе друг ко другу, чем раньше: Амф2 — 0,76% и 1,05%; X4 — 11,92% и 9,48%; S4 — 55,12% и 46,07% Впрочем, можно предположить, что в державинской поэзии предвосхищаются те тенденции, которые будут господствовать в русской поэзии позднее, поскольку общие данные относятся ко всему периоду S6 1833 гг., а Державин скончался в S6 1816 г.

Как видно, та часть текстов, которую поэт счел нужным опубликовать при жизни, с точки зрения метрики значительно отличается от произведений его современников. Причем если сегодня, на фоне позднейшей литературной традиции, лишь часть произведений кажется метрически оригинальной, написанной раритетными размерами, то для первых читателей поэта таких стихотворений было едва ли не большинство. Перед своими современниками

Державин представал еще более необычным автором, чем перед его нынешними читателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Тимофеев Л.И*. Очерки теории и истории русского стиха XVIII–XIX вв. М.: Гослитиздат, 1958. 417 с.
- 2. *Вишневский К.Д.* Русская метрика XVIII в. // Вопросы литературы XVIII в. Пенза: Изд-во Пензенского пед. ин-та, 1972. С. 129—258.
- 3. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 351 с.
- 4. Мысль, вооруженная рифмами: Поэтическая антология по истории русского стиха / Составитель В.Е. Холшевников. 2-е изд. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. 608 с.
- 5. *Ляпин С.Е.* К демифологизации ритмики русского 4-стопного ямба (преимущественно на материале одического стиха Державина) // Philologica. 1997. № 4. С. 307—324.
- Илюшин А.А. Русское стихосложение. 2-е изд. М.: Высшая школа, 2004. 239 с.
- 7. *Лапшина И.В., Романович И.К., Ярхо Б.И.* Метрический справочник к стихотворениям А.С. Пушкина. М.; Л.: Academia, 1934. 144 с.
- 8. Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М.: Наука, 1979. 454 с.
- 9. *Руднев Н.А.* Из истории метрического репертуара русских поэтов XIX начала XX в. (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Брюсов, Блок) // Теория стиха. Л.: Наука, 1968. С. 107—144.
- 10. Петербургская стихотворная культура. Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов / Сост. и науч. ред. Е.В. Хворостьяновой. СПб.: Нестор-История, 2008. 662 с.
- 11. Петербургская стихотворная культура. Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов II / Сост. и науч. ред. Е.В. Хворостьяновой. СПб.: Нестор-История, 2013. 473 с.
- 12. *Державин Г.Р.* Сочинения. Ч. 1–4. СПб.: Тип. Шнора, 1808.
- 13. *Державин Г.Р.* Сочинения. Ч. 5. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1816.
- 14. Державин Г.Р. Сочинения / С объяснит. примеч. Я. Грота: [В 9 т.] СПб.: Изд. Имп. Акад. Наук, 1864—1883.
- 15. *Щеглов Ю.К.* Из иллюстраций поэтической изобретательности Державина ("Ласточка") // Гаврила Державин. 1743—1816 / Под ред. Е. Эткинда и С. Ельницкой. Нортфилд, Вермонт, 1995. С. 283—292 (Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. 4).
- Смолярова Т. Зримая лирика. Державин. М.: НЛО, 2011. 608 с.

⁶ Так получается даже по самым скромным подсчетам: здесь и далее мы считаем именно тексты, которые полностью написаны каким-либо размером (а также строфы, написанные им, в текстах, где они составляют существенную часть), и опускаем отдельные стихи, написанные этим размером, в полиметрических стихотворениях.

⁷ Здесь и далее первое число обозначает количество текстов Державина, написанных определенным размером, по отношению ко всем текстам в этом томе (в процентах), второе число — количество текстов, написанных определенным размером, по отношению ко всем стихотворным текстам этого времени (для частей 1–3 это XVIII в., для ч. 5 — первая треть XIX в.). Все вторые числа взяты из таблиц, опубликованных в книге М.Л. Гаспарова [3, с. 316—317], которые составлены им самим и К.Д. Вишневским. Методика сбора учеными данных различалась (Гаспаров отмечает, что он пользовался в основном томами "Библиотеки поэта", тогда как Вишневский обсчитывал наиболее полные собрания сочинений), однако мы считаем, что даже при возможном уточнении этих чисел в будущем общие тенденции, характерные для интересующих нас периодов, очевидны.

⁸ Поскольку в первой трети XIX в. Я4 становится очень распространенным размером, приводимые числа в контексте эпохи воспринимаются как очень близкие друг к другу, несмотря на то что исключительно "численная" разница между ними невелика и сравнима с той, которая была в предыдущем томе в ситуации с Я4.

- 17. *Коровин В.Л.* Державин и 1812 год: о смысле и композиции "Гимна лироэпического на прогнание французов из Отечества" // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 6. С. 42—52.
- 18. Альтшуллер М.Г. Оратория "Целение Саула" в системе поздней лирики Державина // XVIII век. Сб. 21: Памяти Павла Наумовича Беркова (1896—1969). СПб.: Наука, 1999. С. 269—281.

REFERENCES

- 1. Timofeev, L.I. *Ocherki teorii i istorii russkogo stikha XVIII–XIX vv.* [Essays on the Theory and History of Russian Verse of the 18th–19th Centuries]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1958. 417 p. (In Russ.)
- 2. Vishnevsky, K.D. *Russkaia metrika XVIII veka* [Russian Metric of the 18th Century]. *Voprosy literatury XVIII veka* [Questions of Literature of the 18th Century]. Penza, 1972, pp. 129–258. (In Russ.)
- Gasparov, M.L. Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika [Essay on the History of Russian Verse: Metric. Rhythm. Rhyme. Strophic]. 2nd ed. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2000. 351 p. (In Russ.)
- 4. Mysl, vooruzhennaia rifmami: Poeticheskaia antologiia po istorii russkogo stikha [Thought Armed with Rhymes: Poetic Anthology on the History of Russian Verse]. Ed. by V.E. Kholshevnikov. 2nd ed. Leningrad, 1987. 608 p. (In Russ.)
- 5. Liapin, S.E. *K demifologizatsii ritmiki russkogo 4-stopnogo iamba (preimushchestvenno na materiale odicheskogo stikha Derzhavina)* [On the Demythologization of the Rhythm of the Russian Four-Foot Iambic (Mainly Based on Derzhavin's Odic Verse)]. *Philologica*. 1997, No. 4, pp. 307—324. (In Russ.)
- 6. Iliushin, A.A. *Russkoe stikhoslozhenie* [Russian Versification]. 2nd ed. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 2004. 239 p. (In Russ.)
- 7. Lapshina I.V., Romanovich I.K., Iarkho B.I. *Metricheskii spravochnik k stikhotvoreniiam A.S. Pushkina* [Metric Reference Book to Poems by A.S. Pushkin]. Moscow; Leningrad, Academia Publ., 1934. 144 p. (In Russ.)
- 8. Russkoe stikhoslozhenie XIX v.: Materialy po metrike i strofike russkikh poetov [Russian Versification of the 19th Century: Materials on the Metrics and Stanza of Russian Poets]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 454 p. (In Russ.)
- 9. Rudnev, N.A. Iz istorii metricheskogo repertuara russkikh poetov XIX nachala XX v. (Pushkin, Lermontov, Nekrasov, Tiutchev, Fet, Briusov, Blok)

- [From the History of the Metric Repertoire of Russian Poets of the 19th early 20th Century. (Pushkin, Lermontov, Nekrasov, Tyutchev, Fet, Bryusov, Blok)]. *Teoriia stikha* [Theory of Verse]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, pp. 107–144. (In Russ.)
- 10. Peterburgskaia stikhotvornaia kultura. Materialy po metrike, strofike i ritmike peterburgskikh poetov [Petersburg Poetic Culture. Materials on the Metrics, Stanza and Rhythm of St. Petersburg' Poets]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2008. 662 p. (In Russ.)
- 11. Peterburgskaia stikhotvornaia kultura. Materialy po metrike, strofike i ritmike peterburgskikh poetov II [Petersburg Poetic Culture. Materials on the Metrics, Stanza and Rhythm of St. Petersburg' Poets II]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013. 473 p. (In Russ.)
- 12. Derzhavin, G.R. *Sochineniya* [Works]. Vol. 1–4. St. Petersburg, 1808. (In Russ.)
- 13. Derzhavin, G.R. *Sochineniya* [Works]. Vol. 5. St. Petersburg, 1816. (In Russ.)
- 14. Derzhavin, G.R. *Sochineniya s obiasnit. primech. Ya. Grota v 9 t.* [Works with Explanatory Notes by Ja. Groth in 9 Vols]. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk Publ., 1864–1883. (In Russ.)
- 15. Shcheglov, Iu.K. *Iz illiustratsii poeticheskoi izobretatelnosti Derzhavina ("Lastochka")* [From Illustrations of Derzhavin's Poetic Ingenuity ("Swallow")]. Norwich Symposia on Russian Literature and Culture. Vol. IV. Gavriil Derzhavin. 1743–1816 [eds. E. Etkind, S. Elnitskaia]. Northfield, Vermont, 1995. P. 283–292. (In Russ.)
- 16. Smoliarova, T. *Zrimaia lirika. Derzhavin* [Visible Lyrics. Derzhavin]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 608 p. (In Russ.)
- 17. Korovin, V.L. *Derzhavin i 1812 god: o smysle i kompozitsii* "Gimna liroepicheskogo na prognanie frantsuzov iz Otechestva" [Derzhavin and Year 1812: The Imagery and Composition of "A Hymn, Lyric-and-Epic, on Making the French Retreat From <Our> Fatherland"]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2012, Vol. 71, No. 6, pp. 42–52. (In Russ.)
- 18. Altshuller, M.G. *Oratoriya "Tselenie Saula" v sisteme pozdnei liriki Derzhavina* [Oratorio "Healing Saul" in the System of Derzhavin's Late Lyric Poetry]. *XVIII vek. Sb. 21: Pamiati Pavla Naumovicha Berkova (1896–1969)* [The 18th Century.Collection 21: In Memory of Pavel Naumovich Berkov (1896–1969)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. P. 269–281. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 12 августа 2021 г. Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 сентября 2021 г. Статья принята к публикации: 15 сентября 2021 г. Дата публикации: 31 октября 2021 г.

> Received by Editor on August 12, 2021 Revised on September 5, 2021 Accepted on September 15, 2021 Date of publication: October 31, 2021

— РЕШЕНЗИИ —

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S241377150016299-1

Артемова О. Г. Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза / Научн. ред. А. А. Кретов. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. (Серия: Библиотека маркемологии. Т. 4). 596 с.

Artemova, O. G. Language Keys to English Literature from Shakespeare to Fowles / Sci. Ed. A. A. Kretov. Voronezh, Nauka-Unipress, 2020. (Ser. "Library of Markemology". Vol. 4.) 596 p. [In Russ.]

Вопросы, связанные с лингвистическим исследованием текста, и в частности языка английского художественного текста, не теряют своей актуальности. Возможность расширить и углубить научный поиск обеспечивают исследования, проводимые в русле формализованного и тем самым объективированного подхода к содержательному анализу художественного текста.

На сегодняшний день в отечественной и зарубежной науке широко представлены работы, нацеленные преимущественно на изучение лингвокультурологических, функционально-семантических, когнитивных, лингвопрагматических, лингвостилистических и структурно-семантических особенностей языка отдельных литературных жанров. В последнее время растет интерес исследователей к комплексному содержательному анализу целого текста, предполагающий привлечение аппарата формализованного анализа, позволяющего при изучении внутреннего строения и иерархии единиц текста произвести одновременный учет его внешней и внутренней формы. При этом применение формализованных методов анализа не только вооружает исследователя инструментами для обработки обширного по объему и не систематизированного материала, но также обеспечивает высокую степень точности и объективности анализа.

Свой вклад в решение задачи комплексного содержательного анализа текста вносит рецензируемая монография О.Г. Артемовой, что обусловливает несомненную актуальность данного исследования. Более того, автор конкретизирует проблему формализованного содержательного анализа текста таким образом, чтобы посредством специального — маркемного анализа языка

английской художественной прозы выявить систему ее центральных тем и смыслов в статике и динамике, представить литературный процесс как систему в ее эволюции. Актуальности избранной для монографии теме придает и тот факт, что среди значительного количества разного рода исследований английского художественного текста отсутствуют работы, посвященные содержательному ценностно-ориентированному анализу языка английской художественной прозы XVII— XX веков. Таким образом, актуальность рецензируемого произведения определяется потребностью выявить в языке английской прозаической литературы лексические единицы (маркемы), позволяющие определить общие ценностные ориентиры каждой эпохи, проследить их эволюцию и определить степень участия в их воплощении каждого автора, тексты которого привлекаются к исследованию.

Монография написана в русле маркемологического подхода к исследованию языка литературного текста, в первую очередь — художественного текста. Объектом изучения является корпус объёмом около 174 млн словоупотреблений, включающий 2032 произведения, написанных на протяжении последних 400 лет, разделенных на 8 полувековых срезов. Предметом исследования являются маркемы, выделяемые в текстах 128 английских писателей XVII—XX веков, а также статические и динамические связи между маркемными наборами авторов как отражение связей между созданными ими множествами текстов.

Монография, несомненно, отличается научной новизной. Здесь впервые установлен и описан маркемный состав языка 128-ми представителей английской художественной прозы XVII—XX веков; выделены и всесторонне описаны маркемы, формирующие целостность и обеспечивающие преемственность языка английской прозы XVII—XX веков. Автором осуществлено тщательное исследование срезовых и интегральных маркем, произведена их семантическая классификация в статике и глубоко изучена динамика семантических блоков маркем. О.Г. Артемовой удалось выявить доминантную и вице-доминантную маркемы каждого среза и всего исследуемого периода; выделить устойчивые и изменчивые маркемы в языке английской прозы и произвести их стратификацию.

Следует также отметить, что О.Г. Артемовой удалось не только установить, визуализировать и описать внутрисрезовые и межсрезовые максимально сильные маркемные связи авторов, но и построить и описать маркемно-генеалогические деревья, визуализирующие предпочтительные (т.е. максимально сильные) проспективные и ретроспективные маркемно-генеалогические связи исследуемых авторов.

Рецензируемая монография имеет и существенную теоретическую значимость, которая заключается в:

- выделении корпуса маркем, составляющих основу единства языка английской художественной прозы XVII—XX веков;
- исследовании его динамики, маркемной периодизации языка английской художественной прозы, выявлении маркемных отношений между текстами английских писателей, измерении их близости, маркемной стратификации английских писателей;
- изучении маркемно-генеалогических отношений, отражающих духовную близость и преемственность английских писателей в той мере, в какой это выражено в их художественных текстах, что вносит вклад в развитие исторической лексикологии английского литературного языка, а также в разработку и применение методов цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities) в лингвистических исследованиях.

Монография имеет большую практическую ценность, поскольку ее результаты и созданная база данных могут использоваться для дальнейших теоретических и практических разработок самой разной направленности в области изучения истории языка английской художественной прозы; в дальнейших маркемологических исследованиях с изменением хронологического, качественного и количественного состава авторов;

при проведении сопоставительных маркемологических исследований; для составления частотных словарей и конкордансов; для разработки курсов истории языка английской литературы и исторической лексикологии английского языка, а также в смежных с лингвистикой областях: при изучении истории английской литературы и духовной истории английского общества.

Монография отличается строгой логикой построения глав и параграфов и состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и пяти приложений, включающих богатый иллюстративный материал, прекрасно скомпонованный в наглядных и содержательных таблицах.

В первой главе "Теоретическая база, объект и инструментарий маркемного анализа художественных текстов" О.Г. Артемова обращается к подробному описанию предпосылок появления, становления и развития нового направления – цифровые гуманитарные науки (Digital Humanities – DH), анализирует историю развития количественных методов в свете теории информации Шеннона, а также подробно останавливается на истории возникновения и развитии одной из разновидностей DH - маркемологии. Возникновение этого нового лингвистического направления, предложенного в 2007 году А.А. Кретовым и с тех пор активно развиваемого им при участии А.А. Фаустова, их коллег и учеников, предопределил разработанный в 2002 году В.Т. Титовым метод параметрического анализа лексики, в частности, один из четырех параметров характеристики лексики языка – функциональный параметр, являющийся мерой употребительности слова. Разработанный на его основе метод формального выделения тематически нейтральной лексики не только подтвердил наличие зависимости между частотой слова и его длиной, но и позволил А.А. Кретову на основе их параметрических весов вывести формулу, определяющую для каждой словоформы конкретного текста Индекс ее Текстуальной Маркированности (ИнТеМ). Данный параметр, являясь мерой информативности слова в тексте, позволил в дальнейшем формализовать процедуру выделения ключевых слов — маркем, а метод, разработанный для их выделения и последующего анализа, получил название метод маркемного анализа.

Указанный тип ключевых слов характеризуется количественным (максимальное значение ИнТеМа) и качественным критериями. Качественный критерий представляет система из семи фильтров: частеречный, грамматический,

грамматико-семантический, тематико-семантический, стилистический, диалогический, классификационный. Следовательно, "маркемой признается нарицательное, стилистически нейтральное имя существительное в единственном числе, именительном падеже, не являющееся обращением, названием месяцев, дней недели, литературных жанров, названием артефактов (кроме символов), словом-классификатором, не представляющее специфику жанра или направления и не выполняющее обстоятельственную функцию" (С. 33).

В настоящее время для обработки исходных текстов и вычисления ИнТеМа каждой словоформы применяются два разработанных в Воронежском государственном университете программных комплекса: 1) ТемАл — для текстов на русском языке и 2) ProTemAl-Engl — для текстов на английском языке.

Маркемологический подход к анализу литературного текста позволяет осуществлять комплексный содержательный анализ текста и предлагает решение таких задач, как исследование художественного мира автора и его маркемной специфики, творчества автора по отношению ко времени, маркемного своеобразия языка литературы в статике и динамике, влияния социокультурных процессов на динамику маркем, установление и исследование лингвостатистических генеалогических связей авторов и др. Таким образом, выделенные в тексте маркемы позволяют определить ценностные ориентиры отдельного автора, группы авторов или исторической эпохи. В последнем случае становится возможным проследить их эволюцию и определить вклад каждого автора, тексты которого исследуются, в их социально значимую вербализацию.

Немаловажным достоинством предлагаемого подхода является "возможность визуализации полученных данных в виде графиков, гистограмм, графов, кластеров, семантических сетей, генеалогических деревьев, карт и их содержательной интерпретации" (С. 35).

Таким образом, маркемология исходит из того, что слово в тексте характеризуют два параметра: постоянный (длина) и переменный (частота), соотношение которых позволяет осуществить функциональную стратификацию словаря автора и проникнуть в содержание текста через его форму. Одновременный учет указанных параметров позволяет адекватно оценить информативность слов в тексте и на этой основе подойти к выделению ключевых слов.

В данной главе О.Г. Артемова также обосновывает выбор объекта и материала исследования, дает пояснения по персоналиям, мотивацию некоторых исключений из ограничений, наложенных в работе на тип дискурса, раскрывает принципы распределения авторов по срезам, предоставляет информацию по количеству и объему исследованного материала; приводит описание инструментария исследования и используемых в работе терминов и сокращений.

Во второй главе книги "Маркемное своеобразие языка английских художественных текстов в статике" исследуется маркемный состав языка английской художественной прозы в каждом из 8-ми полувековых срезов: 17-1, 17-2, 18-1, 18-2, 19-1, 19-2, 20-1, 20-2; выявляются интегральные маркемы языка английской художественной прозы XVII— XX веков. Установлены срезовые доминанты и вице-доминанты; осуществляется ступенчатая идентификация интегральных маркем с выделением семи сематических блоков маркем; изучаются их размерность и распределение в каждом срезе; осуществляется срезовая стратификация исследуемых авторов, позволяющая установить маркемно-типичных и маркемно-оригинальных авторов в каждом отдельном срезе.

Проведенное автором исследование позволило выделить шесть маркем, являющихся доминантами и/или вице-доминантами представленных срезов. Это — consciousness, consideration, disappointment, responsibility, satisfaction, understanding. Также было установлено, что в трех из четырех столетий существует важнейшая тема, закрепляемая единой для обеих его половин доминантной маркемой: XVII век – satisfaction; XIX век – disappointment; XX век – responsibility. Уникальность XVIII века определяется двумя обстоятельствами: 1) доминантной маркемой его первой половины становится understanding — вице-доминантная маркема всего XVII века; 2) доминантная маркема его второй половины — disappointment — определила в дальнейшем главную тему всего XIX века.

В то же время анализ интегральных маркем показал, что доминантной маркемой языка английской художественной прозы всего исследуемого хронологического периода является understanding, вице-доминантной — satisfaction.

Тем не менее О.Г. Артемова убедительно доказывает, что между полученными данными нет противоречия, поскольку именно *understanding* является доминантной маркемой первой половины XVIII века и вице-доминантной (второй по значимости) маркемой всего XVII века, второй половины XVIII и первой половины XX века.

Что касается satisfaction, то, как отмечает автор, выделение ее в качестве вице-доминантной интегральной маркемы обусловлено тем, что, с одной стороны, она является доминантной маркемой всего XVII века, а с другой стороны – не являясь одной из первоочередных тем, стабильно присутствует в каждом из последующих шести срезов.

Следующим шагом, предпринятым в процессе выявления маркемного своеобразия языка английской художественной прозы, стало выделение и анализ сквозных маркем, свидетельствующих как о наличии или отсутствии тем, объединяющих всех авторов одного, нескольких или всех хронологических срезов, так и подтверждающих факт преемственности языка английских прозаических текстов. В ходе исследования автором выделены тринадцать сквозных маркем, из которых пять маркем являются как сквозными срезовыми, так и сквозными интегральными маркемами (understanding, satisfaction, consideration, imagination, confidence), три маркемы - сквозными межсрезовыми маркемами (disappointment (Срезы 18-2, 19-2, 20-2), responsibility (Срезы 19-2, 20-1, 20-2), consciousness (Срезы 19-1, 19-2)), пять маркем исключительно внутрисрезовыми маркемами (conscience, knowledge (Cpe3 17-1), friendship (Cpe3 18-1), difficult(y/ies) (Cpe3 19-1), experience (Cpe3 20-2)).

Заслуживает внимания предложенный в работе принцип ступенчатой семантической идентификации маркем, который позволил формализовать процедуру семантической классификации маркем и выделить семь семантических блоков срезовых и интегральных маркем: ментально-перцептивный, эмоциональный, социальный, качественный, межличностный, морально-этический, фундаментальный. Анализ их размерности позволил О.Г. Артемовой установить, что среди срезовых маркем основными семантическими блоками являются семантические блоки социальных маркем (Срез 17-1), эмоциональных маркем (Срезы 17-2—19-1) и ментально-перцептивных маркем (Срезы 19-1-20-2), доминирующие в каждом из указанных срезов. Среди интегральных маркем преобладают маркемы семантического блока ментально-перцептивных маркем.

Значимой также представляется осуществленная в работе стратификация авторов каждого среза по весовой доле их срезовых маркем, позволяющая установить степень типичности / оригинальности маркемного состава их языка для своего времени и осуществить их ранжирование. Типичные по маркемному составу авторы образуют класс СР-нуклеаров, нетипичные класс СР-маргиналов, а авторы, чьи маркемные

системы в той или иной мере тяготеют к одному из этих двух классов, образуют класс СР-медиаров.

В третьей главе "Связующие маркемы языка английской литературы в статике" представлено детальное исследование связующих маркем в каждом срезе и в языке английской художественной прозы XVII-XX веков как целом. Распространение методики маркемного анализа на исследование связующих маркем позволило О.Г. Артемовой выделить в каждом срезе, а затем и в исследуемом хронологическом периоде наличие одного-трех центров аттракции, выделить в каждом центре аттракции доминантную и вице-доминантную маркемы, установить ведущего и ведомого автора центра аттракции, показать степень маркемной близости авторов отдельных срезов и самих срезов в рамках исследуемого периода. Интересным представляется вывод автора о том, что "количество образуемых в срезе графов можно рассматривать как косвенный показатель степени интеграции общества вокруг общих тем, поднимаемых исследуемыми авторами среза. Наличие одного графа в срезе свидетельствует о наличии важнейших тем, вызывающих общий отклик у всех авторов среза. Наличие двух или трех графов указывает на наличие в срезе тем, важных отдельно для двух-трех групп авторов, каждая из которых объединяется возле соответствующего для нее центра аттракции" (С. 274–275). Так, один граф образуют авторы XIX века, два графа — авторы второй половины XVII века и авторы XX века. На широту проблематики, волнующей писателей первой половины XVII и всего XVIII века, указывает образование в этих срезах трех графов.

На основе визуализации межсрезовых предпочтительных маркемных связей автору удалось выявить наличие в английской художественной литературе трех веков-аттракторов: XVII, XIX, XX века и осуществить убедительную маркемную периодизацию языка английской художественной прозы, выделив три этапа его развития: I этап – становление (XVII – первая половина XVIII века), II этап – расцвет (вторая половина XVIII - XIX век), III этап — увядание (XX век). Также при исследовании межсрезовых связующих маркем выявлены маркемы, обеспечивающие преемственность языка английской художественной прозы XVII-XX веков.

В четвертой главе "Маркемное своеобразие языка английской литературы в динамике" автором работы подробно исследуется устойчивое и изменчивое в составе маркем английской художественной прозы; описывается становление маркемного корпуса языка английской

художественной прозы; устанавливается маркемная стратификация представителей английской художественной прозы, с которой нельзя не согласиться; осуществляется их маркемно-генеалогическое исследование; анализируется маркемная траектория языка английской художественной прозы, дающая основание для несколько неожиданного, но в целом убедительного вывода.

Так, проведенный О.Г. Артемовой анализ показывает, что среди интегральных маркем преобладают устойчивые маркемы (29), составляющие 58% от числа интегральных маркем. Максимальную устойчивость проявляют 15 маркем: perfection, dissatisfaction, contradiction, indignation, astonishment, assistance, gratification, resolution, confidence, happiness, mortification, accomplishment, observation, indifference, civilization. Максимально изменчивыми, в свою очередь, являются 8 маркем: reconciliation, destruction, knowledge, expectation, independence, satisfaction, difficult(y/ies), remembrance, significance, experience, consciousness, consideration, imagination, pleasure.

Дальнейший качественный анализ семантических блоков маркем показал, что в составе семантических блоков эмоциональных, социальных и качественных маркем превалируют устойчивые маркемы, тогда как в семантических блоках межличностных и морально-этических маркем преобладают изменчивые маркемы. Семантические блоки ментально-перцептивных и фундаментальных маркем характеризует равное количество устойчивых и изменчивых маркем.

Анализируя далее становление маркемного корпуса языка английской художественной прозы, основу которого обеспечила первая половина XVII века, О.Г. Артемова приходит к выводу о том, что целостность маркемного состава языка английской художественной прозы достигается за счет непрерывного накопления интегральных маркем и их полного (или почти полного) принятия последующими срезами. Минимальный за период наблюдения прирост интегральных маркем в XX веке позволил автору утверждать, что вслед за упадком в первой половине столетия в развитии языка английской художественной прозы наступил период застоя, что может служить признаком начала смены литературных эпох.

Данные, полученные в ходе сводной стратификации писателей по типичности-оригинальности маркемного состава их языка, дали автору работы основание утверждать, что наиболее типичным по маркемному составу для английской прозаической литературы является XIX век, 19 представителей которого входят в число СВ-нуклеаров,

а самым оригинальным является XVII век, из которого вышли 13 СВ-маргиналов и 2 СВ-супермаргинала. В этой связи убедительным представляется вывод, к которому на основании результатов СВ-стратификации писателей приходит О.Г. Артемова: "Являясь веком нуклеаров, XIX век, тем самым, составляет маркемную сердцевину английской прозаической литературы, ее золотой век. XVIII век, сосредоточивший в себе максимальное число медиаров, с одной стороны, является продолжателем тем, поднимаемых в литературе предшествующего XVII века, с другой стороны — закладывает фундамент для развития новых тем последующим XIX веком. Особая оригинальность и своеобразие присущи XVII веку – веку маргиналов и супермаргиналов. Интересные данные для размышления предоставляет XX век. С одной стороны, его отличает второе после XIX века количество нуклеаров, однако резкое снижение их числа во второй половине XX века указывает на то, что английская прозаическая литература уже пережила пик своего развития и находится в состоянии увядания. С другой стороны, являясь веком медиаров, количество которых довольно близко к максимальному. ХХ век. подобно веку XVIII, может представлять тот плацдарм, на котором идет подготовка нового подъема английской прозаической литературы второго тысячелетия" (С. 298).

Бесспорно, интересными и важными представляются результаты, полученные автором при проведении маркемно-генеалогического исследования, позволившего при установлении ретроспективных маркемно-генеалогических связей выделить МГ-род Шерли, объединивший 95 из 128 авторов, а при установлении проспективных маркемно-генеалогических связей выделить три МГ-родословия: МГ-родословие Голдинга (24 автора), МГ-родословие О'Брайана (28 авторов), МГ-родословие Силлитоу (57 авторов). Можно приветствовать, что в качестве способа визуализации двух типов маркемно-генеалогических связей, выделяемых на основе метода лингвостатистической генеалогии, автор предлагает понятные и удобные для восприятия маркемно-генеалогические деревья, для описания которых предлагается строгий алгоритм выделения семей, семейств, МГ-рода/МГ-родословия. Особо ценной представляется визуализация обоюдных маркемно-генеалогических связей, полученных в результате наложения маркемно-генеалогических деревьев ретроспективных и проспективных маркемно-генеалогических связей, позволяющая установить авторов, чьи маркемные системы обеспечивают маркемную целостность, преемственность и единство языка английской художественной прозы.

Кроме того, установлено, что максимально высокой связующей силой обладают маркемные системы 15-ти авторов: Бен (17-2), Конан Дойля (20-1), В. Скотта (19-1), Гаскелл (19-1), Кристи (20-1), Лэма (19-1), Холкрофта (18-2), Марриета (19-1), Отвея (17-2), Филдинга (18-1), Голдинга (20-2), Стила (18-1), Гея (18-1), Гринвуда (19-2), Дж. К. Джерома (20-1), а три из них — В. Скотт, Гринвуд, Конан Дойль, имея одновременно статус ретроспективного "предка" и проспективного "потомка", становятся важнейшими связующими фигурами в маркемной генеалогии английской художественной прозы XVII—XX веков.

Список использованной литературы весьма впечатляющий, содержит новейшую литературу и вполне может служить надежным ориентиром для других исследователей.

В заключение необходимо отметить, что монография О.Г. Артемовой, безусловно, открывает новые перспективы не только для дальнейшего исследования (в том числе и сопоставительного) маркемной специфики английского языка, представленного отдельными совокупностями текстов, направлениями, течениями, нашедшими отражение в текстах английской литературы на различных этапах ее развития, но и для исследования маркемной специфики британской и американской литературы.

Мне как лексикографу остается лишь сожалеть, что богатый материал монографии не подкреплен ценными данными из многочисленных словарей языка английских писателей, ведущих свою историю с XVI века и включающих более трехсот словарей различных типов ко всему творчеству и отдельным произведениям Дж. Чосера, У. Шекспира, Д. Мильтона и других 70 художников слова. Надеюсь, что в своих дальнейших

исследованиях О.Г. Артемова обратится к этим ценным справочникам.

Вызывает возражение и не совсем корректное использование термина "английская литература" в названии третьей главы монографии применительно к заявленному автором объекту исследования – художественной прозе. Хотя, вероятно, на это повлияли те исключения из ограничений, которые автор наложил на тип дискурса при отборе писателей XVII-XVIII веков и их произведений, включив в проводимое исследование произведения Шекспира, поэмы Мильтона, философские трактаты Бэкона, Гоббса и Локка, религиозные произведения Бэньяна. Тем не менее хотелось бы обратить внимание автора на необходимость более взвешенного подхода к терминоупотреблению, поскольку в связи с этим возникает и вопрос, насколько целесообразно использовать в качестве синонимов словосочетания "язык английской художественной прозы XVII-XX веков" словосочетаний, обладающих более широким объемом понятий, например: "язык английской литературы", "язык английской прозаической литературы", "английский литературный язык", "язык прозаических текстов английских писателей XVII-XX веков".

Впрочем, несмотря на возникшие в результате прочтения монографии вопросы и сомнения, изложенное выше позволяет утверждать, что по своей актуальности, новизне, теоретической значимости и практической ценности монография О.Г. Артемовой "Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза" вносит достойный и весомый вклад в изучение языка и стиля писателей в свете маркемного анализа. Материалы монографии могут с успехом использоваться на филологических факультетах университетов и при составлении корпусов и словарей языка английских писателей.

О.М. Карпова Доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-образовательного центра "Современная российская и европейская лексикография" Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета Россия, 153025, г. Иваново, ул. Тимирязева, д. 5а olga.m.karpova@mail.ru

Olga M. Karpova Doct. Sci. (Philol.), Professor, Head of Research Educational Centre "Modern Russian and European Lexicography" of the Institute of Humanities of Ivanovo State University, 5a Timiriazeva Str., Ivanovo, 153025, Russia olga.m.karpova@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию: 1 июня 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 16 июня 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 июня 2021 г.

Дата публикации: 31 октября 2021 г.

Received by Editor on June 1, 2021

Revised on June 16, 2021

Accepted on June 30, 2021

Date of publication: October 31, 2021

Для цитирования: *Карпова О.М.* <*Рец.*> *Артемова О.Г.* Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза / Научн. ред. А.А. Кретов. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. (Серия: Библиотека маркемологии. Т. 4). 596 с. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 108—114. DOI: 10.31857/S241377150016299-1

For citation: Karpova, O.M. <Rev.> Artemova O.G. Yazykovye klyuchi k anglijskoj literature ot Shekspira do Faulza / Nauchn. red. A.A. Kretov. Voronezh: Nauka-Yunipress, 2020. (Seriya: Biblioteka Markemologii. T. 4). 596 s. [Artemova, O.G. Language Keys to English Literature from Shakespeare to Fowles / Sci. Ed. A.A. Kretov. Voronezh, Nauka-Unipress, 2020. (Ser. "Library of Markemology". Vol. 4.) 596 p. [In Russ.]]. Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 5, pp. 108–114. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150016299-1

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S241377150017133-9

Грановская Л. М. Русская лексика времен Гражданской войны. 1918—1920. М.: Флинта, 2020. 72 с.

Granovskaya, L. M. Russian Vocabulary of the Civil War. 1918–1920. Moscow, Flinta, 2020. 72 p. [In Russ.]

Книгу Л.М. Грановской можно назвать событием в современной русистике и в известной степени открытием. Небольшая по объему (около четверти авторского листа), она поражает беспримерным обилием фактического материала, большая часть которого — думаю, что не ошибаюсь, — неизвестна нашим читателям.

Источниками языкового материала для автора книги послужил весьма широкий круг текстов: большевистская и эмигрантская публицистика, художественная литература, изданная как в Стране Советов, так и за границей, воспоминания участников Гражданской войны и многое другое, а также работы лингвистов, посвященные изменениям в лексике русского языка первой трети XX века. Многие из этих источников впервые стали объектом научного анализа в этой книге.

Л.М. Грановская исследует порожденный Гражданской войной словарь: «частью укрепившийся, частью оставшийся в языке в виде слов-однодневок, неизменно обращенных к реальным событиям, истолкованию "новых смыслов", осложненных оценками многоликой речевой среды» (с. 5).

Конечно, среди актуальной лексики того времени было немало слов-однодневок, но они, несомненно, были и составляли определенную долю лексики русского языка. Они называли явления, которые в совокупности изображают картину Гражданской войны гораздо более сложной и многоцветной, чем это было известно до сих пор.

Так, например, слово военка, называвшее "аппарат для руководства политической работой армии", по данным используемых Л.М. Грановской источников, созданный еще до рождения Красной армии (в 1917 г.), мы не найдем ни в одном словаре. Это слово создано по продуктивной

словообразовательной модели, характерной для разговорной русской речи и, следовательно, отражает и живую речь того времени.

Благодаря материалам, приводимым в книге Л.М. Грановской, цветовая военно-политическая палитра Гражданской войны представляется гораздо разнообразнее, богаче. Кроме общеизвестных противопоставлений — белые — красные — зеленые, существовали красно-зеленые, зелено-белые, черно-зеленые и др. И с детства известные всем говорящим по-русски термины — белые и красные — в период с 1918 по 1920 год были неоднозначны.

В книге подробно рассматривается содержание термина "белое движение". Вот некоторые фрагменты из книги:

"Показательно, что белый и красный цвета варьировались в окраске знамен Белой армии" (с. 6). С современной точки зрения невозможно было бы определить по цвету головных уборов принадлежность солдат и офицеров к тому или иному политическому движению. "Белое дело, белое движение — совокупность вооруженных сил, политических объединений и общественных организаций, боровшихся в годы гражданской войны против диктатуры большевиков" (там же).

«"Белая гвардия" — выражение, появившееся в России в конце 1905 года как самоназвание боевых дружин Союза русского народа. В Одессе 1917 года "Белой гвардией" называли себя студенческие боевые дружины, в Москве — выступившие вместе с отрядами юнкеров и кадетов на защиту Временного правительства» (с. 7).

«Лишь с лета 1918 г. наименования "белогвардейцы", "белые", "белые армии" распространяются на все силы, выступившие с оружием против большевиков» (с. 8).

Ряд источников, используемых Л.М. Грановской, показывает и неоднозначное употребление слова *зеленые*. *Зеленые* — это:

- 1. Обиходное название членов контрреволюционных партизанских отрядов, в годы Гражданской войны скрывавшихся в лесах.
- 2. Уклоняющиеся от мобилизации дезертиры, банды разбойников и грабители.
- 3. "Уцелевшие остатки деникинских банд, контрреволюционеры, воры и бандиты" (по определению большевиков).
- 4. "Зеленоармейское движение это протест крестьянства против черной и красной реакции". Это определение автор книги цитирует из работ Н.В. Вороновича и С. Федорченко (с. 9).

Обобщенное название *бело-зеленые*, по свидетельству Б. Савинкова, использовалось применительно к любой разновидности контрреволюции (с. 10). На Украине контрреволюция называлась желто-голубой по цвету национального знамени.

Анализируя книгу Л.М. Грановской, можно прийти к выводу, что ни одна эпоха в России не была такой "цветастой", так разнообразно "окрашенной", как эти три года Гражданской войны. Так ярко представлена этим "разноцветием" связь идеологии, политики и реальной жизни во времена Гражданской войны.

Такое политическое и военное "разноцветие" в период с 1918 по 1920 год интересно, в частности, и потому, что в дальнейшем политический спектр в России стал весьма ограничен или стал включать в себя и другие "краски". Например, в 90-е годы XX века к субстантивату красные, ставшему к этому времени историзмом, добавился новый политический термин коричневые (цвет фашизма). Ср.: По Тверской, мимо памятника Юрию Долгорукому, как всегда спешили красные и коричневые, ярые демократы и обыкновенные пофигисты (Комсомольская правда, 29.02.96).

Заметим, что на Западе, как отмечает В.Г. Костомаров, "окраску русских политических партий" представляют в виде радуги [1, с. 111].

Интересный языковой материал приводится автором рецензируемой книги из области названий денежных знаков, быстро возникавших и также быстро сменявших друг друга. Их "порождали" и пускали в оборот преимущественно генералы белого движения — Деникин, Колчак, Юденич. Так, помимо известных денежных единиц — лимон, катенька, керенки — некоторое время существовали: колокольчики — деньги, выпущенные А.И. Деникиным на юге России:

на ассигнации в 1000 рублей был изображен Царь-колокол; *крылатки* — деньги армии генерала Н.Н. Юденича, на которых был изображен орел; *галки* и фазанчики, выпущенные А.В. Колчаком; *хамса* — крымские деньги и еще многие другие (с. 20—21). Из них возродился во время НЭПа и сохранился до нашего времени только *лимон* в значении миллион денежных единиц.

Яркая картина: смена власти, множественность властных структур — и смена, и многообразие денежных систем и самих денег.

Л.М. Грановская отмечает в этой своей книге (у нее есть и специальная работа об этом — (см. [2]) влияние лексических новшеств французской революции, к которой большевики относились восторженно, на лексику Гражданской войны в России. Слова декрет, директория, конвент, трибунал и даже гильотина (последнее ввел, по-видимому, Троцкий) употреблялись политическими деятелями и в центре, и на периферии России.

Об аббревиатурах, распространенных в 20-е—30-е годы XX века, существует разнообразная научная и справочная литература. В рецензируемой работе Л.М. Грановской приводятся данные о распространении "телеграфных" аббревиатур еще с начала Первой мировой войны. Вот некоторые примеры, приведенные в книге: бацарстав — "командир отдельной батареи для обороны царской ставки", обозбат — "обозный батальон", слабартоз — "помощник военного генерал-губернатора по гражданской части".

Приметой рассматриваемого времени были, как отмечает Л.М. Грановская, многие аббревиатуры, использовавшиеся в военных документах. Автор приводит очень показательный пример из приказов временного командующего частями Красной армии Чернышева: "Начсово беззамедлительно организовать перевозку [оружия] по заданиям упродарма, начснабарма, начсанарма и начдива тридцать один" (с. 42). Из книги С.И. Карцевского (один из источников, используемых автором рецензируемой книги) стала известна юмористическая аббревиатура Наркомпоморде = Народный комиссар по морским делам; см. [3].

Такие громоздкие образования, как известно, не раз пародировались: *главначпупс* (Маяковский), *ниичаво* (Стругацкие) и др.

Интересны сведения о времени появления некоторых известных слов, которые мы находим в книге Л.М. Грановской. Так, слово *мешочник* (в значении "тот, кто возил в мешках хлеб и другие продукты для продажи по повышенной цене")

стало употребляться с 1918 года ("Большой академический словарь" приводит первую словарную фиксацию: "Толковый словарь русского языка" под ред. Д.Н Ушакова, том 2, 1938). В годы Гражданской войны появились слова сыпняк (сыпной тиф), буржуйка (маленькая кустарная печь).

В книге Л.М. Грановской отмечено начавшееся в годы Гражданской войны влияние жаргона и арго на разговорную речь. Некоторые жаргонизмы того времени широко употреблялись в 20-х, 30-х годах — *братва*, *буза*, клёши, клёшники (носящие брюки клёш). В наше время активизировалось слово *братва*.

Освоение существительных с суффиксом $-\kappa(a)$, весьма характерных для современной русской разговорной речи, происходило, по наблюдениям современников, под влиянием речи революционеров. Ср. прежде считавшиеся вульгарными дежурка, читалка, столовка, ассигновка, нелегалка, дисциплинарка, защитка (защитная одежда).

Помимо новых слов в описываемый период появлялись и новые значения слов известных. Они, как и новые слова, отражали общественно-политическую ситуацию того времени. Приведу примеры из рецензируемой книги:

Передышка — политический лозунг о необходимости заключения мирного договора с Германией; прикрепление — отдача хлебной и продуктовой карточки в продовольственную лавку. Это значение ожило в период Отечественной войны.

Один забавный пример приводит Л.М. Грановская из книги П.Н. Милюкова: употребление Л. Троцким слова *редиска* — о военных специалистах ("спецах"), пришедших на службу к большевикам: "красные снаружи, но белые внутри". Не оттуда ли пошло употребление "плохой человек" в речи героев современного фильма "Джентльмены удачи"?

Большим достоинством книги Л.М. Грановской является огромное количество и разнообразие

изученных автором источников, среди которых значительную часть составляют работы первой половины 20-х годов XX века. В значительной мере это свидетельства современников. Таким источникам, считает автор, можно доверять.

Нельзя не отметить еще одно несомненное достоинство рецензируемой книги. Она написана ясным, точным языком и, как говорится, плотно — ничего лишнего, нет ни капли "воды".

Книгу Л.М. Грановской, изданную очень маленьким тиражом, хорошо бы переиздать большим тиражом, а значительную часть лексики, порожденной Гражданской войной, включить в современные толковые словари в качестве историзмов или архаизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
- 2. Грановская Л.М. Языковое наследие эпохи Великой французской революции в русском литературном языке. Баку, 2014.
- 3. *Карцевский С.И.* Язык, война и революция. Берлин, 1923.

REFERENCES

- 1. Kostomarov, V.G. *Yazykovoj vkus epohi. Iz nablyudenij nad rechevoj praktikoj mass-media* [The Linguistic Taste of the Epoch. From Observations on the Speech Practice of the Mass Media]. Moscow, 1994. (In Russ.)
- 2. Granovskaya, L.M. Yazykovoe nasledie epohi Velikoj francuzskoj revolyucii v russkom literaturnom yazyke [Linguistic Heritage of the Era of the Great French Revolution in the Russian Literary Language]. Baku, 2014. (In Russ.)
- 3. Karcevskiy, S.I. *Yazyk, vojna i revolyuciya* [Language, War and Revolution]. Berlin, 1923. (In Russ.)

О.П. Ермакова Доктор филологических наук, профессор Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского Россия, 248023 Калуга, ул. Степана Разина, д. 26 olga ermakovakaluga@mail.ru

Olga P. Yermakova Doct. Sci. (Philol.), Professor of the Kaluga State K.E. Tsiolkovsky University 26 Stepana Razina Str., Kaluga, 248023, Russia olga_ermakovakaluga@mail.ru Дата поступления материала в редакцию: 9 июля 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 16 июля 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 июля 2021 г.

Дата публикации: 31 октября 2021 г.

Received by Editor on July 9, 2021

Revised on July 16, 2021

Accepted on July 30, 2021

Date of publication: October 31, 2021

Для цитирования: *Ермакова О.П.* <*Рец.*> *Грановская Л.М.* Русская лексика времен Гражданской войны. 1918—1920. М.: Флинта, 2020. 72 с. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 115—118. DOI: 10.31857/S241377150017133-9

For citation: Yermakova, O.P. <Rev.> *Granovskaya L.M. Russkaya leksika vremen Grazhdanskoj vojny. 1918–1920. M.: Flinta, 2020. 72 s.* [Granovskaya, L. M. Russian Vocabulary of the Civil War. 1918–1920. Moscow, Flinta, 2020. 72 p. [In Russ.]]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 5, pp. 115–118. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017133-9

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
 - развитие научной периодики
 - внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% доктора наук
- более 45% кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология •
- Социология

- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение •
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология

- Археология
- Менеджмент •
- Юриспруденция
- Экономика •

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

E-mail: info@gaugn.ru

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

vk.com/gaugn